

УХОД И СМЕРТЬ ТОЛСТОГО В ОТКЛИКАХ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Обзор Л. Р. Ланского *

Известие о внезапном отъезде Толстого из Ясной Поляны потрясло миллионы людей на всех широтах земного шара. В течение продолжительного времени имя его не сходило со страниц газет и журналов всего мира. Изодня в день в периодической печати публиковались обширные бюллетени о местонахождении и состоянии здоровья престарелого писателя, биографические очерки, портреты, а затем — некрологические статьи, многие из которых принадлежали перу крупнейших деятелей литературы и журналистики.

В большинстве столиц и во многих провинциальных городах смерть Толстого была отмечена массовыми собраниями и политическими манифестациями. Такого колоссального внимания печать и общественное мнение никогда не уделяли ни одному современному писателю и ни одному писателю прошлого. Без всякого преувеличения можно сказать, что конец 1910 г. во всем мире прошел под знаком Толстого.

«Если бы понадобилось доказать, что нашему времени еще известны благородные чувства, — замечала парижская газета «Action», — достаточно

* Публикуемая работа является итогом изучения иностранной и русской периодики конца 1910 — начала 1911 г., а также коллекций газетных вырезок, хранящихся в библиотеке Музея Толстого (Москва), Архива Толстого (Москва), Института русской литературы (Ленинград), Ивановского краеведческого музея и музея-усадьбы «Ясная Поляна». Кроме того, в обзоре широко использованы микрофильмы, фотокопии и машинописные копии, присланные для настоящей работы из-за рубежа (из Австралии, Англии, Венгрии, ГДР, Голландии, Дании, Индии, Италии, Канады, Китая, Кубы, Мексики, Норвегии, Польши, Румынии, США, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции, Югославии и Японии). В связи с этим автор обзора приносит глубокую благодарность за присланные материалы следующим организациям: Biblioteca Nazionale Marciana (Венеция), Biblioteca Nacional Jose Marti (Гавана), Biblioteka Jagiellonski (Краков), Bibliothèque de la Cité de Montréal (Монреаль), Bibliothèque Publique et Universitaire (Женева), Bibliothèque Royale de Belgique (Брюссель), Государственной публичной библиотеке (Пекин), *(Толстой (Париж))* Instituto Bibliografico Mexicano (Мехико), Institut d'Etudes Slaves (Париж), Musée-Bibliothèque de Koninklijke Bibliotheek (Гаага), Kungliga Biblioteket (Стокгольм), Народна библиотека (Белград), State Library of Victoria (Мельбурн), Státní knihovna československé socialistické Republiky univerzitní knihovna (Прага), Universitetsbiblioteket (Копенгаген), Universitetsbiblioteket (Осло), Universität Bibliothek (Лейпциг), а также Ж. Базену (Монреаль), Б. Бялокозовичу (Варшава), Г. Вережану (Копенгаген), С. Дально (Стокгольм), Ж. Зельдгейм (Будапешт), К. Козелеку и С. Колафе (Прага), Г. Крагелю (Осло), Ж. Ламберу (Брюссель), К. Левицкому (Краков), О. Лиллиестаму (Стокгольм), Г. Мёкли (Женева), Х. И. Мантекону (Мехико), Ч. Миндеровичу (Белград), М. Морикава (Нара-ши; Япония), А. Мюнзу (Радебёль, ГДР), Т. Николеску (Бухарест), Ж. де Пруайар (Париж), Дж. Симмонсу (Оксфорд), Г. Л. Тевтерасу (Осло), Дж. А. Фили (Мельбурн), М. Т. Фрейре де Андреде (Гавана), Ш. В. Схенперу (Гаага) и У. Эджертону (Блумингтон, США). — Все полученные из-за рубежа материалы передаются в библиотеку Музея Толстого (Москва).

было бы обратить внимание на то, как скорбят народы, склонившись над узкой железной кроватью, на которой умирает этот великий человек...»^{*1}

«Во всем мире нет ни одного образованного человека, который не вздрогнул бы от мучительного волнения, услышав известие о смерти Толстого», — читаем мы в женевской газете «*Semaine Littéraire*». Всем было ясно, что с Толстым исчезает одна из величайших, если не самая великая фигура XIX столетия. «Уход и смерть Толстого в глазах пораженных современников, — отмечал один итальянский журналист, — приобрели величие мифа»².

Разумеется, не все, что было написано тогда о Толстом, сохраняет интерес для нашего времени. Наряду с искренними проявлениями скорби и вдумчивой оценкой личности и творческого наследия великого писателя, на страницах иностранных газет и журналов появилось немало ошибочных суждений и невыносимых банальностей. Реакционная журналистика не упустила возможности наброситься на своего давнего противника, неумоимого обличителя социальных зол, и во многих изданиях появились статьи, скорее похожие на удары копытом, чем на некрологи. Некоторые из завязятых врагов Толстого, не забываящих и даже преувеличивавших его роль в недавней русской революции, лицемерно восхваляли «мистического пророка», «религиозного реформатора», стараясь при этом набросить тень не только на социальные воззрения писателя, но и на его художественное мастерство. Однако это вмешательство пошлости и политического цинизма не смогло сколько-нибудь заметно омрачить скорбь человечества в минуту утраты замечательнейшего из его сыновей.

Глава I

УХОД ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ.— БОЛЕЗНЬ

«Со смешанным чувством ошеломления, сострадания, скептицизма и иронии встретила Западная Европа бегство в одиночество Толстого, беспомощно глядя на это событие», — писал один из немецких журналистов, характеризуя впечатление, произведенное на общественное мнение за рубежами России известием о таинственном уходе из дому знаменитого восьмидесятидвухлетнего писателя¹.

«„Толстой исчез!“... „Толстой найден!“... „Толстой умирает!“ — Вот три сенсационные телеграммы, полученные в течение трех дней, — три изумленных возгласа, отмечающих краткие и мучительные этапы драмы совести и домашней трагедии, которые взволновали весь мир», — отмечал распространенный парижский журнал «*Illustration*»².

Перепечатывая десятки экстренных сообщений международных телеграфных агентств, депеши собственных корреспондентов и бесчисленные подробности из русской периодической печати, иностранные газеты и журналы терялись в догадках о причинах, вызвавших уход от «безутешной семьи» «богатого, знаменитого, всеми уважаемого старца». Составители редакционных заметок и передовиц торопливо перелистывали произведения Толстого, стараясь выискать в них мотивы, сколько-нибудь объясняющие неожиданный поступок престарелого писателя, и высказывали при этом предположения самого противоречивого характера.

Сын Толстого, Лев Львович, пытался уверить парижских репортеров, что отец его «имеет обыкновение ежегодно в это время года уединяться, уходить от людей, изолироваться» и что он «через несколько недель снова

* Перевод иноязычных текстов, за исключением цитат, оговоренных в примечаниях, принадлежит автору обзора. — *Ред.*

вернется в Ясную Поляну». Его словам не придали значения, и журналисты обратились за разъяснениями в русское посольство, где их заверили, что «никаких депеш из Петербурга не получено»³.

«В литературных кругах особенно оживленно обмениваются мнениями и впечатлениями об „оставлении мира“ яснополянским „помещиком“, — писал парижский корреспондент «Биржевых ведомостей» 14/1 ноября. — Причина особенного оживления та, что одна известная большая газета вследствие распространившихся недавно слухов об опасном положении Толстого заказала выдающимся писателям — Анатолу Франсу, Жюлю Кларти, Марселю Прево, Метерлинку, Ж. Ришпену и другим статьи о Толстом⁴. Некоторые писатели уже эти статьи написали. Франс отказался писать статью, сказав, что слишком чтит Толстого-писателя, чтобы писать о нем статью. О Толстом-де надо писать книги, внимательно изучив это громадное явление истории, а не статью, которую даже добросовестный критик с трудом может написать. В этом же смысле высказываются и некоторые другие писатели, обещав, однако, дать свои мнения. Два-три драматурга готовили для будущего сезона пьесы — переделки произведений Толстого, а одна — даже из жизни Толстого. Теперь автор мне сказал: „Придется все переделывать ввиду этого громадного факта, достойно завершающего историю *личной* жизни великого писателя и сводящего, наконец, воедино *проповедь* и *дела* великого старца“. Последняя нота — соответствие *слов* с *делами* доминирует в настроениях и разговорах парижской интеллигенции об оставлении Львом Николаевичем семьи»⁵.

И действительно, большинство органов иностранной печати и видных общественных деятелей после непродолжительного замешательства пришло к убеждению, что главным, если не единственным поводом для решительного шага, предпринятого Толстым, было давно осознанное им желание согласовать свою жизнь с проповедававшимся учением. Однако высказывания о том, что уход Толстого был вызван исключительно семейными неурядицами, желанием «уйти в одиночество», денежными тяжбами и даже будто бы «обращением в истинно христианскую веру», продолжали в течение долгого времени преобладать на страницах многочисленных периодических изданий Европы и Америки. Желтая пресса, разумеется, воспользовалась удобным предлогом для сенсационного освещения личной жизни Толстого, перемешивая подлинные факты со всякого рода скандальными подробностями и инсинуациями; что же касается реакционной и, в частности, клерикальной печати, то она старалась внушить своим читателям, что уход Толстого вызван «морально-религиозным кризисом» в его мировоззрении. Все это разноречие на первых порах, разумеется, сбивало с толку не только рядовых читателей, но и многих видных деятелей мировой культуры*.

«Когда 11 ноября во все концы цивилизованного мира разнеслась весть, что почтенный писатель-реформатор бежал из собственного дома и неизвестно куда, — писал обозреватель журнала «American Review of Reviews», — то на первых порах это вызвало всевозможные толки и довольно резкое осуждение. Однако мало-помалу все осознали, что этот мрачный конец явился неизбежным логическим завершением жизни Толстого».

«Новость о поразительном странствовании по России великого человека, естественно, возбудила сильнейший интерес в Англии, — отмечалось в лондонской газете «Morning Post» 14 ноября, — и все искреннейшие почитатели графа Толстого глубоко тронуты и благодарны ему за то, что он сделал это последнее усилие, чтоб освободить себя от противоречий с самим собою».

* Подробный анализ основных тенденций русской и иностранной печати в объяснении причин, заставивших писателя покинуть Ясную Поляну, см. в кн.: Б. Мейлах. Уход и смерть Льва Толстого. М.—Л., 1960.

«Какова бы ни была цель его бегства, — заявила венская газета «Neue freie Presse», — мир лишается центрального пункта художественных интересов, пункта, привлекавшего столько паломников, из которого лились целые потоки света. Для самой России это бегство равносильно крушению какой-то великой надежды. Была определенная точка опоры. Было нечто цельное, живое, ненадломленное, пока гигантская личность Толстого вела обычную, земную жизнь. Теперь голос этой личности едва ли будет звучать так часто. Благодетель народа, властелин в сфере искусства, пред которым преклонялись, даже когда он ошибался, ушел в одиночество. Он покинул нашу культуру, и мы стали беднее. Он был величайшим поэтом. Он служил величайшей возбуждающей силой в наше время. Безмерная потеря для всего мира»⁶.

13 ноября парижская «Matin», получив специальную телеграмму из «Русского слова», сообщила в отделе последних новостей под заголовком «Найден», что Толстой «обнаружен» в Шамординском монастыре.

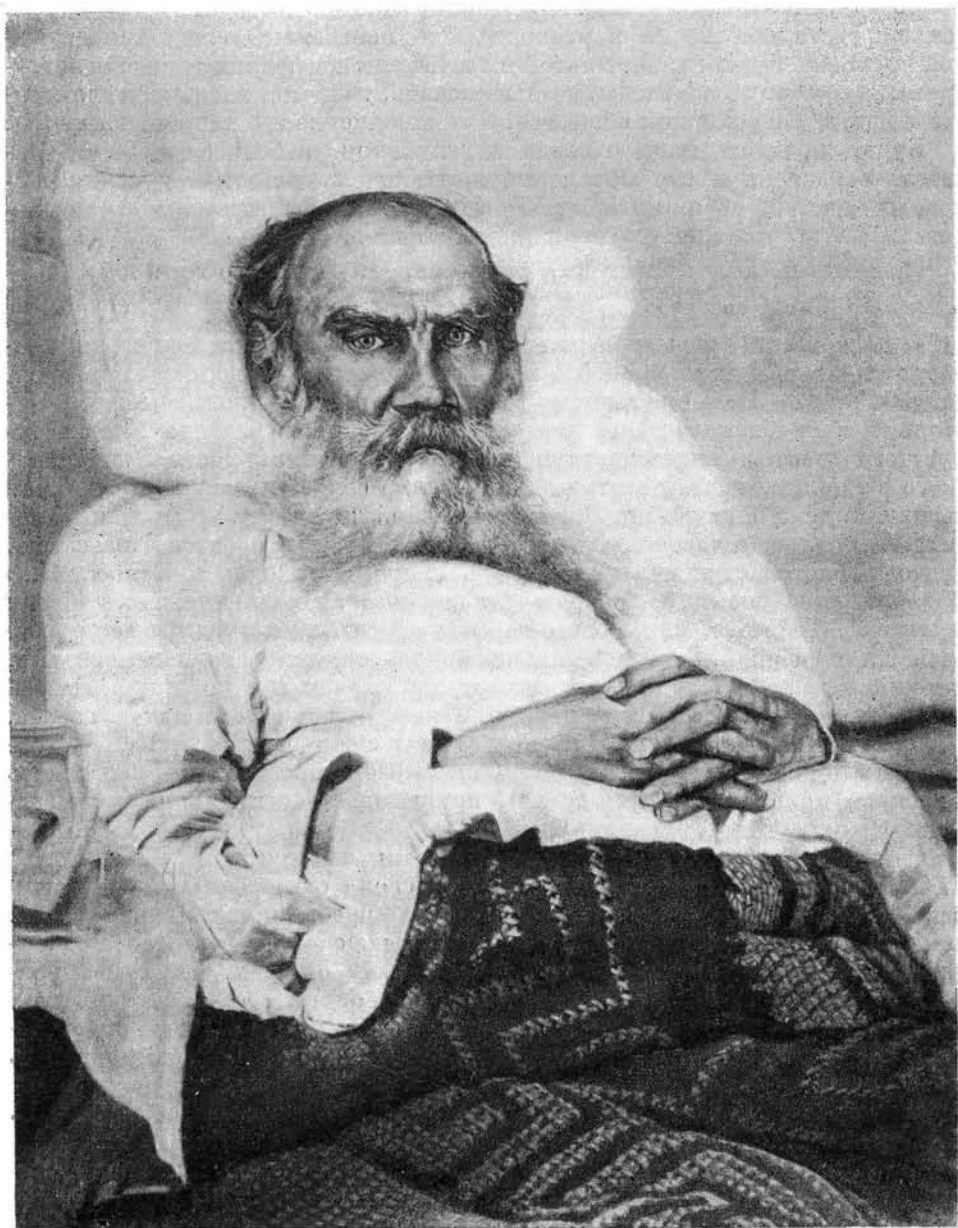
Аналогичное сообщение со ссылкой на «Русское слово» напечатала и лондонская газета «Times» 14 ноября под заголовком «Удаление в монастырь», намекая на религиозное «просветление» Толстого. Эта и другие публикации вызвали в тот же день следующее открытое письмо известного революционера-анархиста П. А. Кропоткина к редактору «Times»:

«Милостивый государь,

Я увидел в сегодняшних утренних газетах утверждение, что наш великий писатель Толстой будто бы удалился в монастырь и что в связи с этим как здесь, так и в России делаются предположения о возможном отречении его от тех своих религиозных убеждений, за которые он был отлучен российским Синодом от православной церкви.

Не сомневаюсь, что мы в скором времени получим точные известия об истинных намерениях Толстого. Позвольте мне пока лишь заметить, что слова „удалиться в монастырь“ вовсе не означают пострижения в монахи. При некоторых русских монастырях, на их землях, в их лесных угодьях, построены бревенчатые избушки, и тот, кто желает удалиться от мирской жизни, может снять такую избушку или построить себе новую. По всей вероятности, именно так и намерен поступить Толстой. Тем более что, как нам стало сегодня известно, он отправился в Шамординский монастырь, где живет уже давно постриженная в монахини его сестра Мария, а этот монастырь, кажется, находится невдалеке от Оптиной пустыни, где, помнится, мне довелось в детстве видеть двух-трех отшельников — не монахов, живших вне монастырских стен, в своих бревенчатых избушках, в глуби прекраснейших лесов, являющихся собственностью монастыря.

Что же касается возможности „отречения“ Толстого от своих религиозных убеждений, то, по моему мнению, это совершенно невероятно. Надо заметить, что последние два года я с особым увлечением изучал внутреннюю драму жизни Толстого (и писал о ней) — как она обрисовывается по его романам и другим сочинениям, а также по биографическим материалам, которые он сам разрешил опубликовать своему другу П. И. Бирюкову; и я убежден, что, после того как он посвятил последние тридцать лет своей жизни выработке всеобщей рациональной религии, совершенно лишенной мистических элементов современного христианства, — религии, которая, по его словам, должна быть одинаково приемлема для христианина и для буддиста, для иудея и для мусульманина, и для последователя Лао-цзы так же, как и для людей свободомыслящих и для любого этического философа; после того как он с такой страстью провозгласил в своих последних сочинениях высшее, решающее право Разума в вопросах религии, Толстой, конечно, не возвратится к учению православной церкви.

ТОЛСТОЙ

Гравюра французского художника Анри Тирна

«Illustration» от 19 ноября 1910 г.

Я несколько не удивился бы теперь, узнав, что Толстой решил уединиться в какой-нибудь крестьянской избушке, где он сможет продолжать свою проповедь, не вваливая ни на кого бремя забот по добыванию себе и своей семье средств для жизни в роскоши. Это неизбежное следствие страшной внутренней драмы, пережитой им в течение последних тридцати лет, — драмы, на которую обречены, кстати сказать, тысячи и тысячи интеллигентов в нашем современном обществе. Это исполнение его давнишней мечты.

Будет ли жизнь нашего великого, глубокопочитаемого и любимого писателя отравлена в его новом окружении вмешательством русских церковных властей, среди которых Победоносцев имеет весьма много последователей? — Боюсь, что это вполне возможно.

Преданный вам, милостивый государь, П. К р о п о т к и н

Muswell-Hill. N. 14 ноября 7

«Таинственное исчезновение» Л. Н. Толстого оживленно комментируется всей итальянской печатью, — писал римский корреспондент «Речи». — Целые столбцы газет заняты описанием бывшей, настоящей и проблематической деятельности „великого беглеца“, как титулует его печать. Свидетельствуя об огромной популярности Л. Н. Толстого в Италии, все эти статьи одновременно свидетельствуют и о полном незнании, даже пишущими, России и русской жизни<...> Должен отметить, что большая часть печати весьма скептически относится к известию, будто Толстой „пришел в монастырь“, как приходят в Каноссу<...> В заключение упомяну, что печать католическая в длиннейших статьях хвалит Л. Толстого, бросившего-де свои еретические мысли и вернувшегося в лоно церкви. Так, мол, сильна церковь, так, мол, страшные еретики, в конце концов, после заблуждений опять являются с повинной, на сей раз — к спасающей души их церкви. Имеется, впрочем, и такая печать, которая с чисто бульварной развязностью, в стиле *je m'en fiche**, и Толстого и его жизнь, как равно все религиозные вопросы (о которых теперь невольно пришлось „упомануть“), приписывает специально „мистицизму“, присущему русским»⁸.

В парижском журнале «Ère Nouvelle» мы читаем:

«Из-за того, что Толстой, измученный своим окружением и светскими обязанностями, которые на него накладывало пребывание в Ясной Поляне, принял решение покинуть чуждую ему и прежде — а теперь особенно ненавистную — цивилизацию и общество, коему он уже более не принадлежит, борзописцы из „большой прессы“ вопиют о его „мистицизме“. Эти лакеи пера так привыкли писать за деньги и писать противоположное тому, что они думают (если предположить, будто они хоть когда-нибудь думают), что действия человека во имя своего освобождения кажутся им безумными... Они полагают, что только сумасшедший может осуществлять на практике то, о чем пишет».

«Бегство Толстого расценивается по-разному, — отмечалось в «Matin» 13 ноября. — Философы и религиозные умы безоговорочно восхищаются им. Люди, менее отдаленные от мира, критикуют его. Безраздельно восхищаясь его гением, они находят, что он действовал под влиянием болезненного желания заставить о себе заговорить».

Нелепое мнение, будто Толстой покинул Ясную Поляну из «рекламных» соображений, получило довольно широкое распространение среди обывательских кругов на Западе и было подхвачено рядом недобросовестных органов печати. Нас поэтому не должно удивлять то обстоятельство, что многие видные деятели культуры, выступая с высказываниями о Толстом, сочили нужным серьезно опровергать возможность «нечистых побуждений» в неожиданном для них поступке Толстого.

* мне наплевать (франц.).

«Я настолько ошеломлен происшедшим, так мало знаю личную жизнь Толстого, что совесть запрещает мне высказаться, — заявил, например, немецкий драматург *Г. Зудерман*. — Газетных сообщений слишком недостаточно, чтобы можно было составить ясное представление о мотивах ухода. В чистоте побуждений Толстого, конечно, нельзя сомневаться»⁹.

С негодованием отвергли версию о «рекламном» характере ухода Толстого и восьмидесятилетний автор романа «Один в поле не воин» *Ф. Шпильгаген*¹⁰, и *Г. Гауптман* (см. ниже), и многие другие.

Собственные корреспонденты русских изданий развили в эти дни лихорадочную деятельность. Не успели появиться на газетных страницах первые скудные сообщения об уходе Толстого из Ясной Поляны, как по телеграфным проводам из различных столиц потекли в Россию отчеты о взятых ими интервью у европейских знаменитостей с высказываниями (временами более чем наивными) о Толстом и о причинах его ухода. Большинство высказывавшихся, как мы уже отмечали выше, с одобрением встретило решительный шаг Толстого, видя в нем последовательное завершение его жизненного пути. Уход Толстого, по мнению многих, целиком вытекал из его учения и, снимая с великого моралиста упрек в несоответствии между его проповедью и собственным образом жизни, должен был послужить еще большему укреплению его нравственного авторитета. Многие видели в «бегстве» писателя «трагическую поэзию», «трагическую Одиссею», «акт ослепительной красоты».

Биограф и переводчик Толстого, директор Шиллеровского театра в Берлине *Р. Левенфельд* заявил корреспонденту «Русского слова»:

«Я несколько не удивлен отъездом Толстого. Для подобной личности это вполне последовательно, логично и естественно. Нам, обыденным, заурядным человечкам, уход его кажется безумием. Между тем Толстой поступает как гений, как натура, неспособная жить в разладе с совестью, мириться с пошлым оппортунизмом»¹¹.

И. И. Мечников сообщил парижскому корреспонденту той же газеты:

«Во время моего недавнего пребывания в Ясной Поляне Лев Николаевич был вполне уравновешен и ничем не обнаруживал, что он тяготится жизнью в семье. Нынешний его уход — очевидно, результат сложных душевных переживаний, судить о которых со стороны трудно. Зная характер Софьи Андреевны и ее самопожертвование Толстому, я не допускаю никаких мелочных стимулов в решении Льва Николаевича Толстого. Поездка в монастырь, вероятно всего, вызвана желанием Льва Николаевича повидаться с Марией Николаевной и не свидетельствует еще о решении замаливать под клобуком грехи»¹².

Б. Шоу иронически заметил по поводу ухода Толстого: «Это поразительный пример непротивления злу: должно быть, зло было действительно нестерпимо»¹³.

Известный финский писатель *А. Ярнефельт* сказал:

«Случившееся взволновало меня, но не удивило. В последнее время Толстой часто говорил о намерении уйти из мира, и если не сделал этого раньше, то потому, что надеялся до последней минуты переубедить семью. Как друг и поклонник Толстого радуюсь за него от души. Его решение бесповоротно. Он не вернется»¹⁴.

«На восемьдесят третьем году, после гениально выполненной работы Толстой нашел возможным покинуть мир, — заявил корреспонденту прославленный шведский писатель *А. Стриндберг*. — Я на шестьдесят втором году также готов на это при первой возможности»¹⁵.

В ответ на запрос редактора «Русского слова» маститый датский критик *Г. Брандес* ответил следующей телеграммой из Христиании (Осло):

«Если сообщение о Л. Н. Толстом верно, то поступок его трогателен.

Он показывает только, что старец долго чувствовал угнетение и теперь решился жить согласно своим идеалам»¹⁶.

Норвежская пресса отнеслась скептически к первым телеграммам об уходе Толстого из Ясной Поляны. Некоторые газеты, опасаясь мистификации, вовсе не поместили телеграмм. До получения точных сведений большая часть норвежской печати воздерживалась от всяких комментариев. Газета «Aftenposten» поместила 14 ноября заметку об исчезновении Толстого, отмечая, что влияние русского писателя «не ограничивается одной Россией» — «оно громадно и у нас в стране; сообщения о его бегстве встречаются здесь с огромным интересом». Далее «Aftenposten» напечатала интервью с *К. Коллином*, автором книги «Лев Толстой и кризис современной культуры», который пытался разъяснить читателям причины ухода Толстого.

Председатель Нобелевского комитета в Норвегии *И. Г. Левланд*, сказал корреспонденту «Русского слова»: «Решение Толстого вызвало в Норвегии оживленный интерес. Мы преклоняемся перед великим писателем и мыслителем и чувствуем к нему самые живые симпатии»¹⁷.

Бельгийский социолог, в прошлом член I Интернационала *Г. Де Греф* в беседе с корреспондентом «Русского слова» заявил, что «поражен энергией духа великого писателя, на склоне жизни нашедшего силу порвать со всем, что при его возрасте связывает людей неразрывными цепями»¹⁸.

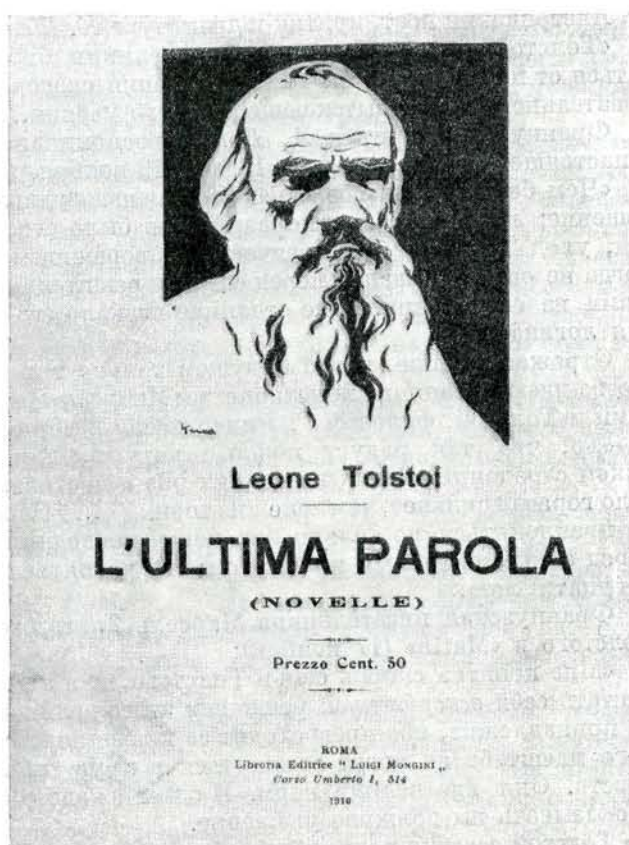
Известный бельгийский писатель, искусствовед и политический деятель *Э. Пикар* сознался, что он «до сих пор весьма скептически относился к теориям и проповеди Толстого, но теперь не может не признать его искренности»¹⁹.

Профессор *П. Реклю*, племянник знаменитого географа *Э. Реклю*, напомнил в беседе с корреспондентом слова своего дяди: «Толстому суждено увлекать и поражать мир»²⁰.

Римский литературовед *Дж. Барцелотти* сообщил корреспонденту: «Я большой поклонник вашего Толстого. По моему мнению, он является величайшим европейским писателем второй половины XIX столетия. Толстой велик и как художник и как мыслитель. Не разделяя многих философских его концепций, я, однако, преклоняюсь пред ним как перед художником. В этом отношении я сошлюсь на нашего известного писателя *Габриэля Д'Аннунцио*. В недавней беседе он признался мне, что более преклоняется пред Толстым как писателем, чем как пред философом. В качестве мыслителя Толстой слишком мистик, следствием чего и могло послужить его решение „удалиться от мира“. Разумеется, об этих причинах можно говорить только гадательно<...> Меня всегда поражало в Толстом полное соответствие его жизни с его идеями. В конце концов, последний шаг Толстого служит естественным результатом его религиозно-философских исканий и выводов, к которым он мог прийти как мыслитель накануне своей кончины. В заключение должен вам сказать, что нам чрезвычайно трудно судить поступки таких великих людей, как ваш мощный писатель»²¹.

Австрийский романист *Г. Бар* сказал посетившему его корреспонденту: «Великолепно в Толстом то, что он выполнил, о чем проповедовал. Жизнь, в особенности жизнь великих людей, я рассматриваю как художественное произведение. И в жизни Толстого я всегда усматривал крупный художественный недочет, диссонанс с прочими великолепными красками его жизни. Поэтому я теперь так счастлив: Толстой сгладил теперь этот диссонанс. Я убежден, что это чувство разделяют теперь в Европе десятки тысяч людей. И если его подвиг окажет в Европе действие хотя бы на сто человек, я думаю, Толстой совершил великое дело. Скажите, кто из современников способен на такой подвиг? Возьмите Ибсена. Все его художественное творчество было посвящено революции в общественных

«ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО».
СБОРНИК РАССКАЗОВ
ТОЛСТОГО.
ИТАЛЬЯНСКОЕ ИЗДАНИЕ
(РИМ, 1910)
Обложка

формах. А как он сам жил? К своему юбилейному чествованию он явился в черном сюртуке с орденами! Ни сюртуку, ни орденам он, конечно, не придавал никакого значения, а все же у него не хватило сил отказаться от них пред всем миром.

Да, все мы больны миром, всех нас подтачивает, ломает жизнь, толкающая нас туда, куда мы идти не желаем, дающая нам в руки знамена, которыми мы не верим; всех нас держит цепко в своих руках буржуазная жизнь.

Теперь вы понимаете, почему меня взволновало известие о решении Толстого уйти от мира, почему нас всех восхищает его подвиг. И в то же самое время удручает, удручает потому, что своим решением великий писатель земли русской без слов раскрыл нам наше духовное убожество, стал великой совестью всего мира...»²²

Австрийская поэтесса и драматург Мария делле Грации поделилась с корреспондентом следующей мыслью:

«Каждый из нас — немного Толстой. Каждый хотел бы воздвигнуть хотя бы тонкую стену между собой и миром, ради покоя и возможности сосредоточиться в себе...»²³

Немецкий критик А. Керр сказал:

«Я убежден, что Толстого побудили к уходу из мира исключительно этические мотивы. В этом поступке нет и тени позы. Он находится в полной гармонии с его проповедью. Желание остаться перед смертью наедине со своей душой показывает все величие, всю духовную красоту мудреца <...> Он не мог примириться с контрастом между словом и делом. Перед отречением Толстого от мира можно только поклониться»²⁴.

Австрийский поэт, критик и драматург *К. Шенггер*:

«Толстой должен был, подобно великим библейским старцам, отказаться от повседнежности. Такого решения следовало ожидать, как последовательного шага, вытекающего из его учения...»²⁵

Французский критик *А. Бонье*, воспоминания которого печатаются в настоящем томе, отмечал в «Figaro» 13 ноября (в статье «Толстой исчез»):

«Чем больше я думаю о нем, тем меньше удивляет меня его внезапное решение; гораздо более поразительно было его долготерпение. В сущности, уход Толстого был логическим завершением его идей — ведь он никогда не останавливался перед самыми решительными выводами, вытекавшими из его учения. И не отчаяние изгнало его из дому — а настоящая логика».

Отражая мнение, что в будущем только три имени будут воплощать в себе идею истинного христианства: Иисус из Назарета, Франциск Ассизский и Толстой, философ *Г. Ринер* писал в парижской газете «Radical»:

«То, что так радует пошлые натуры, для него являлось источником страданий. Венок из цепких роз и неотвязных лавров обжигал его чело гораздо сильнее, чем венец из терний <...> Перед этим человеком должно преклоняться не только как перед последним из христиан, но и как перед самым скорбным мучеником: его распятие на кресте длилось более тридцати лет».

Французская писательница *Марсель Тинейр* заявила по поводу ухода Толстого в «Matin» (17 ноября):

«Мне понятна скорбь семьи Толстого, но я не понимаю, как может она считать себя оскорбленной решением этого великого человека, который ей не принадлежит, ибо превосходит ее и возвышается над нею. Люди подобного масштаба не могут замкнуться в кругу обыденных обязанностей и чувств. Они вне всяких норм. И с ними надо соответственно обходиться и оказывать им должное уважение».

Толстой осветил родных отблесками своей личной славы и предоставил им доходы со своих ранних произведений. Из-за родных он к тому же отказался от своей мечты об одинокой и аскетической жизни; он страдал от постоянного противоречия между своими идеями и поступками, — противоречия, казавшегося его ученикам чем-то вроде малодушия.

И прежде чем умереть, он хочет, наконец, стать истинным Толстым. Хочет завещать народу свои последние творения и отправиться в путь один, словно нищий. Семья может огорчаться этим, но возмущаться не имеет права. Толстой больше ничего ей не должен, даже в денежном отношении. Не думаю, чтобы дети гениального человека имели какое-либо право на произведения отца вопреки его воле, после того как уже получили от него поддержку и воспитание».

В той же «Matin» несколькими днями ранее была напечатана циничная и издевательская заметка *К. Вотеля* «Слова парижанина», в которой он заявил, что «проделка» Толстого несколько не удивительна: «Либо это удар в тамтам (во все времена пророки тщательно отработывали себе рекламу), либо это припадок мистического безумия. Примем же это последнее объяснение — самое почтительное в отношении Толстого».

«Matin» в том же номере перепечатала следующие строки из лондонской газеты «Daily News», обвинявшей Толстого в непоследовательности: «Поучая мир, Толстой не следовал собственным поучениям, ибо, согласно его взглядам, следует бороться со своими страстями и трудиться над своим спасением, не удаляясь от мира». Аналогичное высказывание из лондонской консервативной газеты «Evening Standard» редакция «Matin» перепечатала и на следующий день: «Толстой пытался пересоздать мир в соответствии со своими идеями; мир отказался следовать за ним по новому пути, на который звал его Толстой. Толстой сделал тогда попытку убедить свою

семью, чтоб она разделила его учение, но она предпочла следовать общему примеру. Невозможно себе вообразить, что должен был выстрадать Толстой от этих поражений, если не понимать, кем он, собственно, являлся: исполинским догматиком и интеллектуальным тираном.

Глубокое непонимание Толстого проявила и часть бельгийской печати. Брюссельская газета «Soir» назвала уход Толстого из Ясной Поляны «безумием». «Dernière Heure» в качестве причин, повлиявших на решение Толстого, выставила «семейные разногласия, возникшие на денежной почве». «Gazette» увидела в уходе Толстого «торжество церкви». Клерикальная бельгийская пресса вообще старалась замолчать уход писателя²⁶.

Публикуя перевод прощального письма Толстого, как бы в ответ на высказывание «Soir», бельгийская газета «Journal de Charleroi» от 16 ноября отмечала в редакционной заметке:

«... Это письмо доказывает, каким смелым умом обладал великий мыслитель, когда принял решение покинуть свой дом. Оно останется одним из самых интересных и возвышенных документов в общей сокровищнице человечества».

«Толстой — истинный славянин, который, даже пользуясь всеми благами материальной жизни, не может не предаваться мечтаниям, — заявил в том же номере французский романист и историк Ж. Лермина. — И так как все окружающее казалось ему несправедливым, жестоким, бесчестным, — он стал одним из самых пламенных сокрушителей современного общества, но так и не смог понять созидательную силу человеческой воли и деятельности».

16 ноября парижская газета «Temps» поместила небольшую заметку «Блуждающий Толстой». Описывая странствия «западного брамина», ищущего покоя, «который удаляется от него, как мираж», анонимный автор замечал: «Эти скитания самого беспокойного из гениев вместе со своей дочерью и спутником напоминают похождения старого короля Лира».

Сравнение Толстого с королем Лиром неоднократно повторялось во множестве других статей и вскоре стало общим местом²⁷.

Литературный критик В. Герцог писал в газете «Freie Volk»:

«Восьмидесятидвухлетний старец несколько походит на короля Лира столь нелюбимого им Шекспира. Но в образе этого великого человека природа создала действительно нечто более могущественное и потрясающее, чем творец английских трагедий. Последний акт его жизни еще раз показывает нам в нем человека, который, как никто в наше время, боролся со своим богом»²⁸.

Во многих органах печати Толстого в это время называли «библейской фигурой», «вторым Фаустом», уподобляли Сократу, Паскалю, Будде, Христу и даже самому «господу богу». В первые дни после ухода писателя из дому его сравнивали с «античным кентавром», Робинзоном Крузо (см., например, «Suisse» от 17 ноября). До каких пределов нелепости временами доходили в этом отношении отдельные журналисты, можно судить, например, по сравнению Толстого с «Офелией, удаляющейся в монастырь», — сравнению, сделанному совершенно серьезно, без тени иронии или насмешки, в «Temps» от 18 ноября.

Престарелый А. Рошфор, легендарный издатель «Lanterne», друг В. Гюго, писал в статье, озаглавленной «Оригинал» («Patrie» от 17 ноября):

«Толстой не мог противиться своему призванию: любви к беднякам и преданности несчастным. Все книги его говорят о постоянной озабоченности людским горем. Однако, в противоположность писателям, которые не задумываются ни над одним написанным ими словом и пьют шампанское за здоровье бедняков, автор „Анны Карениной“ честно воплощал на практике свои теории<...>

Вполне возможно, что блуждающий Толстой, бегущий от славы и богатства, как бегут от женщины, неотступно преследующей вас своими любовными признаниями, останется после смерти, которая, как уверяют, уже близка, одним из пророков, создателей новых религий, — он поднимает самоотречение на высоту вечных установлений. Он станет учредителем особого культа: культа самопожертвования. О нем будут говорить: „Это мечтатель и горячая голова“, но пример его мало-помалу принесет свои плоды, особенно в славянском мире<...> Изображение Толстого вскоре можно будет увидеть на стенах всех русских изб, и крестьяне станут указывать на своего защитника, как указывают они на своих небесных заступников, когда молятся перед иконами.

В том же духе писал о Толстом анонимный сотрудник парижской «Correspondance de la Bourse»: «Когда русские крестьяне в ближайшем будущем<...> уничтожат все Бастилии Северной империи, они, конечно, вспомнят, что среди них долгое время жил добрый и благочестивый мученик, просветивший их идеями, которые делают людей сильными и победоносными».

Всеобщий интерес к Толстому, между тем, не ослабевал. Бюллетени, передававшиеся из Астапова, печатались в экстренных выпусках лондонских, парижских, берлинских, нью-йоркских и других столичных и провинциальных газет.

В периодической печати разных стран продолжали появляться статьи о жизни и творчестве Толстого, состояние здоровья которого начинало внушать серьезные опасения.

В передовой статье сербской газеты «Ново време» от 16/3 ноября, посвященной «гордости России и славе славянского гения — сокровищу, принадлежащему всему культурному миру», заявлялось:

«Общая любовь культурного мира есть вознаграждение Толстому за его деятельность. Льва Николаевича любят больше всех в мире. Последние годы его жизни казались закатом большого солнца, медленно уходящего в вечность. Этот закат неизбежен, но наша любовь хотела бы лишь одного, — чтобы закат этот был теплым, светлым, окруженным симпатиями, которые мы не можем не питать к Толстому...»²⁹

Сербская газета «Застава» отмечала в тот же день:

«Имя Толстого, его труды, его творения, его жизнь известны каждому культурному, да и не только культурному, человеку. Редко встретишь хижину, где бы не знали Толстого<...> Имя его не может умереть ни в русском народе, ни в мировой истории. Толстой не только величайший, знаменитейший писатель русского народа, Толстой — писатель мирового значения, на которого самые прославленные литераторы смотрят как на ослепительное солнце...»

18/5 ноября белградский «Мали журнал» заявил:

«Весь мир проникнут скорбью о Толстом. Он человек, равного которому в наше время нет».

«Новость, которая погрузила в оцепенение весь мир — это бегство Толстого<...>, — сообщала 17 ноября швейцарская газета «Tribune de Genève». — Что бы ни говорили о его последних поступках, к которым не следует подходить с общей меркой, нельзя не признать, что жизнь Толстого была прекрасней и благородней, чем у всех людей на земле; Толстой был преимущественно апостолом великой идеи, которой он посвятил жизнь, преисполненную самопожертвования, стараясь по возможности воплотить осознанную им правду и осуществить задуманные преобразования. В наш положительный век он являлся воплощением русской души — души прекрасной, прекрасной даже в своих преувеличениях, в своих утопиях, в своем непрерывном следовании за идеалом, который всегда от него удалялся и никогда достигнут им не был.

Именно это так характерно для славянской души — души юной, наивной, пылкой, временами лишенной самосознания, не страшащейся трудностей и желающей победить их — или же погибнуть.

Таков был Толстой — личность одновременно деятельная и мыслящая; его жизнь — это пример благородно пройденного поприща, всецело посвященного воспитанию в людях гуманности, которую он проповедовал не только своими сочинениями, но и взглядами и правилами повседневной жизни.

Он во что бы то ни стало желал освободиться от кастовых пут, от обязательств, налагаемых богатством, чтобы воплотить свой идеал пролетария, вынужденного рассчитывать на труд рук своих, дабы прожить день».

«Трагедия Толстого заключается не только в гибели великого, гениального человека — это словно грубый и резкий ответ судьбы на вопрос: до какой степени действительны жизненная философия, мировоззрение, моральное учение великого Толстого<...> — заявила в передовой статье «Закат солнца» редакция будапештской радикальной газеты «Világosság» 15 ноября. — Раньше проповедь Толстого лишь немногим отличалась от учения Церкви. Но великий русский писатель не ограничился этим, он пошел дальше... Прежде всего он сделал все необходимые логические выводы из своей теории. Он объявил войну Церкви, государству, армии, фабрикантам и богачам. Ни один агитатор — социалист или анархист — не разоблачал с большей резкостью кровавые преступления современного классового государства<...>

Но что за горькая ирония судьбы: Толстой не мог не понимать, что слава его основывается не на его христианском учении и христианских поступках, а на языческой красоте блестящей поэзии его зрелого периода. Культурное человечество подняло его как гения на пьедестал не из-за евангельских проповедей, а за светскую эпопею „Война и мир“.

Этот закат солнца доказывает сомневающимся, что жизнь требует не отречения от борьбы<...>, что массы народа, лишенные всех прав, ничего не могут ожидать от альтруизма: им поможет все возрастающая сила свободной мысли и политической, классовой борьбы»³⁰.

Комментируя сообщение о попытке церковников вырвать у умирающего «отречение» от своего учения, парижская газета «Lanterne» писала:

«Во время полного обладания всеми своими умственными способностями и силами, писатель отрипал Церковь и обличал все ее ошибки и преступления. Что нам теперь до того, ответит ли умирающий „да“ или „нет“ на вопрос, жадно предлагаемый ему попом-лицемером? Слава Толстого в наших глазах останется столь же чистой, между тем как пресловутый престиж священнослужителей еще более поблекнет в глазах всех здравомыслящих людей».

Чешская и словацкая общественность, с волнением следившая за ходом болезни Толстого, получала сведения о нем из самого достоверного источника: домашний врач Толстого Д. П. Маковицкий периодически извещал специальными телеграммами редакции ряда газет своей родины о состоянии здоровья великого писателя.

Член Французской академии поэт и драматург Ж. Ришпен писал в это время о Толстом:

«... Лев Толстой дает нам нечто такое, что производит впечатление самой жизни, хаотической, бурлящей, полной странностей, контрастов, шумной, где все кипит, как в котле, и сталкивается друг с другом, где нет выбора, где не управляет никакое искусственное устройство, где ничто не кладет пределов, не предписывает взглядов<...>

Но, ради бога, не будем сравнивать это искусство с нашим. Ни то, ни другое от этого ничего не выиграют. Мы, латиняне, будем по-прежнему, верные своей мании (или добродетели) к порядку и ясности, считать

совершенством Бальзака, Стендаля и Флобера; но будем настолько смелы, чтобы признать, что и Толстой так же совершенен. Прибавим только, чтобы ясно осветить наше отношение, что первые совершенны как романисты латинские, а второй — как романист славянский <...>

В конце концов мы подчиняемся его специфическому красноречию: насколько его человечность нас трогает, интересует, приводит в восторг, захватывает всю нашу душу, настолько его реализм нас опьяняет; жизнь, рисуемая им, несмотря на весь ее славянский уклад, — живая и для нас. Мы любим его действующих лиц даже тогда, когда нам не удается их хорошо понять. В его изображении они так ярко освещены! Он внушает нам такое пылкое чувство к ним. Слышишь их слова, следишь за их жестами, их физиономиями, почти дышишь одним воздухом с ними, ощущаешь их тела, пьешь их дыхание, чувствуешь себя к ним таким близким, переживаешь все так сильно! Так же, как и герои наших романов, они твердо врезаются в нашу память и живут в нашем сердце.

Но вдруг эта славянская душа, о которой мы только что вообразили, будто ее знаем, так как ее воплощения стали нам дороги, ускользает от нас. Мистический порыв — и она далеко убегает от нас, в те туманы, где для нас нет надежды ее настичь, в тот воздух, которым мы не можем дышать...»

Высказывая себя противником толстовского учения, Риппен замечает, что он восхищается тем не менее «той верой, тем беспристрастием», с которыми Толстой его проповедует. «И как некогда ходили поклоняться на остров *отца*-Гюго, так, по-моему, постоянно ходили на поклонение со всего света и в Ясную Поляну — как подходяще это название, откуда раздавалось доброе слово Льва Толстого<...> Мы высоко, всенародно поднимаем знамя, на котором написано восторженное поклонение, и приветствуем писателя, романиста, художника, в котором мы видим одну из великих фигур не только в славянской, но и в европейской литературе, даже в литературе всего мыслящего человечества. Несмотря на то, что наши души в настоящее время непроницаемы друг для друга, несмотря на наше незнание русского языка, вследствие которого нам остается печальная необходимость читать его творения только в переводе, мы достаточно их читали и прониклись ими, чтобы поставить Льва Толстого в ряду гениев, обогативших умственную и эстетическую сокровищницу мира. Среди тех гениев, которые истолковали жизнь своего времени и своей расы и, следовательно, мировую жизнь, мы видим, что он блистает как один из самых выразительных, самых мощных мастеров...»³¹

Пресловутые «тайны славянской души» ставили в тупик не одного Риппена. С раздражающим упорством повторяли эту банальность и многие другие иностранные критики. «Что нам особенно ясно в трагикомических и туманных подробностях, приносимых нам с каждой почтой в связи с бегством Толстого, — писал, например, некто *Либер* в газете «*Liberté de Sud-Ouest*» 19 ноября, — это что славянская душа продолжает оставаться наглухо закрытой для нас, французов. Мы в ней совершенно ничего не понимаем — и боюсь, что никогда ничего не поймем<...> Все это чисто славянское и — следовательно — темное, таинственное, загадочное...».

Знаменитый романист *П. Маргерит* писал в статье «Чем я обязан Толстому»:

«... Если бы я являлся исключением, если бы я не был многим обязан *властному* влиянию Толстого, я не возвысил бы своего голоса, чтобы воздать ему хвалу, но, я знаю, мой голос есть только эхо миллионов и миллионов голосов, и поэтому я возвышаю свой голос без страха и смущения, твердо уверенный в том, что я выражаю чувство всех тех, в ком творения несравненного романиста и *сурового* апостола посеяли семена воли, веры в добро, стремлений к высшему идеалу.

Ælfortryk forbydes.

Privat-Telegrammer

til

„Verdens Gang“.

Tolstois sidste timer

Han dør uforsonet med kirken og sin familie.

Petersburg, 20. november. Tolstoi døde imorges kl. 6 uten at være kommet til bevissthet. Hele hans familie var tilstede. Kl. 2 inat fik han et sterkt hjerteanfald, kl. 3½ gav lægerne ham en morfinindsprøytning.	Formændene for semsivørne i 20 guvernementer avbrøt semsivørnes møte i anledning av Tolstois død og sendte familien kondolencetelegrammer. Storfyrst Nikolaus Michalovich har telegraferet til grevinde
--	--

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО В НОРВЕЖСКОЙ ГАЗЕТЕ «VERDENS GANG».
21 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

Я был еще молодым писателем, когда передо мной открылись эти мощные фрески, называющиеся „Война и мир“ и „Анна Каренина“. Мне казалось, что я вступил в совершенно новую область. Ни одно из великих произведений не дало еще мне почувствовать атмосферу подобной души, такого правдивого и вместе с тем *острого* проникновения.

Правда, я страстно преклонялся перед Бальзаком, создавшим целое общество, руководимое инстинктами и страстями; я бесконечно наслаждался Диккенсом и его полным комизма изображением людей и вещей, этим мощным, смешным, непобедимым Диккенсом. Но у Толстого для меня открылась новая жизнь, новые, более глубокие детали, новое изображение всей окружающей нас обстановки.

Я сознал также, что удивительный русский романист открыл мне область моральных *размышлений* о жизни и о смерти, открыл важность проблемы долга, чего в такой мере я не встречал у Бальзака и Диккенса, таких прекрасных наблюдателей, таких опытных знатоков и блеска, и ничтожества человеческого.

Психологическая драма, развертывающаяся в душе князя Андрея, эволюция Пьера Безухова, тревоги, любовь и горькое раскаяние Анны Карениной, нравственное перерождение Левина,— нет, никогда я еще не видел этого. Я ощущал живое потрясение, глубокое внутреннее содрогание. Не мне говорить, оставило ли чтение этих произведений отпечаток на мне как на писателе. Но я хорошо знаю, что как человек я сохранил этот глубокий отпечаток до тех лет, когда эволюция личности почти прекращается, так как она уже завершилась<...>

Несколько позже другая книга еще сильнее взволновала меня; сказать правду,— быть может, ни одна книга не вызвала такого сильного перелома в самой интимной стороне моей души. Я говорю о «Крейцеровой сонате»<...>

Толстой внес светоч истины, озаривший опасные вопросы, которые рано или поздно жизнь ставит перед вами<...> Некоторые книги, как блеск молнии, озаряют совесть людей доброй воли. Я не знаю книги,

равной в этом отношении „Крейцеровой сонате“, которая лучше и с более ярким красноречием показывала бы нам социальную ошибку, жертвой которой становится пол, и ту ложь, которая царит в отношениях между полами.

Несколько лет спустя „Воскресение“ должно было меня убедить, если у меня только могли быть сомнения, в существовании единственного в своем роде противоречия — в основной и существенной бессмыслице, управляющей нашими принципами и нашими делами, нашими стремлениями к добру и нашей склонностью ко злу; в том жестоком и ужасном давлении, которое оказывает на нас общество, построенное на материальных интересах, покоящееся на силе, этот гигантский жернов, давящий слабых, несчастных, бедных для выгод могучих, наслаждающихся жизнью, богатых.

Время от времени рассказы, статьи, правоучения Толстого восхищали и трогали мое воображение, колебали некоторые мои убеждения, побуждали меня занять позицию союзного с ним борца, возбуждали во мне склонность к социальным реформам, что и заняло известное место в моей жизни и что я проводил в виде газетных статей, сперва в сотрудничестве со своим братом, а потом один.

Понятно, я не следовал за Толстым в отказе его от некоторых цветов цивилизации, в его презрительном отношении к тем или иным формам писательства и искусства; понятно, меня отталкивала неумолимая строгость его христианских умозаключений, его отвращение к телесному, его исключительное мировоззрение, основанное на милосердии и любви к ближнему, — этот идеал блестящий, но столь абстрактный, не считающийся с человеческой природой и ее неизбежными слабостями, — тем *роком*, который определяет эволюцию людей такими, каковы они на самом деле, не лишая их, однако, возможности напрягать свои усилия в стремлении к совершенству.

Но какое могут иметь значение эти разногласия? Со временем они могли еще более усилиться, но и это ничего не значит. Слово, посеянное Толстым, вошло во мне, и да будет мне позволено называть с той поры его имя с благодарностью, которой мы обязаны тому, кто помог нам открыть путь истины.

Ибо все мы, какими бы фарисеями мы ни были, прекрасно знаем, что Толстой в общей совокупности своих убеждений прав<...>

Конечно, из зерен жизни, семян света, которые бросает в души такой великий человек, как Толстой, многие погибают на каменистой почве, гниют в сердцах развращенных, пускают слабые ростки в слабых мозгах; но зато другие дают сильные ростки и преобразуются иногда согласно повелительному закону приспособляемости и эволюции. Важно, что хлеб-кормилец возрастает.

Толстой в настоящее время — самая высокая совесть человечества. При жизни и после смерти сияние его чисто и блестяще и будет долго светить, как те долгие сумерки, которые уже после захода солнца кажутся еще зарей неизвестного мира.

Я знаю, что я меньше стремился бы, меньше любил бы свет добра, истины, справедливости, если бы меня не оплодотворяла в течение ряда лет мысль Толстого. Его влияние на многих людей было так же значительно, как и на меня. Признать это, провозгласить это во всеуслышание — это самая скромная дань, которую можно воздать этому суровому гению, этому пустыннонику и великому пастырю душ человеческих, этому гениальному романисту, этому новому Христу религии добра и любви, в котором мысль благороднейшая и священнойшая достигла тех вершин, на которые толпа смотрит со смутным беспокойством и взволнованным почтением. Эта мысль — как великий свет Синая, сверкающий во мраке нашего развращенного цивилизованного мира»³².

Глава II

ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ. — НЕКРОЛОГИ. —
МАНИФЕСТАЦИИ. — ОПРОВЕРЖЕНИЯ

В ночь на 17/4 ноября агентство Рейтер передало полученную из Петербурга экстренную депешу о смерти Толстого. Многочисленные иностранные газеты и журналы поспешили напечатать некрологические статьи (некоторые из них были заготовлены заранее). Между тем в тот же день стало известно, что Толстой еще жив и что сообщение о его смерти явилось результатом прискорбного недоразумения.

17 ноября, после получения траурного известия, лондонская газета «Times» опубликовала анонимный (как и в большинстве других английских и американских газет) некролог, в котором отмечалось:

«Конечно, никогда еще не было на Земле гениального человека, который поражал бы своих современников столь же сильно, как Толстой. Мы считаем его великим писателем<...> Несмотря на причудливый характер высказываний Толстого, они всегда оставались высказываниями великого человека. Пламень собственного гения ему погасить не удалось — Толстой лишь слегка омрачил его ослепительное сияние».

Газета «Standard» (Лондон) в статье, напечатанной в тот же день, причислила Толстого к тем «десяти или двенадцати именам, которые пользуются широчайшей известностью во всем мире»: «Со смертью Толстого исчезает одна из самых значительных фигур современной литературы. Хотя он был чистейшим славянином, известность его уже давно стала всемирной, и французские, немецкие и английские переводы сделали его творения столь же знаменитыми вне России, как и внутри ее границ. Со времени Тургенева ни один русский писатель не приобретал такой огромной славы».

Автор большой анонимной статьи, появившейся в «Daily Telegraph» и озаглавленной «Смерть графа Толстого. — Философ-романист», писал:

«Графу Льву Николаевичу Толстому, ревностному филантропу, реформатору религии, проповеднику морали и анархисту в политике, скончавшемуся вчера на станции Астапово, куда он бежал из своего яснополянского дома, было восемьдесят два года. Граф Толстой, писатель-реалист, три всемирно известных произведения которого завоевали для него почетное место в пантеоне бессмертных, скончался фактически шестнадцать лет назад, вместе с Иваном Ильичом, скромным героем маленького шедевра психологического анализа, являющегося последним классическим творением неомраченного писательского гения. Нет никакого сомнения в том, что известие о кончине последнего из великих русских, живших и трудившихся в XIX веке, острой болью отзовется в сердцах миллионов людей всех стран и вероисповеданий, для которых его имя является чем-то большим, нежели слово или символ. То чувство почти личной дружбы, которое испытывали к нему люди, объясняется не только блеском его гения, но, главным образом, ощущением того, что это человек, который любит род людской, прилагает все силы для исправления человечества и желает, чтобы отношения между людьми всех классов и национальностей стали более благородными, разумными и гуманными; человек, который примером собственной жизни убедительно доказал, что он стремился применить на практике то суровое учение, которое проповедовал другим».

Извещая читателей о смерти «великого русского романиста и пророка», редакция «Daily Chronicle» заявляла:

«Толстой умер, и сердце России еще застыло в скорби по его застывшему сердцу. Можно сказать, что он был душой и голосом России — нет, не

России салонов, петербургских канцелярий или московских базаров, а миллионов мужиков, великой массы русского народа, девять десятых которого, даже по эту сторону Уральских гор и вопреки наступлению западной промышленности, живет старозаветной сельской жизнью. Этой темной массе, погрязшей в своем древнем невежестве, периодически опустошаемой голодом и болезнями, перемежающей рабский труд летом с вынужденным бездельем в свирепые зимы, терзаемой самым суровым климатом, который только смогла изобрести природа для этой равнинной земли, покрытой лесами и лугами, — этой массе людей он действительно был „родимым батюшкой“.

Лондонская «Globe» (17 ноября) назвала Толстого «величайшим человеком в России за целое столетие, а может быть и за все время ее существования».

Газета «Daily News», сообщая в пространной некрологической статье о «патетическом конце великого мыслителя», замечала:

«Смерть Толстого означает, что ушла из жизни самая значительная личность современной Европы. Кончина застигла его в тот момент, когда он предпринял прекрасный патетический акт отречения от жизни, которая в продолжение более чем тридцати лет была не чем иным, как отречением...»

Литературовед Ч. Херфорд, автор книг о Шекспире и Ибсене, поместил 17 ноября в «Manchester Guardian» критико-биографический очерк о Толстом, занявший целую полосу, заключив его словами уверенности, что Толстой «останется одной из самых внушительных личностей в ряду тех великих людей, которые, начиная с Риенци и Мора и кончая Руссо, Шелли и другими, стремились излечить язвы современного общества путем радикального упрощения его структуры, организации и целей. Память о неутомимом учителе, вероятно, переживет его учение. Слава великого художника, во всяком случае, надежно сохранится».

Напечатав в начале номера под заголовком «Толстой умер» сообщение своего специального петербургского корреспондента, парижская газета «Matin» 17 ноября посвятила памяти Толстого и передовую статью. «То было, вероятно, самое великое имя в европейской литературе, — отмечала редакция. — Никем на свете не восхищались с такой страстью, как им. Его произведения встречались с религиозным трепетом, за его деятельностью следили с глубочайшим уважением...»

Ж. Бурдон, воспоминания которого о Толстом публикуются в настоящем томе, писал в тот же день в «Figaro»:

«Человеческому сознанию всегда мучительно тяжело, когда уходит из жизни такая личность, как Толстой. Инстинкт неизменно указывает людям избранников, которые сделали их хоть несколько богаче в нравственном отношении и научили гордиться тем, что они — люди. В Толстом мир признал одного из этих избранников и, не дожидаясь кончины, чтоб украсить его чело венцом бессмертия, даровал ему блистательную славу и высокий авторитет, которые после Вольтера и Гете не были дарованы никому, даже Виктору Гюго». «Имя Толстого — в России и за ее пределами, — отмечал Бурдон, — в течение долгого времени являлось как бы лозунгом революции<...> Если когда-нибудь слово „сверхчеловек“ имело смысл — то только в Толстом. И именно благодаря несгибаемой смелости своей мысли Толстой проявил себя как революционер — правда, не в том смысле, какой придают этому слову политики».

Сообщению о смерти Толстого газета «Petit Parisien» посвятила 17 ноября почти всю первую страницу. В передовой статье «Всеобщий траур» редакция отмечала, что «смерть Толстого — это огромная утрата не только для русской литературы: в глубокий траур погрузится вся мировая мысль, одним из самых значительных представителей которой он был...»

LEO TOLSTOY.

HIS LIFE AND WORK.

As it appeared on another page, Leo Tetter died yesterday at Astoria, where he was taken ill on Sunday evening, while journeying from his home to retire to a life of seclusion.

[illegible][illegible][illegible]

IN THE CAUCASUS

This period of wasteful dissipation was not shared ably by the army, and by the end of those earlier campaigns which have to be reckoned with as many phases of failure as of success. The army, however, now under the command of the young officer who has served at Tientsin, Peking and on leave in London from the Caucasus, April seized the opportunity to return to the Caucasus with him. Russia was still engaged in mastering the difficult mountain country where warfare takes, particularly the Tatars, and indeed has with enormous military service had been one of the many passing projects of his. The Tatars

FRANK LEWNE

СТРАНИЦА АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «MANCHESTER GUARDIAN», ПОСВЯЩЕННАЯ
ТОЛСТОМУ В СВЯЗИ С ЛОЖНЫМ ИЗВЕСТИЕМ О ЕГО СМЕРТИ. 17 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

Слева — очерк Ч. Херфорда «Лев Толстой. Его жизнь и творчество». Справа — портрет Толстого, гравюра Френка Эманюэля

Ст. Ржевусский поместил в газете «Gaulois» от 17 ноября статью «Смерть Толстого».

«Все формулы восхищения и уважения, — замечал он, — были исчерпаны по отношению к этому великому человеку, равно великому как мыслитель и как писатель<...> Его творчество уникально, поистине несравненно — и остротой проникновения в самые сокровенные подробности, и обширностью целого. Как психолог Толстой равен Шекспиру и Бальзаку. Никто из современных писателей не проник глубже его в человеческую душу».

Из статьи П. Циферера в венской «Neue Freie Presse» от 17 ноября:

«Вся Россия словно осиротела со смертью этого великого русского, нежно и страстно любившего свой народ, который стал нам благодаря ему гораздо ближе. Мы мало знаем Россию. Мы не понимаем, не постигаем ее <...> Но Ясная Поляна стала для нас Россией. Старец Лев Толстой со своей длинной, всклокоченной бородой отшельника, с глазами, сверкавшими из-под насупленных бровей, в своей грубой русской рубаше, казался нам издали олицетворением русского царства. И суровый облик этого анахорета столь глубоко запечатлелся в нашем сердце, что он вечно будет являться для нас своего рода символом».

«...За волнующим известием о бегстве Толстого последовало известие о его смерти<...> И всюду, куда оно проникло, перед духовным взором

людей воскресал образ Льва Толстого, ибо всюду знаком его облик. Глубокий след оставил Толстой в сердцах всех, кому известна внутренняя борьба и душевные страдания<...>, его образ дорог каждому, ибо каждый прожил вместе с ним часть его жизни, передумал его мысли. И когда Толстой возвышал свой голос, весь мир слушал великого проповедника, не испытывавшего страха ни перед царской властью, ни перед русской Церковью. Каждое из сочинений Льва Толстого после выхода в свет переводилось на все языки мира...».

Брюссельская газета «Etoile Belge» отмечала 17 ноября:

«Смерть Толстого вызывает всеобщую скорбь. Угас один из ярчайших светочей современного сознания. Толстой был не только самой великой личностью современной России. Первоклассный романист, общественный деятель, художник, философ, апостол, — яснополянскй старец стоял в первом ряду тех поэтов, о которых Шелли так великолепно сказал, что они непризнанные законодатели мира. Его слова, исполненные милосердия и благородства, летали по земле, пересекая границы; они волновали и заставляли мыслить всех, у кого в груди бьется человеческое сердце».

Стокгольмская газета «Svenska Dagbladet» 17 ноября поместила некролог «Лев Толстой», подписанный инициалами Т. Н.:

«Лев Толстой, один из величайших писателей современности, на протяжении последнего полувека главная духовная сила России, ушел из жизни. Весть о его смерти не явилась неожиданностью. Время от времени в последние годы поступали тревожные сообщения о состоянии здоровья могучего старца, но смерть не могла справиться с этим великаном, в полной мере владевшим своими физическими и духовными силами, которыми с такой щедростью и сверх обычной меры одарила его судьба. Значение Льва Толстого как духовного реформатора находится в тесной связи с национальными условиями. Он имел то общее со всеми великими народными вождями, что расовые качества, основные национальные черты, типические определения проявлялись у него с чрезвычайной силой<...>

Как писатель и художник Толстой свидетельствует о молодости своей нации. Он дает о ней представление посредством эпической широты и ясности миропонимания и художественного изображения, путем непосредственного, самой силой жизни убеждающего реализма своего повествования. Он предстает, как мне кажется, единственным подлинно эпическим писателем современной литературы<...> Его крупные романы „Анна Каренина“ и „Война и мир“, как никакие другие произведения современности, несут на себе печать эпической широты, величия и ясности. Но в еще большей степени это бросается в глаза в его изображении крестьянской жизни. В его зарисовках природы живет вся страна, устами его персонажей говорит весь народ, в его книгах сама современная Россия борется и страдает, работает и мечтает, верит и думает».

Каким духовным воспитателем он был и будет для своего народа, нам, европейцам, судить трудно. Для нас, даже если мы прислушивались к его словам как к чему-то далекому, чуждому, он являлся представителем духовных сил своей страны, рост которой мы могли видеть без сомнения и боязни<...> Как писатель он принадлежит всему человечеству»¹.

А. Иенсен писал в тот же день в «Stockholm Dagblad»:

«Толстой, этот великий аскет, нисколько не заботившийся о себе, любил жизнь больше, чем большинство людей; он хотел творить до последней минуты и с детской радостью принимал от жизни все, что она ему еще могла предложить. И жизнь подарила ему много, — гораздо больше, чем выпадает на долю обыкновенных людей<...> Восемьдесят два года — неслыханно долгий жизненный путь для русского писателя: в этом отношении Толстому нет равных во всей истории русской литературы<...>

Если отбросить все неверное, натянутое, нелепое и неестественное, что есть в толстовском восприятии мира, то останется достаточно много того, что мы сможем любить или чем восхищаться в этом человеке. И прежде всего могучей силой личности с ее неслыханным богатством жизни и беспрестанными исканиями правды, справедливости и добра, с ее детской добротой и строгими „требованиями сердечности“.

Литературное творчество, которое Толстой отрицал или думал, что отрицает, останется прекраснейшим и долговременным венком на его могиле<...> И вслед за романами Достоевского произведения Толстого являются наиболее характерным выражением русской духовной жизни и русского образа мыслей. Мимо них не пройдешь равнодушно, если хочешь познать Россию XIX столетия. Мастерские картины культуры времен Александра I в превосходной, хотя и не совсем ровно написанной героической поэме о русском народе — „Войне и мире“, так же как и отличные зарисовки боев в Крыму в „Севастопольских рассказах“ — юношеский гимн фанатического сторонника мира народной защите русской земли! — являются в своем роде такими же русскими, как и непонятные для нас и порою противные разуму сцены в „Крейцеровой сонате“ или романе „Воскресение“.

И высоко над этой словесной архитектурой, подверженной влиянию ориентализма, византизма, руссоизма и западного рационализма, выситя здание, которое надолго сохранит имя Толстого в истории мировой литературы: это семейный роман „Анна Каренина“. Выше этого не поднялись ни Толстой, ни какой-либо другой русский писатель-романист, так как здесь слились в гармоническое единство проповедник нравственности и художник.

Из газеты «Mañana» (Мадрид) от 17 ноября:

«Толстой оставил великое наследие в своих книгах и статьях. Его память всегда будет священной для всех голодных и угнетенных; им всегда будут восхищаться люди, способные понять благородный дух его творений. исполненных мира и гармонии, сострадания к слабым и жалости к несчастным...»

«Апостолом социальной революции, художником, чья жизнь более весома, чем его сочинения», назвала Толстого мадридская газета «Pais».

17 ноября о смерти «великого человека» сообщила специальной телеграммой из Петербурга мельбурнская газета «Herald», поместившая в том же номере большую статью о жизни и учении Толстого. На следующий день газета «Age», также издававшаяся в столице Австралии, напечатала статью «Толстой и его деятельность», в которой охарактеризовала великого русского писателя как «наиболее поразительную и интересную личность нашего времени».

«Теперь, когда останки этого гения будут преданы земле,— писала 19 ноября японская газета «Токио нитинити»,— мы утрачиваем последнего представителя идей XIX века. Для оплакивания этой потери должны объединиться все народы мира, хотя убеждения и идеи почившего старца в некоторой своей части не могут разделяться абсолютно всеми<...> В истории человечества не было еще такого человека, который, как граф Толстой, оставил бы столь глубокий след в мыслящей части общества»².

* * *

Известие о смерти Толстого вызвало во всем мире ряд политических манифестаций.

17 ноября в Париже состоялось заседание французской Палаты депутатов. По предложению бывшего министра торговли, депутата Ж. Крюппи, вскоре ставшего министром иностранных дел Франции, парламент единодушно почтил память Толстого.

Приводим соответствующее место из отчета о заседании:

Председатель Палаты депутатов А. Бриссон. Я получил от г. Крюппи следующий проект резолюции: „Палата, узнав о смерти Льва Толстого, присоединяется к трауру русской нации и цивилизованного мира“.

Ж. Крюппи. Когда нации поражены несчастьем или охвачены радостью, представители Франции по благородному обычаю присоединяются — дружеской помощью или приветствием — к их чувствам. Выражаю уверенность, что встречу со стороны всех вас сочувствие сегодняшним сообщением: человеческая мысль только что понесла страшную утрату: Лев Толстой умер. (*Знаки сочувствия.*) Все люди моего времени, все люди нашего поколения жили, мыслили, грезили вместе с ним; у него они научились глубже чувствовать горе людское. (*Аплодисменты.*) Этой мыслью и руководствовался я, представляя текст резолюции, только что прочтенной господином председателем. (*Аплодисменты.*)

Председатель. Г-н министр иностранных дел, задержанный сейчас в другом месте, просит меня сообщить Палате, что правительство присоединяется к резолюции г. Крюппи. Я уверен, что выражу общее чувство Палаты, заявлением о единогласном принятии резолюции. (*Аплодисменты.*)³.

Полученное вскоре опровержение ложного известия о смерти Толстого поставило в крайне неудобное положение и газеты, опубликовавшие некрологи, и, в особенности, французский парламент.

«Толстой не умер. Произошла ужасная ошибка, — сообщал корреспондент «Раннего утра» из Парижа. — Трудно передать, какое чувство смущения овладело всеми. Как можно было объявить о смерти живого еще Толстого, продолжавшего еще являть великий пример жизни! Но ошибка шла из России, и русские газеты были, как известно, поставлены в опасность сделать ту же печальную ошибку, если бы они не получили опровержения более своевременно, чем французская печать. В Палате, в кулуарах был вопрос о том, чтобы как-нибудь исправить ошибку. Но Крюппи справедливо заметил, что Палата желала лишь выразить чувство Франции по отношению к русскому гению»⁴.

Парламентская манифестация в честь Толстого привела в бешенство реакционную печать. Э. Жюде со сдержанной яростью заявил в «Eclair»:

«Автор „Анны Карениной“ в известной мере является пророком революции, из которой русское правительство — наш союзник — с грехом пополам выпуталось<...> Депутаты наши поступили бы умнее, если б отклонили игру, которая рисковала быть непонятой или дурно истолкованной. Эта манья лезть по всякому поводу в чужие дела и примешивать литературу к политике является дурным тоном: она представляет опасность или, во всяком случае, — неудобства».

В том же духе откликнулся и Л. Демулен в «Gaulois» 18 ноября, открыто осуждая Палату депутатов за публичное чествование памяти писателя с революционными, «нигилистическими» тенденциями, и ряд других реакционных журналистов (ср., например, статью Г. де Кассаньяка в «Autorité» от 19 ноября).

П. Юэ Сен Поль писал по поводу парламентского инцидента в «Messager de Paris» от того же числа:

«Как частные лица, депутаты имеют право восторгаться талантом — пусть даже гением — Толстого, соглашаться с его идеями, находить совершенными его теории; они могут, если им угодно, возносить им хвалы в газетах, проповедовать его учение на многолюдных митингах; однако как представители нации они должны были помнить, что их великий человек участвовал в русской революции, что он добровольно выступал врагом учреждений и правительства своей родины».

Газета «Figaro» сообщила 18 ноября, что из Астапова от Толстого была получена накануне телеграмма на имя Бриссона и Крюппи со следующим текстом: «Remerciements anticipés. Tolstoï» («Заранее благодарю. Толстой»). Публикация подобной фальшивки — факт возмутительный и кощунственный.

18 ноября великий французский социалист Ж. Жорес напечатал в издававшейся им газете «Humanité» следующее обращение, озаглавленное «Русскому народу».

«От имени Франции французская Палата депутатов вчера воздала Толстому в связи со слухом о его смерти дань уважения, которая, несомненно, глубоко тронет русскую нацию. Между миром идей, волнующих великого мистика, и миром идей, который волнует большинство современных французов, существует огромная пропасть.

Но каким бы образом ни протестовал разум против зол и несправедливости человеческого общества, — будь то бунтарская непримиримость первых времен христианства или же деятельная борьба за права человека, — он преследует одну и ту же цель. И призывные клики будут услышаны по обе стороны бездны.

Толстой, находящийся на смертном одре или же погруженный в одиночество, в котором он желает провести остаток своих дней, никогда, должно быть, не услышит слов, доносящихся из Франции, но они поведают всей России о нашем восхищении человеком, который сумел выразить всю глубину внутренней жизни русского народа. Вот великая дружба, вот великий союз, заключенный людьми, воодушевленными идеалами свободы и справедливости.

Творения Толстого — это один из тех бессмертных родников, у которого в известные минуты встречаются все умы — какой бы тропой ни пробирались они сквозь лесную чащу»⁵.

Парижская газета «Temps» в тот же день поместила очередной фельетон своего постоянного обозревателя, романиста и историка, члена Французской академии Ж. Кларти — «Парижская жизнь». Значительную часть фельетона он посвятил Толстому — «гиганту, чье имя заполняет теперь столбцы наших газет»:

«Восемьдесят лет! Этот возраст для Толстого уже позади, а судьба старца продолжает тревожить весь мыслящий мир <...> Случалось ли вам видеть во время урагана, как источенный старостью дуб упорно противится бешеным порывам ветра и не покидает кормилицу-землю, из которой свирепая буря хочет вырвать его с корнем? Точно так же и старец Толстой продолжает стоять, словно дуб, то внезапно сникая под натиском недуга, то вновь распрямляя величественный стан и вновь принимаясь писать. За работу! за работу! <...>

Но вот — что за шутка смерти и телеграфа! — до нас доходит другая депеша, которая разом вычеркивает слова, давно уже высеченные на мраморе, написанные еще до того, как на могилу положен надгробный камень.

Толстой не умер! <...>

Величественная фигура Льва Толстого еще властвует над миром. Со смертью этого человека словно мрак спустился бы на землю. Я смотрел на его портрет — где он представлен, как и на его фотографическом снимке, с посохом в руке, с котомкой за спиной, в грубой одежде, — он как бы отправляется в тот путь, который прервется на маленькой станции Астапово. Прямой взгляд, горящие глаза, резко очерченный рот воинствующего пророка, — это паломник, шагающий по степи, сея высокие мысли, неся людям пламенное слово, идущее от самого сердца.

И этот портрет, исполненный поразительного реализма и напоминающий образ легендарного Вечного Жиды, поистине символичен. Да, это он, именно он, апостол смирения, всепрощения, милосердия, странник,

преисполненный сострадания. Быть может, поднявшись со своего ложа, к которому Толстой еще прикован болезнью, он вновь продолжит свой путь в пустыне, подобно крестителю Иоанну<...>

Все горячо желают этого, и когда скептическому парижанину вновь сообщат, что „Толстой умер“, парижанин больше не станет верить и скажет:

— Он уже давно бессмертен».

Г. Баржере писал в «*Evénement*» 18 ноября:

«Вчера объявили и затем тотчас же опровергли известие о смерти Толстого, самого великого писателя, который когда-либо был порожден славянскими народами, знаменитого автора „Войны и мира“. Померкло яркое и чистое сияние, горевшее над бесконечными степями и освещавшее своим пламенем коллективную душу целого народа<...> Все выражения восторга и благоговения были исчерпаны по отношению к этому великому человеку — равно великому как мыслитель и как писатель. Можно не повторять высказываний о том, в какой степени, с какой силой и полнотой обладал Толстой важнейшими достоинствами гениального писателя: глубиной психологического анализа, постижением характеров, мощью, пронизательностью и рельефностью в живописании нравов, воплощением изменчивого миража истории, сильнейшим талантом рассказчика, сочностью и богатством стиля, остротой и оригинальностью философского понимания мира и человеческих судеб, ибо не существует гениального писателя без оригинальной философии, т. е. без цельного мировоззрения. Нужно ли напоминать теперь читателям о всех тех драгоценных, но в сущности нисколько не исключительных качествах, с блеском проявленных Толстым в восхитительных этюдах характеров и нравов, называющихся „Войной и миром“, „Анной Карениной“, „Детством“, „Отрочеством“, „Юностью“, „Семейным счастьем“ и „Воскресением“, красота которых столь же хорошо памятна французской публике, как и славянским почитателям Толстого. Это чистейшие шедевры Толстого, чудеса поэзии и правды<...> Да, шедевры исключительной наблюдательности, пронизательного анализа, грандиозных вдохновений, возвышенных и временами обманчивых стремлений к идеалу правоты и справедливости, недостижимому в сем брэнном мире, шедевры, отличающиеся особенной прозорливостью рассказа, благородством чувств и мыслей, глубоко патетичной и трезвой гуманностью<...>

Творчество Толстого кажется нам единственным в своем роде, поистине ни с чем не сравнимым и по остроте передачи самых интимных подробностей, и по громадности целого. Как психолог Толстой равен Шекспиру или Бальзаку. Ни один современный писатель не проникал глубже его в человеческую душу; никто не произносил более мудрых слов, более справедливых суждений и аксиом нравственной жизни, столь правдивых и пронизанных светом. На каждой странице или почти на каждой странице его главных произведений блистают отдельные штрихи — результат нравственных наблюдений, — чрезвычайно значительные и простые и в то же время никем до него не замечавшиеся и бросающие новый свет на глубины человеческой натуры, — так, что читатель вздрагивает от неожиданности и несколько боязливого уважения, — ибо каждый из нас находит в поступках главных действующих лиц Толстого живой образ своих воспоминаний и своего прошлого. И хотя эти произведения поистине бесценны для наблюдателя, для коллекционера мелких психических явлений, и каждая подробность в них ценна и глубоко обоснована, — они являются и самыми грандиозными произведениями нашей эпохи. Только одна „Человеческая комедия“ — ибо имя Бальзака всегда приходит в голову, когда речь идет о творческом гении, — может соперничать с романами Толстого по универсальности точек зрения, по величию несколько запу-

Lundi 21 Novembre 1910

Rédaction et Administration:

27, Boulevard Poissonnière, PARIS

Abonnements: Paris 10 francs

Province 12 francs

Etranger 15 francs

Tribune 25 francs

Expédition 10 francs

COMEDIA

Rédacteur en Chef: G. de PAULOWSKI

La Mort de Tolstoï

LEO TOLSTOÏ

St-Petersbourg, 20 novembre, 6 h. 45.
— La mort de Tolstoï est morte à 8 h. 45, sans avoir souffert de souffrance.

L'empereur et ses proches, ainsi que les membres de la famille, ont été admis à voir le défunt. Les médecins ont été appelés à constater la mort. Les funérailles auront lieu à St-Petersbourg, le 22 novembre.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps perdu

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

Le corps de Tolstoï sera transporté à Moscou, où il sera inhumé au cimetière de Troïtskoe.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЕ «COMEDIA».

21 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

танного цедого и вполне законной претензии — отражать всю жизнь современного мира в ограниченной раме литературного произведения).

Жеро-Ришар писал 19 ноября в газете «Paris-Journal» (статья озаглавлена «Восхищение»):

«Больше всего меня восхищает в Толстом блеск его личности, единственной его защиты от всех мстительных сил на его родине. Целых двадцать лет ведет он войну с самодержавием, которое обличает, с армией, которую проклинает, с духовенством, которое осмеивает, с цивилизацией, которой не признает, — словом, со всем своим веком. И что же! Ни царь, ни армия, ни церковнослужители не посмели поднять на него руку<...> Умер он — и уже ни один голос не нарушит российского безмолвия; ни один огонек не сверкнет во мраке этого огромного поля битвы...»

19 ноября в «Matin» была напечатана телеграмма туринского корреспондента, датированная 18 ноября и озаглавленная: «Скорбь Горького»:

«Из Капри сообщают в „Tribuna“, что, получив известие о смерти Толстого (оказавшееся ложным), Горький опасно заболел. Известие это было сообщено писателю вчера около десяти часов. Он пообедал, зашатался и потерял сознание.

За ним ухаживает жена. Горький вынужден был лечь в постель и сейчас находится в крайне подавленном настроении. Он никого не принимает.

Несмотря на серьезное состояние здоровья, он ответил одной из газет, просившей его высказать свое мнение о Толстом, следующей телеграммой: „Я не могу писать о Толстом. Это выше моих сил“.

Л. Науци в статье «Прощальное слово Максима Горького о Толстом» (парижская газета «Comcedia» от 22 ноября) привел следующее высказывание Горького, записанное итальянским журналистом:

«Толстой — это поистине гений великой России... Никогда душа народа не была выражена с такой силой, полнотой и величием, как выразил русскую душу Лев Толстой... Вы увидите, творчество величайшего современного романиста принесет впоследствии плоды и еще дальше раздвинет свою могучую сень. Тогда он не будет казаться, как теперь, только мечтателем, идеалистом. Тогда увидят, что его творчество — я говорю в данном случае о последних его произведениях — глубоко ушло корнями в подлинную жизнь.

Неужели вы думаете, что современники Данте постигали те разоблачения и пророчества, которые содержатся в „Божественной комедии“? Вы, итальянцы, еще и теперь не проникли во все тайны этой вечной музыки. Вы еще не вполне уверены, правильно ли интерпретированы некоторые из темных мест; но по этой-то причине „Божественная комедия“ и является не только мировым шедевром, но и основой итальянской цивилизации“.

И поскольку репортер „Tribuna“ выразил удивление, услышав это признание в невозможности измерить широту и глубину толстовской мысли, Максим Горький сурово ответил, сопроводив свои слова нервным жестом:

„Почему я не могу объяснить творчество Толстого?.. Да потому, что Толстой — Гений... А я — нет!..“»

«Наши критики не обладают подобной скромностью, — добавил Л. Нацци. — Правда, они ничего и не создали...»⁶

Корреспондент «Русского слова», посетивший А. Франса тотчас же после появления в печати ложного сообщения о смерти Толстого, получил у него следующее интервью:

«Ваша утрата, — сказал Франс, — утрата для всего человечества. Я глубоко потрясен смертью Л. Н. Толстого. Мы, писатели нынешней эпохи, можем быть сравнены с ним, как микроскоп с телескопом. Л. Н. Толстой видел своими духовными очами не видимые еще нам горизонты. Я могу сравнить Толстого с Гомером. Его будут изучать через тысячелетия. Его якобы утопии уже частью находят себе подтверждение. Старый мир трещит, устои его колеблются. Толстой — пророк нового человечества.

У меня не было непосредственных сношений с великим писателем, но через общих друзей⁷ я знал о его симпатии к моим произведениям. Память об этом я сохраняю до конца моей жизни.

Л. Н. Толстой предвидел великую гармонию человечества: он желал приблизить жизнь к великим законам природы. Чем в свое время был Вольтер для Франции, тем был и Толстой для России»⁸.

Сотруднику парижской газеты «Excelsior» А. Франс сказал:

«Я сильно опечален смертью Толстого: это вознаграждаемая потеря для литературы и всемирной Мысли. Я не был знаком с ним лично, но из рассказов наших общих друзей, высоко его ценивших, я знал, что при личном общении все ощущали невыразимое обаяние этого спокойного, мечтательного характера... ибо Толстой, как и все великие художники, был мечтателем.

Он часто выражал мне свою симпатию и доказал мне ее, переведя „Кренкебиля“. Он даже не раз приглашал меня к себе, но я не мог решиться на эту поездку... в России так холодно...»⁹

«Бедный Толстой, — добавил Франс, — его конец печален, даже трагичен: он так любил жизнь. О, я знаю: тому, что Толстой страстно любил жизнь, — не верят, но я скажу больше, он любил ее сладострастно. Толстой был преисполнен сладострастия. Человек, который рассекает, расчленяет окружающее его общество, как делал это великий Толстой, не может не быть влюбленным в завтрашний день.

Иные могут возразить, что аскетический образ жизни писателя отнюдь не служит подтверждением моим словам. А я на это отвечу: есть два

способа любить жизнь. Отдаваться ей целиком, бездумно, позволять ей убаюкивать себя, как убаюкивает немолчное журчание ручейка. Или же — и именно это избрал для себя Толстой — можно укротить жизнь, овладеть ею и покорить ее.

Второй способ свидетельствует даже, по моему мнению, о гораздо большей страстности.

На вопрос, какое из произведений Толстого лучше всех, Франс ответил: «Без сомнения — „Война и мир“, если не считать, однако, „Анны Карениной“, которая по своей красоте и гениальности принадлежит уже не Толстому, а всему человечеству».

Ж. Леметр передал в редакцию «*Excelsior*» для публикации следующие строки о Толстом:

«Это был человек исключительно гениальный и обладавший необыкновенным характером. Он был не просто вождем, он был светочем».

Известный французский писатель и журналист *П. Жинист* прислал из Парижа в «*Etoile Belge*» корреспонденцию, помещенную в номере от 17 ноября.

«О, если бы, несмотря на возраст великого русского писателя, — замечал он, — шла речь о каком-либо скандальном приключении, общественное мнение было бы к нему снисходительно. Но отказаться от почестей, избегать рекламы, презирать деньги, мечтать лишь об уединении, в котором можно без помех предаваться суровым размышлениям, — вот что шокирует нас. Толстого резко осуждают в печати. В его действиях видят дурной пример<...> Мы не привыкли к подобным характерам, они превосходят наше понимание — нам легче предполагать в людях слабость и заблуждения».

20 ноября в библиографической хронике газеты «*Temps*» под рубрикой «Литературная жизнь» была напечатана заметка *Г. Дешана* о Толстом:

«...Весь мир прервал свои обычные занятия и житейские утехы, чтобы прислушаться к тому, что говорят, что делают и на что надеются в комнатке на станции Астапово, где врачи, пытающиеся продлить эту жизнь, подточенную старостью и болезнью, с тревогой следят за слабым дыханием, срывающимся с уст великого старца. Оттуда, с этой крошечной далекой станции Казанской <!> губернии, в краю башкир и черемисов, бюллетени, составляемые доктором Никитиным, передаются по телеграфу корреспондентами интернациональных агентств более старательно, чем если бы речь шла о какой-либо особе, украшенной пышным титулом и облеченной в официальный сан. Ни один король на смертном одре, ни один расстающийся с жизнью император, ни один министр в смертельном недуге никогда не привлекали к себе столь пламенного общественного внимания, никогда еще мир не ждал с такой надеждой выздоровления человека, который добровольно отрекся от суетности и не занимает никакого места на иерархической лестнице того общества, противоестественность которого он обличал и симметрию которого нарушил одной только силой таланта, высвободившегося из пут тщеславия».

Если бы Толстой возлежал на пышном ложе, в банальной торжественности аристократического дворца, в Санкт-Петербурге или в Москве, он не увидел бы вокруг себя никого, кроме растерянных лиц озабоченной прислуги и огорченных прихлебателей. И в качестве последних даров получил бы лишь лицемерные слезы челяди, уже ищущей нового господина, или жалобные вопли попрошайек, искренно опечаленных тем, что вместе с богатым покровителем они лишаются повседневного пропитания. Но Толстой — нищий, Толстой — скиталец, кончающий свои дни в домике начальника станции Астапово, — этот Толстой более величествен, чем римский патриций, более царствен, чем Цезарь, более оплакан, чем любой властелин, чье могущество распространяется только на низменные сферы

бренных и преходящих явлений. Духовный властитель бесчисленного числа навсегда покоренных им сердец, автор „Анны Карениной“, „Войны и мира“, „Воскресения“ и комментария к Евангелию, в горестной болезни и в торжественном апофеозе собирает ныне высокую дань своему признанному величию. Преждевременное известие о его смерти дало ему возможность ощутить, как неразрывно связана его жизнь со всем существованием современного человечества. Разве позавчера не явились мы свидетелями того, как вся Палата депутатов объединилась в едином порыве, чтобы почтить память знаменитого писателя, который ни в своих призывах к правителям, ни в советах тем, кем они управляют, никогда не претендовал на какую-либо роль в политике. Имя Толстого перелетает из уст в уста и звучит в ушах у множества людей — даже тех, кто никогда не читал ни „Хозяина и работника“, ни евангельских рассказов»¹⁰.

Глава III

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ. — ФРАНЦИЯ

20 ноября н. ст. агентство Рейтер передало на этот раз уже достоверное сообщение о кончине великого писателя.

«Весть о смерти Льва Николаевича пришла сюда утром, уже после выхода газет, — писал из Парижа корреспондент «Русского слова» 20/7 ноября, — и была сообщена особыми экстренными выпусками. Хотя к печальной вести все были подготовлены, она произвела потрясающее впечатление»¹.

«Сегодня вся французская печать<...> полна статьями о Толстом <...> Смерть его единодушно рассматривается как утрата, понесенная человечеством, — отмечал парижский корреспондент «Русских ведомостей». — „Меньше света стало в мире“, — пишет „Comœdia“, орган, посвященный искусству. „Не было человека, — говорит „Journal des Débats“, — смерть которого в равной мере потрясла бы весь мир»².

Ряд парижских газет выступил с предложением почтить память Толстого, назвав его именем одну из улиц в Париже и установив мраморную доску в Пантеоне. Аналогичные предложения о названии именем Толстого улиц и площадей высказывались и в других европейских столицах.

21 ноября газета «Humanité» открылась следующей статьей Ф. Рибаса, озаглавленной «Толстой умер»:

«Как ни относиться к идеям и творческому наследию Толстого, нельзя не склонить головы перед величием души и воинственной энергией, которые проявлены им на протяжении всей его жизни. Ибо даже в свои последние годы, в период болезненного мистицизма, которым он стремился окончательно отгородиться от мира, ум Толстого не знал передышки: он неустанно боролся со всем, что считал дурным, во имя того, что считал высшим совершенством.

И мы восхищаемся и выражаем свое уважение к скончавшемуся великому русскому апостолу за то, что он являлся воплощением энергии и моральной честности, за то, что он был человеколюбом, просветителем народа и альтруистом.

Пусть мы не можем принять иные из его концепций — какое это имеет значение? Что нам до его взглядов на вопросы пола, до его учения о непротивлении? Какое нам дело, что он, заблуждаясь, искал истину в христианстве?

Для нас важно, что Толстой, подобно нам, подобно всем тем, кто любит справедливость и гуманность, стремился заменить то устройство общества, при котором властвуют раздоры, ложь и насилие, новым порядком вещей, при котором будут царить согласие, правда и братство.

Вот почему мы видим в смерти великого писателя, талант и душа которого озаряли от края до края весь цивилизованный мир, утрату для всего Человечества, утрату, которая будет со скорбью воспринята каждым благородным человеком!» *

«Толстого нет более. Почти сверхчеловеческая борьба последнего из пророков со смертью, вызывающая мысль о библейской борьбе Иакова с Ангелом, к утру окончилась...», — известила читателей 21 ноября в редакционной статье газета «Temps». В том же номере была помещена статья известного историка литературы и переводчика «Воскресения» Т. Визева «Граф Лев Толстой».

«После восьмидесятилетней жизни, скромной и мужественной красотой которой нельзя не восхищаться, — писал Визева, — графа Толстого постигла смерть — самая прекрасная, какую он только мог желать. Он пал именно в тот момент, когда впервые за целых двадцать лет ему удалось, наконец, привести свои поступки в согласие с собственным учением; и даже если допустить, что какая-то доля старческого помрачения разума примешалась к другим мотивам, внушившим ему мысль о бегстве, которое стало отныне знаменитым, то и тогда это бегство останется великолепным подвигом освобождения, подвѣма, благородным порывом великой души к достижению своего идеала. Благодаря этому трагическому бегству старца нам открылось то, что осталось бы неизвестным, если бы Толстой умер несколькими днями ранее. Мы узнали о том, как он страдал, как боролся в продолжение двадцати лет, как тяжек был для него светский образ жизни, с которым, думали мы, он кротко примирился. Теперь мы знаем, какое мужество понадобилось ему, чтобы сбросить цепи, которыми он был привязан к этому существованию, и чтобы влачить эти цепи из года в год, тогда как все живые силы его существа побуждали его, сознавал он это или нет, высвободиться от них».

Влияние Толстого, по словам Визева, якобы заметно уменьшилось в течение последнего времени, и для славы писателя было бы лучше, если бы он умер годами десятью ранее, «в час, когда неожиданный триумфальный успех „Воскресения“ доказал нам, что ум его и сердце деятельней, чем когда бы то ни было, что благородный его гений ему не изменил, так как последующие годы значительно ослабили это впечатление<...> Боюсь, поэтому, что ныне мы не ощущаем смерть графа Толстого как острое, личное горе каждого — что, несомненно, произошло бы лет десять тому назад. Однако рядом с яснополянским помещиком, чей образ за последние годы несколько поблек в наших глазах, находился живой символ славы и гения, чья смерть не может не быть единодушно оплакана во всех уголках Земли. При этом известии Россия и вся Европа почувствуют, что внезапно образовалась глубокая пустота, которую отныне ничто не в состоянии будет заполнить. Мы поймем, что человечество лишилось своего последнего великого человека, который вчера еще, несмотря на свои слабости, царственно возвышался над всеобщей посредственностью, подобно тому как массивный готический собор возвышается над унылым однообразием какого-нибудь рабочего поселка. Бессознательно делая все, чтобы разрушить наше представление о своем превосходстве, Толстой тем не менее по-прежнему оставался в наших глазах высшим воплощением легендарной породы гениев. Пред непрекращающимся ростом банальности и пошлости нас утешало сознание, что хоть где-то, вдалеке, в глубинах России, старец в блузе, с бородой пророка, упорно продолжает жить, что он хранит в себе искру священного огня<...> Но вот и он ушел в свой черед, и я уверен, что не найдется ни единого человека среди русских и

* Отметим, что помещенная 23 ноября в «Humanité» корреспонденция из России о «скорби» Николая II в связи с кончиной Толстого была озаглавлена редакцией: «Крокодиловы слезы». — Л. Л.

иностранцев, среди набожных и атеистов, среди образованных и невежественных, для кого эта смерть не явилась бы почти личным горем, кому она не принесла бы ощущения, что наша нравственная атмосфера сделалась более смутной и удушливой».

В газете «Peuple» от того же числа мы читаем: «Смерть Толстого погружает в траур не только литературный мир, но и все человечество, которому он с глубокой верой и поразительным талантом проповедовал религию братства. Он был одновременно гениальным романистом, поэтом, художником и апостолом высоких идей. Угасла, исчезла прекрасная и благородная жизнь, но она оставила за собой след, сверкающий и глубокий».

Сообщая читателям о смерти Толстого, французский критик Ж. Эрнест-Шарль писал в парижской газете «Excelsior» 21 ноября:

«Толстой принадлежал к числу тех чрезвычайно редких современных писателей, которых читают во всех странах, которыми всюду восхищаются, о которых всюду говорят и спорят и которые благодаря престижу своего литературного гения оказывают на умы и души людей духовное и нравственное влияние. Это влияние и международный авторитет — явление, ныне почти нигде не существующее <...> Мы по-прежнему бесконечно ценим вдохновенный гуманизм творчества Толстого и с гордостью думаем о том, что не остались совершенно чужды этому гуманизму. Мы повторяем слова Жюльа Леметра: „Разве тот энтузиазм, с которым мы восприняли и прославляли гуманизм русского романа и норвежской драмы, с их любовью и состраданием к ближнему, не доказывает сам по себе, что эти чувства уже таились в нас и что этот гуманизм только помог нам распознать их в себе!“

Пусть же творчество Толстого, освобожденное от крайностей, к которым его привело в последние годы буйство ума и духа, творчество, несравненными литературными достоинствами которого мы не устанем восхищаться (хотя, быть может, нам и хотелось подчас, чтобы в них было больше уравновешенности, стройности, порядка), пусть же, повторяем, это творчество поможет нам сохранить в себе ощущение того, что составляет силу нашей литературы в глазах всего мира! Благодаря Толстому мы соприкоснулись с русской душой. Благодаря могуществу его творений мы сумели лучше понять владычество нашего собственного искусства. Творчество Толстого одновременно национально и общечеловечно, оно царит над всеми умами во всем мире».

Ж. Бурдо писал в «Journal des Débats» 21 ноября:

«С уходом Толстого исчезает личность, которая столь же ярко представляла свой народ и свою эпоху, как Вольтер, Гете, Виктор Гюго. В нем чудодейственно слились реальность и мечта. Книги его — это плоды не простого мастерства, а страстного вдохновения, в котором сверкает таинственная искра пламени, озаряющего священные книги. Черты лица богоподобного и неотразимого яснополянского апостола, его длинная борода патриарха, его беспокойный, волнующий взгляд навсегда останутся запечатленными в памяти народной. Толстой был святым от литературы».

«В конце Толстого, как во всей его жизни, — отмечалось в газете «Matin», — много необычного. Он порвал с кроткой и грустной традицией умирания, которой придерживаются старцы, мирно угасающие у своего очага, где их грела любовь. Можно подумать, что последний скачок вознес его к вершинам, что он свалился обессиленный на перевале, собираясь идти дальше, и предпочел скорей умереть, чем смириться и вновь спуститься вниз».

П. Буйе сказал корреспонденту:

«Как филолог я преклоняюсь перед богатым вкладом Толстого в русский язык. Перед опубликованием „Власти тьмы“ Толстой рассказывал

мне, как он странствовал среди простого народа, записывая меткие, крылатые слова народного языка. Смерть Толстого — утрата для всего цивилизованного мира»³.

21 ноября Буайе поместил в газете «Temps» большую биографическую статью о Толстом, завершив ее следующими строками:

«Человек этот был достоин своих творений, но отразился далеко не весь в том, что им было написано. Он принадлежал к числу тех исключительно редких гениев, к которым достаточно лишь приблизиться, чтобы сразу же понять их и полюбить, — так именно, как их и должно понимать и любить <...> Никто из тех, кого он принимал в своем яснополянском доме, никогда не забудет ни с чем не сравнимое впечатление силы и спокойствия, которые оставлял о себе великий старец, такой удивительно простой, безгранично искренний, такой снисходительный к слабостям, от которых он сам сумел освободиться».

Романист О. Мирбо заявил корреспонденту:

«Гигант мировой литературы, свое преклонение перед которым я высказывал еще при его жизни, оставит глубокий след во всем мыслящем человечестве. Красной нитью через все его произведения проходит любовь и сострадание к людям. Художник-психолог, чего бы он ни касался — любви, вечности, смерти, войны, — всегда находил он яркие образы. Он был для нас „северным сиянием“»⁴.

Романист и драматург А. Батайль, автор инсценировки «Воскресения»:

«Известие о смерти Льва Николаевича Толстого вызывает во мне чувство, которое испытываешь, слушая могучие удары вагнеровской „Смерти героя“. Толстой был великим знатоком человеческого сердца. Подобно Моисею, который добыл из скалы воду ударом жезла, он, зная сущность коллективного человеческого сердца, окаменевшего в эгоизме, силится добыть из него струю живой воды милосердия к ближним»⁵.

Paris-Journal

Dimanche 20 Novembre 1910

5 centimes 6 pages

DEBAILLON-RICHARD, Directeur

Les yeux de Tolstoï

Dimanche à Montecarlo

LA CRUE DE LA SEINE

LE MAXIMUM EST-IL ATTEINT ?

APRÈS COUP

LEON TOLSTOÏ

1904, 27 Novembre

СТАТЬЯ Г. МУРЕ «ГЛАЗА ТОЛСТОГО», НАПЕЧАТАННАЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЕ «PARIS-JOURNAL» ОТ 20 НОЯБРЯ 1910 г. В СВЯЗИ С ИЗВЕСТИЕМ О СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ

Фрагмент

Слева, в тексте статьи, портрет Толстого с его автографической надписью: «Léon Tolstoy. 1904, 27 Novembre»

Ж. Ришпен:

«Старый лев сделал последний скачок навстречу неизвестному, освободившись от всех семейных уз перед смертью. Пройдут века, и человечество оценит сокровища, вложенные Толстым в мировую мысль и мировую литературу. Такие гении рождаются редко»⁶.

И. И. Мечников:

«Хотя и можно было ожидать этой скорбной вести, все же она очень тяжела. Теперь я могу сказать вам об одном секрете, который мне открыл Лев Николаевич, когда я был у него в Ясной Поляне. В беседе за столом я сказал, что высоко ценю деятельность Льва Николаевича как художника, но не разделяю всех его философских концепций. Лев Николаевич под величайшим секретом сообщил мне, что он пишет беллетристическое произведение из эпохи революции. Я указал ему на печатавшуюся в „Русской мысли“ повесть В. Ропшина (Савинкова) „Конь бледный“. Льва Николаевича влекло желание дать нечто вроде второй части гетевского „Фауста“. Свидание с Львом Николаевичем оставило во мне впечатление, что его ясный ум по-прежнему оставался могучим, нетронутым. Я высказал Льву Николаевичу, что его произведения в серьезные минуты моей жизни были мне поддержкой. — Да будет легка земля великому гению!»⁷

Скульптор *Н. Л. Аронсон* (разрыдавшийся при известии о смерти Толстого):

«Когда я впервые приблизился к Толстому, меня поразили, прежде всего, его глаза. Проникавший в душу и сердце его взгляд точно звал вас к исповеди. В нем была глубина, в которую обыкновенный смертный страшился заглянуть. Толстой не хотел позировать, и я урывками схватывал его черты, ибо во мне было глубокое сознание, что я делаю великое дело и что в течение тысячелетий человечество сохранит образ полубога, сошедшего на землю»⁸.

20 ноября в газете «Paris-Journal» была напечатана статья, озаглавленная «Глаза Толстого», автор которой, писатель, искусствовед и переводчик *Г. Муре*, описывал свое посещение Ясной Поляны в конце 1905 г. Наиболее интересную часть статьи составляет описание внешности Толстого, сделанное ярко и выразительно, но с несколько утомительной эмоциональностью. Часы, проведенные у «величайшего из живущих ныне людей», «последнего пророка, последнего героя современной мысли», остались автору памятными на всю жизнь.

В газете воспроизведена фотография Толстого, по-видимому подаренная им Муре, под которой им подписано: «*Léon Tolstoy. 1904. 27 Novembre.*»

В интервью, данном скульптором кн. *П. Трубецким* корреспонденту «Journal», содержатся следующие воспоминания о Толстом (21 ноября):

«Да, я видел Толстого нынешним летом. Я нашел его молодым, крепким, смелым. Он ничего не изменил в своем образе жизни. Ежедневно совершал он в одиночестве прогулку, как и прежде<...> Нет, он не похож был на человека, которому суждено вскоре умереть. Однако он думал о смерти. Вспоминаю, однажды мы проезжали с ним, как всегда, верхом, через цветущие луга. Начиналась весна. Толстой долго смотрел на набухшие древесные почки, на синее небо, на светлую влагу, сверкавшую в траве. Казалось, его взгляд хотел вобрать в себя всю эту живую свежесть и выпить ее. „Никогда,— сказал он мне,— я не чувствовал, как сегодня, всю эту красоту. Я сильнее ощущаю эту неумирающую прелесть теперь, когда вскоре должен все это утратить!“ Это были, как мне кажется, единственные грустные слова, произнесенные им в моем присутствии...»⁹

Видный либеральный политический деятель, основатель Международной лиги Мира, *Ф. Пасси* сказал корреспонденту:

«Роман „Война и мир“ Толстого был толчком для развития идеи мира, апостолом которого он являлся. Его проповедь любви сделала много для распространения идеи мира»¹⁰.

Он же писал в «*Excelsior*»:

«Благодаря Толстому мы лучше поняли многие мечты и идеи наших собственных художников. Благодаря ему мы узнали душу великого русского народа. Произведения Толстого национальны и в то же время принадлежат всему миру, всему человечеству».

Находившаяся в Америке знаменитая французская актриса Сара Бернар, узнав о смерти Толстого, заявила журналистам, что испытывает глубокое огорчение. «Я хорошо знала Толстого и испытывала к нему чувство глубокого восхищения», — сказала Бернар. «Человечество потеряло апостола, а Россия лишилась гения». Артистка прибавила, что ее мечтой было посетить Ясную Поляну¹¹.

Известный писатель, член Французской академии П. Бурже выступил в «*Matin*» 21 ноября со следующим высказыванием:

«Философия Толстого всегда казалась мне лишенной всякого значения. Постоянно ощущалась странная диспропорция между его *способностью видеть*, в высшей степени развитой, и *способностью осмысливать* свои наблюдения, которая была у него в детском состоянии. Этим необычайным контрастом и объясняется бессвязность воззрений, которые он нам высказывал уже с давнего времени. Только престиж его писательского таланта мог заставить нас принимать всерьез его бредни, которые, как мы могли убедиться, принесли столько же зла ему самому, как и другим».

Бурже не ограничился этим кратким выступлением и развил свои мысли о Толстом в обширном некрологе, напечатанном в тот же день в виде передовицы в газете «*Echo de Paris*» под названием «Толстой». Проявив полное непонимание новаторской роли Толстого в истории европейского романа, он пытался — впрочем, с рядом оговорок — изобразить великого русского художника чем-то вроде фотографа, умеющего схватывать только внешние подробности и отдельные моменты внутренней жизни человека.

«Недавно умерший знаменитый русский писатель, — писал Бурже, — был слишком гениален и занимал в современном общественном мнении место слишком высокое, чтобы можно было в одной газетной статье полностью обрисовать его сложную и могучую личность. Мне хотелось сегодня только наметить отдельные ее черты. Эта долгая, более чем восьмидесятилетняя жизнь словно распадается на два отрицающих друг друга периода: период писателя-романиста и период апостола. Однако при более пристальном изучении Толстого убеждаешься в том, что здесь было не противоречие, а логика. „Война и мир“ и „Анна Каренина“, эти шедевры зрелого Толстого, предвещали одним уже своим построением то глубокое нарушение внутреннего равновесия, которое неизбежно должно было привести к трагическому интеллектуальному банкротству последних двадцати пяти лет его жизни. Попытаюсь объяснить, почему это произошло, и выявить то поучительное, что содержится в этом печальном конце художника, столь же великого, сколь и несовершенного».

Когда Мопассан был еще юношей, — он часто впоследствии мне об этом рассказывал, — Флобер подвергал его жесткой выучке, заставляя рассматривать какой-нибудь предмет до тех пор, пока он не постигнет, в чем его неоспоримое своеобразие. „Вот сейчас там, на углу, стоит множество извозчиков, — говорил он. — Ни один из них не похож на другого. Выйдя на улицу, понаблюдай за ними. И принеси мне сто строк, в которых будет охарактеризован каждый из них“. Я не прочел ни одной страницы Толстого, не вспомнив этот анекдот. Это и есть определение его творчества и его таланта. Никто не обладал такой способностью останавливать перед собой чье-либо лицо, какую-либо позу, пейзаж, чтобы извлечь из них выразительную, характерную деталь, и уж потом это лицо, позу, пейзаж не спутаешь ни с какими другими. Эта способность проявлялась не только

в изображении внешнего мира, но и мира внутреннего. Тончайшие чувства всех персонажей, о которых рассказывает Толстой, выявлены и обозначены с несравненным знанием оттенков и особенностей.

Он не только умеет показать отличие одного человека от другого, как бы схожи они ни были между собой, он показывает, каким различным бывает один и тот же человек. Подобно тому как в лесу не существует двух одинаковых листьев, не существует и двух одинаковых переживаний в одном и том же сердце. Толстому удавалось видеть это многообразие и делать его ощутимым для других. Это проникновение, это стремление к индивидуализации придают сценам, свидетелями которых он делает нас, подлинную жизненность. Безухов, князь Андрей, Наташа, Левин, Анна, Вронский находятся здесь, в этой комнате. Мы не просто верим в них. Мы их видим воочию. Если бы писательское искусство заключалось только в воссоздании образов, Толстой не имел бы равных. Но достаточно сравнить его с другими мастерами, с Бальзаком, Мольером, Шекспиром, чтобы признать, что у него отсутствует другое достоинство, без которого не может быть законченного шедевра. Это достоинство классическая риторика обозначала очень скромным термином: композиция. „Жизнь холостяка“, „Тартюф“, „Гамлет“ — привожу первые попавшиеся названия — обладают композицией. Это произведения самых различных жанров. Но им свойственна одна общая черта: в них есть середина, начало, конец, точка зрения. Вспомните для контраста „Войну и мир“ и „Анну Каренину“, эти повествования, которые могли бы продолжаться до бесконечности, в которых эпизоды следуют один за другим, как кадры в кинематографе, без постепенного развития, без перспективы, без общего плана, — это картины, освещенные одинаковым светом, который выявляет в них малейшую подробность, но все они равны по значению. И вы поймете, что при всей своей силе Толстой, в сущности, талант бесформенный, варварский, неотшлифованный, вызывающий мысль о набросках Микеланджело<...> Ибо композиция — это не только литературное достоинство, но и свойство ума — нет, что я сказал? — это самый ум<...>

Итак, уже сама фактура этих произведений свидетельствовала в Толстом его лучших лет о диспропорции между силой видения и умением осмысливать увиденное<...>

Могучий художник „Войны и мира“ знал своих персонажей, столь рельефно им обрисованных, только, если можно так выразиться, в текущий момент. Их душевное состояние ему всегда являлось как полная и конкретная данность и никогда — как результат. Он никогда не представлял их себе в предшествующих событиях, в прежних условиях жизни. Этот талант индивидуализации, который я выше обозначил как высший дар его разума, вытеснил способность к обобщению<...>

За то, что он хотел искать веру там, где ее нет и быть не может, в гордом и одиноком Разуме, Толстой приходит к тому злу, которое столь упорно стремится избежать: к эгоизму, который поначалу у него имел характер чувственный и великосветский, а под конец — мистический и сознательно грубый. Но эгоизм продолжает оставаться эгоизмом — это доказывает та тревога, в которой протекли его последние дни. Столько доброй воли — и так мало покоя, так мало того ясного света, сияние которого озаряет на пороге смерти тех, кто ощущает себя в согласии с вечной истиной. Это бегство из родного дома накануне смерти, это крайнее беспокойство, которое гонит его по заснеженным дорогам в поисках последнего убежища, — как это все символично! И, читая эти мрачные подробности, я вспоминаю так ясно, будто это происходило вчера, Тургенева, рассказывающего о Толстом в гостинной у Тэна, который жил тогда напротив собора св. Фомы Аквинского в теперь уже снесенном доме. Тогда-то я в первый раз и услышал это имя, в то время у нас еще не известное. Автор „Отцов и де-

тей" с пламенной щедростью художника раскрывал для нас величие „Войны и мира“. Я и теперь словно слышу, как он читает то место, где Толстой, чтобы создать ощущение деревенской ночи, рисует птичку, улетающую в такой тишине, что слышно, как шуршат, соприкасаясь, кончики ее крыльев...»¹²

Аналогичные мысли высказал в «Nouvelle Revue» от 1 декабря А. Шерве, утверждавший, будто творения Толстого «значительны, но фрагментарны» — «все у него загроможено деталями и общая картина не создается» (несколько ранее автор статьи отмечал, что «произведения Толстого не лишены единства»). «Реализм его видения, — продолжал Шерве, — вредит реальности литературного воплощения». «Но то, что кажется помощью, когда речь идет об отдельном характере, — добавлял, впрочем, Шерве, — оказывает писателю огромную услугу, когда он рисует массы, толпу, народ<...> Воображение Толстого — одновременно рассредоточенное и всеобъемлющее — сделало его великолепным живописцем народных масс...» Французы не имеют ничего равнозначного «Войне и миру», — отмечал Шерве. — «Никогда наши военные поражения и отторжение наших территорий не вдохновляли нас на произведение, подобное „Войне и миру“. Мы могли бы сопоставить это произведение только с „Разгромом“ <Э. Золя>, но лучше избежать этого тягостного сравнения».

Мы уже говорили выше, что падкая до скандалов желтая пресса, а вслед за ней иногда и органы печати, претендовавшие на серьезность и беспристрастие, фиксировали внимание на семейной драме Толстого, стараясь придать всей истории его ухода характер «скандала в благородном семействе».

Г. Обре напечатал 21 ноября в газете «Libre Parole» статью «Ложный пророк», в которой с преувеличенным усердием старался предохранить «честных французов» от «идолопоклонства перед Толстым», этим «ложным пророком», память которого окутывают со всех сторон «золотистым облаком ладана». Не оспаривая гениальности Толстого как писателя, Обре заявлял, что проповедь Толстого была исполнена фальши, а поведение его в жизни отличалось крайней непоследовательностью.

Известный журналист и искусствовед К. Моклер в темпераментной статье «Замолчите!», напечатанной в тулузской «Dérêche» 28 ноября, резко осудил не только пошлые высказывания бульварной печати по поводу смерти Толстого, но почти всю французскую прессу, откликнувшуюся на это событие:

«...Мы присутствуем при печальном зрелище, которое возобновляется каждый раз, когда умирает человек огромного масштаба. С болью в сердце, с неимоверной скорбью и с некоторым отвращением видим мы, как шестьдесят лет гениальной творческой деятельности и веры подвергаются суду — да, суду — тех ничтожнейших существ, которые не оставят после себя ровным счетом ничего. Эти рыщущие по следу ищейки подготавливают свои „репортажи“ и поджидают роковой депеши. Нам довелось даже стать очевидцами неслыханного скандала: увидеть мерзкую досаду людей, поторопившихся уже утром тиснуть состряпанные ими некрологи, а несколько часов спустя узнавших, что величественный старец, богоподобный пилигрим, которого болезнь свалила в пути на крохотной, жалкой железнодорожной станции, еще упорно держится за жизнь. Он не считался с злободневной хроникой, — писатель, драматург, создавший „Власть тьмы“, испортил им драматический эффект, и, похныкав утром, к вечеру они стали браниться. Затем, когда смерть, наконец, все же явилась, чтобы вознаградить их за ущерб, нанесенный престижу газетной хроники, они вновь снизошли до благосклонности и еще ожидают благодарности за то, что удостоили Толстого „хорошей прессой“. Конечно, эти бульварные судьи, эти философы из отдела хроники мудро подметили, что мистицизм апостола не

совпадал с требованиями здравого смысла, хорошего тона, моды и повредил славе его романов. Но подведя итоги и разграничив сильные и слабые стороны Толстого, они все же позволили ему пребывать в положении знаменитости...

Рассматривая все, что в последнее время было написано, исключая в известной мере провинциальную прессу, проявившую и на этот раз особое чувство достоинства, умения себя держать и такта¹³, по сравнению с бульварным журнализмом, который обладает — увы! — столь поразительным остроумием, — мы с изумлением констатируем, что ни один из подписавших свое имя под статьями, по-видимому, не постеснялся выразить в нескольких торопливых строках свое мнение о столь великом покойнике, никто не почувствовал, что один лишь факт согласия трактовать подобный сюжет в отделе хроники представлял собой оскорбление разуму. Надо быть Горьким, чтобы почувствовать это¹⁴. Свершившееся событие должно было быть ознаменовано полным молчанием или только биографическими статьями и цитатами из трудов Толстого. Никаких критических комментариев, и в особенности комментариев нравственных, — поскольку речь идет о таком человеке, как Толстой, который к концу своей жизни возвысился до роли истинного пророка. Неужто маниакальная жажда информации, свирепая погоня за сенсацией, разъедающая нашу эпоху, вытеснит даже уважение к разверстой могиле?! Эти пигмеи — любители „фактиков“ — извлекают из могил несчастные останки великих покойников и шарят в их савах, надеясь отыскать что-нибудь неизвестное, курьезное, любопытное (это они называют разъяснением генезиса произведений методом научной психологии), либо же пристают к великому человеку на смертном его одре, когда он готовится покинуть этот мир, и с помощью телеграфа швыряют на потребу толпе фотографии и репортажи с приложением собственного „особого мнения“. Это отвратительно, смехотворно и бесконечно грустно. Наступило время, когда великие люди должны пугливо прятаться, чтобы иметь возможность спокойно умереть.

Толстой тоже жаждал этого, но силы изменили ему. На глазах всего мира разыгралась трагедия, более ужасающая и величественная, чем в „Короле Лире“, и вместо того чтобы целыми сутками обсуждать бесконечно глубокие причины, сделавшие этого гениального писателя евангелистом; вместо того чтобы разъяснять, отчего „Анна Каренина“ является высочайшей вершиной мирового романа, — было бы куда уместнее попросту предложить всему цивилизованному человечеству поразмыслить над величественной драмой Исхода. Более патетической драмы не найти ни у Эсхила, ни у Шекспира, ни у Гете. Это последний эпизод Страстей господних, и жалкая, маленькая станция Астапово, ставшая отныне бессмертной, — это последний этап его крестного пути<...>

В этой необычайной, слишком возвышенной для нашего времени драме было все, вплоть до мрачного тупоумия Святейшего синода, который, отлучив этого еретика от церкви, произвел его в святые точно так же, как анафема фарисеев сделала пророка Иисуса богом. Мы являемся свидетелями такого союза скорби и красоты, такого сверкающего и грозного духовного конфликта, которые, быть может, более поучительны и наводят на более глубокие размышления, чем вся литературная и апостольская деятельность яснополянского отшельника<...>

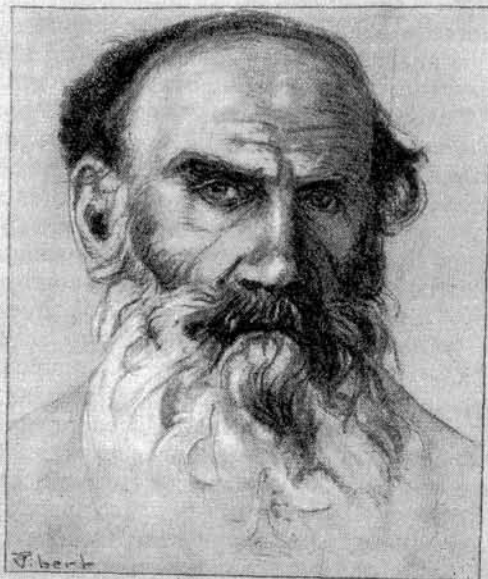
Но что нам за дело до статей, до интервью здравомыслящих академиков и высказываний литераторов, до анекдотов, подобранных бесстыжей хроникой, до жалких, смехотворных репортерских заметок? Нет более на свете великана, которого его старший сотоварищ Микеланджело поместил бы на плафоне Сикстинской капеллы среди своих пророков и сивилл; нет уже человека, которого его старший брат Бетховен проводил бы в могилу звуками похоронного марша Героической симфонии. Но его уход и

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА
ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ
ТОЛСТОГО В СОРБОННЕ

12 МАРТА 1911 г.

Лицевая сторона. Рисунок художника
Пьера Вибера

Музей Толстого, Москва

Glorification de Tolstoï

A LA SORBONNE

Le 12 Mars 1911

смерть завещают нам неустанные размышления о смысле жизни — они являют собой трагедию, превосходящую по силе все, что было им создано, истинное чудо, надрывающее душу и неповторимое. Вот о чем следовало бы нам поразмыслить. А затем — молчание, молчание Максима Горького, горестное молчание перед великим событием, символическим и таинственным, склоненные головы и молчание — ничего, кроме молчания».

Профессор Сорбонны Г. Сеайль писал в парижской газете «*Courrier Européen*» 25 ноября:

«...Толстой многократно доверял „*Courrier Européen*“ публикацию некоторых своих манифестов <...> Как смерть Бьернсона, его смерть является для нас глубочайшим горем. Вместе с ним навсегда умолк великий голос, который звучал во всеобщем молчании, слышимый повсюду, и выступал против всех форм насилия и несправедливости.

В Толстом мы теряем одного из тех людей, которые придают смысл слову *человечество*. Являясь голосом своего народа, выражая его самые глубокие стремления, он говорил всеобщим языком ума и сердца, привлек к себе внимание других народов, он заставил их сосредоточиться, лучше узнать самих себя, понять, что существуют чувства, гораздо более глубокие, чем различие во взглядах, и проблемы, встающие в сознании всех людей. Вот почему в самодержавной России могли запрещать его сочинения, даже уничтожать их, но не могли заставить его замолчать, а тем более — бросить его в тюрьму, сослать его в Сибирь. Он жил свободным на поработенной

земле. Толстой в России находился под охраной всего человечества, того великого общества, которое уже существует, раз оно может предписывать царю оказание всех необходимых атрибутов уважения старцу, избранному обществом в качестве своего вождя и представителя<...>

Толстой не менее велик своей искренностью, чистосердечием, благородством. Его нравственность сыграла свою роль в его славе. Герои его великих романов занимались поисками правды, которая, как он считал позднее, была им найдена<...> К своему отказу подчиниться царящему злу его учение присоединяет новую веру и подымает выше всего то, что не может быть ничем заменено, — справедливость и любовь, которые представляют собою подлинный смысл и воплощение человеческого прогресса¹⁵.

Автор анонимного некролога в парижской газете «Siècle» от 24 ноября заявил:

«Все события литературной современности стушевываются перед величайшим несчастьем, которое поразило сейчас русский народ и вместе с ним все человечество. Исчезновение величайшего гения славянского племени было встречено повсюду с глубокой скорбью, которая не утихает не только на родине знаменитого писателя, но и во всем мире. Долго еще страдающие и раненные судьбою души будут чувствовать эту безвозвратную утрату, долго еще творчество Толстого, ставшее бессмертным при его жизни, будет осознаваться как неистощимый источник, вечно благотворный и чистый, в котором скорби, тревоги и стремления людские будут искать утешения и забвения, как нигде в другом месте<...> Автор „Войны и мира“ был величайшим писателем своего времени и своей родины, ибо он обладал всеми важнейшими достоинствами, характеризующими литературный талант, и он обладал ими в полной мере и в такой степени, что, возможно, в истории всей мировой литературы не найти равного явления<...>

Да, действительно, Толстой создал несравненные произведения, соединив в себе все дарования, всю привлекательность, все обаяние литературного мастерства».

25 ноября в очередном фельетоне «Парижская жизнь» («Temps») Ж. Клар-ти воссоздал характерные сценки, свидетельствовавшие о сильно возросшем интересе парижан к Толстому:

«Все продавцы распространенных изданий, уличные газетчики, привлеченные ради экстренного случая к продаже книг Толстого, рекламировали их так, будто дело шло о вульгарных бульварных „приманках“, а не о произведениях гениального человека, выпущенных дешевыми изданиями и продаваемых со скидкой в связи с чрезвычайным событием.

— Покупайте „Наполеона и Александра“ графа Толстого!

— Продается „Анна Каренина“, пятьдесят сантимов. Десять су.

Эти неожиданные возгласы разносились по бульвару и среди шумной сумятицы толпы, гула автомобилей, толчеи пешеходов производили весьма странное впечатление. Имя Толстого, этого великого человека, властителя умов, слетающее с уст, привыкших напевать модную песенку парижского предместья, выкрикивать сообщения об очередном преступлении, поведении доктора Криппена или охоте на капитана Мейнье, — это бессмертное имя, произносимое на разные лады: „Лев Толстуа“ или „граф Толстой“ — вызывало удивление прохожих, но также и следующие восклицания:

— Вот что значит слава!

День за днем сочинения этого писателя проникали из книжных магазинов на улицу, и ручные тележки, груженные подержанными книжками, следовали за бродячими глашатаями, повторявшими свои призывы:

— Требуйте „Войну и мир“. Полное издание, десять су за том.

Вот каким образом парижские бульвары отметили память одного из бессмертных: последнего из пророков, как называли его<...>

Значит, понадобилась смерть, чтобы эти романы, истинные шедевры, получили такую широкую популярность? Каким великолепным „глаша-таем“, каким отличным рекламным агентом оказывается смерть!..»

«...Так гармонически завершилась эта беспокойная жизнь достойной кончиной — кончиной символичной и красноречивой» («Illustration»).

Романистка Жерар д'Увиль (жена Анри де Ренье) поместила в «Figaro» фельетон «Под снегом», в котором писала в связи с уходом Толстого — «этой почти фантастической личности», великого создателя галереи женских образов:

«Он напоминал тех садовников, чьи шершавые руки столь умело ухаживают за нежными венчиками цветов, знают наперечет лепестки всех на свете роз и выращивают новые цветы. Пожалуй, ни в одном из современных романов не встречается более реальных и живых героинь, чем у Толстого».

Значительная часть парижского журнала «Annales Politiques et Littéraires» от 27 ноября была посвящена памяти Толстого. В журнале помещено, помимо отрывков из сочинений покойного писателя под общим названием «Прекраснейшие страницы Толстого», несколько статей видных деятелей французской и бельгийской литератур.

Академик Э. Фаге в статье «Человек и его творчество», называя Толстого «одним из десяти или двенадцати величайших имен европейской литературы XIX века», со смешной самоуверенностью заявил, что потомство поставит Толстого «немножко ниже Гете, В. Гюго, Ламартина, Байрона, Теннисона, Диккенса, Бальзака — рядом с Шиллером, Жорж Санд, Мюссе, Виньи и Теккереем». Определив с такой точностью и убедительностью ранг покойного писателя, он добавил, впрочем, что Толстой останется «одним из величайших светочей художественного и мыслящего человечества».

Далее почтенный академик сделал краткий обзор творческого наследия Толстого и дал характеристику его основных художественных произведений: «Детства», «Отрочества» и «Юности» («чрезвычайно любопытная смесь ребячества, глубоко волнующих размышлений, формирующихся чувств и зарождающихся идей, которым суждено было стать великими идеями»), «Войны и мира» (историческая книга, эпическая поэма, буколическая поэма, психологическая поэма, один из величайших памятников, воздвигнутых человечеством) и «Анны Карениной» («трагедии», в которой Фаге находил исключительное сходство с «Госпожой Бовари»).

Оценка философского и морально-этического учения Толстого, сделанная Фаге, не отличалась глубиной. Отметим, однако, следующее любопытное место в его статье: «Философские и социологические теории Толстого достигли Парижа почти одновременно с его романами (всего года на два, на три позже) „Война и мир“ и „Анна Каренина“, имевшими здесь громкий, потрясающий успех, и как раз тогда, когда замечательные критические работы господ де Вогюэ и Эрнеста Дюбуа осветили несравненно ярким светом имя Толстого. „Благодаря сказке проскользнуло и нравоучение“, и Толстой-художник явился чудеснейшим предисловием к Толстому-социологу. Увлечение Толстым было настолько велико, что по праву может быть сравнено с увлечением Руссо в XVIII веке, когда вслед за „Новой Элоизой“ последовал „Эмил“. Возникло бесчисленное множество толстовцев и толстовок. Быть русским анархистом считалось для парижанина самым лучшим тоном».

«С этим человеком-гигантом будут спорить как с философом и даже как с моралистом, — заключает Фаге, — но никто не станет отрицать, что это великая душа и великий художник. Он обладал тем особым, двойным воображением, которое давало ему возможность и показывать повседневную жизнь каждого из своих персонажей в отдельности, и воссоздавать жизнь огромных человеческих масс, так что перед нашими глазами проходит многоликий образ народа, наделенного душой, сияние которой видно и нам<...>

Вот почему мы можем сказать, что от нас ушел один из величайших представителей рода человеческого, угас один из величайших маяков на нашей планете.

Вслед за высказыванием Фаге в журнале перепечатана интересная статья академика *Ж. Леметра*, посвященная «Воскресению».

«Это откровенно революционная книга,— замечает Леметр.— Многие ее страницы внушают нам, что современное общество отвратительно, что оно покоится на нелепых и даже преступных условностях, что оно насквозь пропитано несправедливостью и лицемерием<...> Эта книга революционна, как Евангелие». «Мне приходит в голову одно сравнение, на котором я не намерен слишком настаивать,— продолжает критик.— Разумеется, между Францией XVII века и современной Россией, между гением Расина и гением Толстого существует такое же различие, как между суровым, бородатым лицом второго и изящной, обрамленной париком физиономией первого. И однако... Расин, раскаявшийся в том, что писал слишком мирские произведения, умолк на двенадцать лет, а затем написал „Гофолию“ не из тщеславия, а из одной любви к господу и таким образом создал свой самый поразительный шедевр. Толстой, написавший две самые замечательные книги нашего века, устыдился своей славы, бежал от нее, погрузился на целых пятнадцать лет в Евангелие,— и дал нам „Воскресение“, где нет ни суетного желания нравиться, ни любования тем искусством, в котором он так силен,— а только изумительная его душа и несокрушимый гений, и эта книга, благодаря добровольному самоотречению Толстого, является самой трепетной, самой трагической из всех его книг и в то же время преисполнена наибольшего милосердия».

Из следующей далее статьи *М. Барреса* «Толстой и война», представляющей собой анализ высказываний Толстого о войне и патриотизме, приведем следующие, не лишённые остроумия строки: «Толстой ненавидит войну, но свою ненависть он выражает с воинственным пылом...»

Далее в «*Annales Politiques et Littéraires*» напечатана статья *А. Франса* 1908 г.¹⁶ «В честь Толстого», и, наконец, следующая заметка *М. Метерлинка*:

«Толстой — величайший художник современной цивилизации. На мой взгляд, ничье нравственное влияние не было более действенным и глубоким. А под нравственным влиянием следует понимать не столько явное воздействие на нравы, чувства и мысли людей, сколько не совсем еще разгаданную силу, которая простирается гораздо далее, чем мысль, проникает непосредственно в таинственную сердцевину каждой жизни и вводит в сферу ума и чувств человека — области, где она еще не осознана, но уже чрезвычайно активна, — новое начало, не поддающееся никакому анализу, но мало-помалу изменяющее химическую формулу того воздуха, которым нашей мысли или, вернее, мистической праматери всех наших мыслей, суждено дышать завтра. Некоторые художники обладают этим даром, тогда как у других, пусть в ином отношении и великих, этого дара нет и в помине,— пример тому Золя, никогда не имевший того влияния, о котором я говорю. Влияние же Толстого, поначалу довольно неопределенное, затем проникнутое милосердием и гуманностью, но ограниченное каким-то наивным и болезненным христианством, день ото дня как бы очищалось от всего наносного и в последних своих проявлениях чудесным образом сливается с самыми высокими идеалами, какие только могут зародиться в быстротечных мыслях людей нашего времени»¹⁷.

Н. Сегюр поместил обширный некролог в журнале «*Revue*» (бывшем «*Revue des Revues*») от 1 декабря, в котором писал:

«Лев Толстой принадлежит к числу избранников, которые предназначены судьбой к тому, чтобы воплотить в себе весь свой народ и разбудить умы и страсти целой эпохи<...> Мощью и звучанием своего слова, подобного ярчайшему подвигу, Толстой сделал,— конечно не в смысле

GLORIFICATION DE TOLSTOÏ

DANS LE GRAND AMPHITHÉÂTRE DE LA SORBONNE

LE 12 MARS 1911, A 2 HEURES DE L'APRÈS-MIDI

PRÉSIDENTS :

ANATOLE FRANCE et FRÉDÉRIC PASSY.

COMITÉ D'HONNEUR :

Paul ADAM, Eugène BRIEUX, Adolphe BRISSON, E. BROUT, correspondant parisien du *Russkole-Stero*, Jules CLARETIE, Georges CLEMENCEAU, d'ESTOURNELLES de CONSTANT, Jean FINOT, Paul HERVIEU, Camille LEMONNIER, Hyacinthe LOYSON, M. et Mme MAETERLINCK, Paul MARGUERITTE, Mme MENARD-DORIAN, Docteur METCHNIKOFF, Octave MIRBEAU, Max NORDAU, Paul PAINLEVÉ, député du quartier des Ecoles, Dr Charles RICHTER, Mme SEVERINE, Émile VERHAEREN.

PROGRAMME

1. Chœur russe.
2. Discours d'ANATOLE FRANCE.
3. « Tolstoï », par Romain Rolland et André Suarès, dit par M. ALEXANDRE, de la Comédie Française.
4. Mélodies russes de Rachmaninow, Gretchaninow, Moussorgski, chantées par Mme ALVI.
5. Discours de FRÉDÉRIC PASSY.
6. Trois mélodies de Bach, Daquin, Scarlatti, interprétées par M. CASSELL qui les joua devant Tolstoï, à Iasnaïa-Poliana, et les lui fit aimer.
7. « Résurrection » (de Tolstoï) par Mlle MARIE KALFF.
8. Mélodies russes de Glazounow, Moussorgski, Rachmaninow, chantées par M. CHATELAIN.
9. Mélodies populaires, par l'Orchestre de Balalaïkas, sous la direction de M. NACONOW.
10. « A la Gloire de Tolstoï », par Paul Hyacinthe Loyson, dit par Mme LOUISE SILVAIN, de la Comédie Française.
11. Chœur russe.

SOUS LA FÊTE DE PUY DE CHAVANNES, BUSTE DE TOLSTOÏ, PAR ARONKON.

Piano de la Maison Pleyel

Les portes seront ouvertes à 1 h. 1/2 et closes à 2 heures précises.

Invitation pour deux personnes

De la part du Journal *Les Droits de l'Homme*

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ ТОЛСТОГО
В СОРБОННЕ 12 МАРТА 1911 г.

Разворот

Музей Толстого, Москва

величия, а для известности России и ее престижа, — столько же, сколько Петр Великий. В течение тридцати лет взоры всей Европы были прикованы к этому перу, словно то был меч завоевателя<...>

Уходя, Толстой делает нас ниже на целую голову, ибо вместе с ним исчезает великая сила веры и страдания».

В журнале «Revue Politique et Littéraire» («Revue Bleue») от 3 декабря появилась статья Л. Мори «Лев Толстой»:

«Современный мир обладал гениальным человеком и теперь лишился его. Это был подлинный гений, выдерживающий сравнение с самыми могучими, самыми революционными гениями из тех, что прославили искусство и литературу минувших веков<...> Даже один из его романов мог бы навсегда прославить любого писателя. Никто не может остаться равнодушным к этому исполинскому творчеству: где, в каких кругах, среди каких общественных слоев цивилизованного мира сыщете вы мужчин, женщин, юношей, которые не хранили бы в памяти „Войну и мир“ или „Анну Каренину“ и множества других прославленных произведений? Образованные и необразованные, простодушные и изощренные — все одинаково поддаются под действие этих чар. И пусть это можно объяснить различными причинами в зависимости от степени культуры читателя, чудо не перестает быть чудом; чудо уже то, что эти толпы русских людей начала и середины XIX столетия вызывают к себе столь страстный интерес в самых разных странах. Какой-то барин, какой-то солдат Кутузова либо крестьянин из далекой и неизвестной мне страны волнуют меня бесконечно больше, чем герой романа, являющийся моим современником и соотечественником; их радости, их горе находят отклик в моей душе; и то же самое утверждали бы

немец, англичанин, южноамериканец; волшебная, неотразимая сила жизни! Колдовство, источаемое этим нежным и глубоким пламенем, чье ласковое или обжигающее прикосновение мы неустанно стремимся ощутить!.. Да, Толстой был гением... Всеобщее и единодушное восхищение, которое он возбуждал, унижает наших искателей квинтэссенции; писать для узкого круга посвященных — дело недостойное; писать для всего человечества — подвиг, вызывающий восхищение; для этого нужно обладать гением; у жрецов наших современных литературных часовен — нет гения, и сердиться на них за это было бы ребячеством: скрытый смысл их доктрин и их искусства, доступный лишь посвященным, свидетельствует об утрате более благородных и высоких устремлений. Гений менее педантичен, менее придиричив, менее претенциозен. Как же прекрасна царственная широта великого творца! Сколько очарования в битве, которую он ведет с рутиной чувств и банальностью мысли своих современников! Искусство Толстого задевает нас за живое; его мысль поражает, дразнит, оскорбляет нас; он ранит наше тщеславие; он высмеивает то, что мы любим и чем восхищаемся. И как он умеет унижать, низвергать, покрывать стыдом и позором предмет нашей гордости. Наш интеллектуализм, наша мораль, утонченность нашего искусства и мысли — все, что нам дорого, дороже жизни, — вызывает у этого вдумчивого наблюдателя яростный гнев. В ответ мы восстаем, протестуем, объявляем его безумцем. Тогда как он — грозный обличитель, которого не обезоружить словами гнева или досады...

Среди нас, в нашей международной литературной республике, был гений; отыщется ли подобный? Место вакантно: занять академическое кресло куда легче<...>

Поразительно, что Поль Бурже может говорить о „трагическом интеллектуальном крахе“, что другие сравнивают конец Толстого с банкротством, что большинство наших светских теологов спелось и надрывается в едином хоре, как деревенские попы: столь яркий огонь страшит их; они боятся бурного кипения жизни, ибо жизнь не признает рамок дисциплины, а они люди дисциплины, тепленькой жизни и правоверные консерваторы.

То, что ужасает их в Толстом, привлекает нас — позаимствуем же у него закуску мысли: ведь он революционер...»

Во второй декабрьской книжке «толстого» журнала «Revue des Deux Mondes» был напечатан некролог, принадлежавший перу А. Леруа-Болье, виднейшего знатока России, автора известного исследования «Empire des Tsars et les Russes» («Империя царей и русские»), в котором немалое место уделено было Толстому и его учению.

«В течение нескольких дней, — отмечал он, — взгляды всего мира были прикованы к той станции на русской земле<...>, где автор „Войны и мира“ внезапно завершил свое долгое, 83-летнее странствие». «Лев Толстой был самым великим писателем нашего времени, или, по крайней мере, самым знаменитым. Ни одно русское имя и, возможно, ни одно писательское имя никогда еще не взлетало на крыльях славы столь высоко над землей; и никто, в частности, не проник так глубоко в народные массы. От одного до другого края Европы, для всех, кто льстит себя мыслью, что принадлежит к числу людей знающих и размышляющих, для всех „сознательных тружеников“ он являлся чем-то вроде сверхчеловека, чем-то вроде горячо почитаемого идола, к которому постоянно возносились народная хвала, — возносились, несмотря на присущее массам непочтительное недоверие к героям и божествам, которым они поклоняются.

Этой всеобщей славой, признаться, Толстой не целиком обязан был своему таланту или своему гению. Слава, или по крайней мере популярность, в наши демократические времена, даже если они не ошиб-

лись адресом, не всегда приходят к человеку, — глава которого окружена нимбом, — именно за то, что всего более достойно восторга. Подлинная гениальность, подлинное величие Толстого — то, что обещает ему бессмертие, то, за что его соотечественники имеют право называть его самым великим из русских, — воплотились в романисте, авторе множества обширных и небольших по размеру произведений, в которых сконцентрирован целый мир персонажей, столь же живых, как реальные люди. И что же! Восхищение масс вызывают не они, не им даже на родине Толстого возносила хвалы толпа, в некоем апофеозе сопровождавшая его бранные останки на заросший лесом холм в Ясной Поляне. Среди тысяч восторженных людей, поклонявшихся его гробу и шумно скорбевших о нем, многие ни разу не открывали его шедевров и даже не знают имен князя Андрея и Пьера Безухова, Левина и Нехлюдова, Наташи и Анны Карениной, сыновей и дочерей его воображения, в которых вдохнул жизнь его бессмертный гений.

Громадную, всеобщую славу Толстому создал Толстой-мечтатель, теоретик, отважный реформатор, который давно уже выступил на первое место и постепенно убил в нем могучего романиста прошлых времен. Это пророк нового времени, апостол будущего града господня, возвещавший народам о близящемся обновлении земли и конце всех людских бедствий в евангельском раю мира и любви.

Вот какой Толстой вызывал глубокое преклонение и был предметом культа у современных народных масс. И в чем же сущность этой славы, каков парадокс, навевавший грусть на самого яснополянского старца-пророка? Он часто вызывал тем большее восхищение, чем меньше его читали и понимали. Толстой чувствовал это, и это огорчало его (<...>)

Нам, французам, привыкшим к более трезвому и упорядоченному искусству, кажется, что этот писатель как бы слишком многого требует от нашей памяти и внимания. Однако каждый из его бесчисленных персонажей имеет свое собственное лицо, свой собственный голос, свои собственные жесты; все — большие и малые — проходят перед нами, отчетливо изваянные, как люди из плоти и крови, резко отличаясь один от другого. Это искусство в высшей степени объективно, и Толстой является создателем живых существ, подобно Шекспиру и Бальзаку...»

Значительное место в статье Леруа-Болье занимают его воспоминания о посещении Ясной Поляны 9 мая 1905 г.

Журнал «Revue de Paris» откликнулся на смерть Толстого только в начале 1911 г. — большой статьей Р. Роллана «Толстой», печатавшейся с февраля по апрель того же года и впоследствии вошедшей в состав его замечательной книги «Жизнь великих людей».

Обозреватель журнала «Mercure de France» в номере от 1 января 1911 г. отметил, между прочим, что «молодые», т. е., по-видимому, «декадентские», французские журналы обошли полным молчанием уход и смерть Толстого. «Это, вероятно, свидетельствует о том, — замечал автор, — что нынешние молодые литераторы — т. е. те, которым еще нет и тридцати лет, — знают творения великого писателя только понаслышке».

В конце 1910 и в начале 1911 г. в столице Франции и в провинциальных городах был прочтен ряд докладов о Толстом. Отметим из них, помимо доклада Ж. Жореса, публикующегося в настоящем томе, доклады В. Моно в парижском Лувре (см. «Droits de l'Homme» от 18 и 22 декабря 1910 г.) и Э. Эррио в лионском Palais de Glace 19 февраля 1911 г. (см. «Progrès de Lyon», 20.II.1911).

* * *

3 декабря 1910 г. в Париже, в большом зале Sociétés Savantes было проведено франко-русское чествование памяти Толстого. На эстраде стоял украшенный лаврами бюст писателя работы Н. Л. Аронсона.

От Лиги прав человека выступили президент Лиги *Ф. Прессансе* и публицист *П. Киллар*.

«Речь Прессансе вызвала огромный интерес, — писал корреспондент «Русского слова». — Оратор отметил, что умер гений, от которого человечество получило в наследие сокровища. Веками будут черпать из этого океана и не вычерпают его. Толстой поставил мировые проблемы.

Пьер Киллар сказал:

„Своей моральной мощью Толстой добился свободы слова даже в России. Юношей Толстой закопал в Ясной Поляне ветку <т. е. „зеленую палочку“>. Эта ветка сделается священным деревом всего мира“.

Следующий оратор, *Ю. Лагардель*, теоретик синдикализма, сказал:

„Смерть Толстого совершила чудо: пали ничтожные перегородки, умолкли мелочные споры, которые шли при его жизни. Великан не мог вместиться в рамках наших партийных программ и догм. Какими они кажутся хрупкими в сравнении с колоссальным наследием, оставленным Толстым! Лучший венок на его могилу возложила молодежь, сознавшая, что ее хула на учителя была несправедлива“ <...>

Собрание разошлось под звуки „вечной памяти“¹⁸.

7 декабря в Париже состоялось многочисленное собрание представителей французской печати и почитателей Толстого для выработки программы чествования его памяти. «Чествованию решено придать международный характер путем привлечения выдающихся представителей мысли и литературы, — писал русский корреспондент. — Чествование будет происходить в Сорбонне. Избран организационный комитет, которому поручено подготовка чествования. В состав комитета вошли: председателем — корреспондент „Русского слова“ *Е. Белов*, вице-председателями — редактор журнала „Revue“ *Жан Фио* и скульптор *Паоло Трубецкой*. Комитет уже заручился содействием *Анатolia Франса*, *Жана Ришпена*, *Поля Маргерита*, *Фредерика Пасси*, *Октава Мирбо*, *Анри Батайля*, *Жюля* и *Антуана Кларти*, директора театра „Одеон“ и многих других»¹⁹.

Это торжественное собрание в память Толстого состоялось в Сорбонне 11 марта 1911 г. (оно несколько раз откладывалось в связи с болезнью *А. Франса*). В состав президиума вошли *П. Г. Луазон*, *П. Адан*, *Э. Брие*, *П. Эрвье*, *П. Маргерит*, *Ж. Кларти*, *О. Мирбо*, *М. Метерлинк*, *Э. Верхарн*, *М. Нордау*, *И. И. Мечников*, *Ж. Клемансо*, г-жа *Менар-Дориан* и др. На собрании присутствовал весь цвет французской интеллигенции — на эстраде среди почетных гостей сидели министр иностранных дел Франции — *Ж. Крюппи*, *Э. Верхарн* и др. В зале находилось свыше четырех тысяч человек. Огромная толпа стояла у входа, не имея возможности попасть в зал. Дочь Толстого, *Т. Л. Сухотина*, специально прибыла к этому дню в Париж из Рима.

После речи *А. Франса*, вызвавшей бурную овацию (см. ее текст в кн. 1-й наст. тома), *П. Г. Луазон* прочел два высказывания о Толстом — *А. Сюареса* и *Р. Роллана*.

Встреченный бурными аплодисментами и приветственными возгласами, *Ф. Пасси* сказал:

«После выступления такого мастера, как мой ученый собрат *Анатоль Франс*, было бы крайне неосторожно появляться перед вами с литературно-критическими высказываниями. Не буду пытаться поэтому говорить вам, в свой черед, о Толстом как писателе и ограничусь тем, что без всяких комментариев выражу свое глубокое к нему благоговение. Однако, как ни был велик талант Толстого, здесь восхваляли не столько его талант, сколько характер. Характер Толстого был в сотни раз выше его таланта, который являлся лишь отражением его характера; итак, не писателя, а человека восхваляем мы с таким единодушием».

Оратор подверг критике учение Толстого и предлагавшиеся им средства для искоренения социальных зол. «Все мы, однако, относимся (и не можем

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ „ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЬ.“

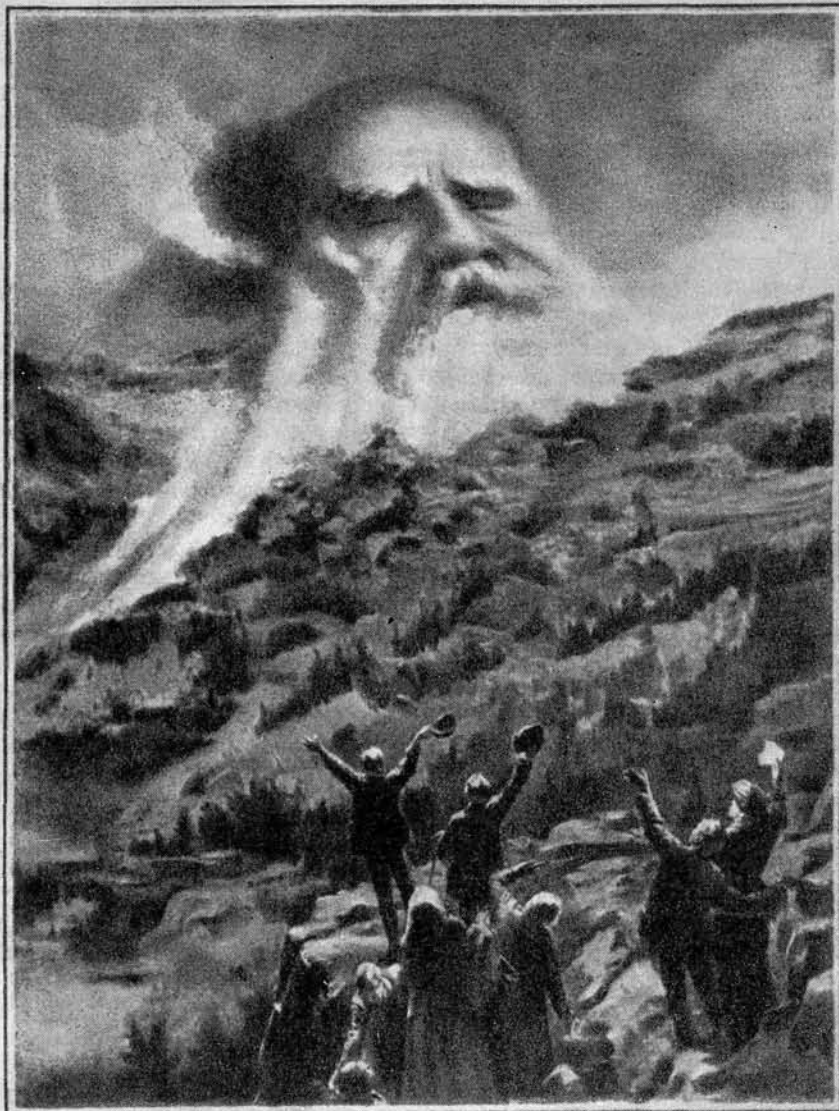
№ 47-й

„НАШЕ ВРЕМЯ“

18 ноября
1910 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВСЕЪ МІРЪ ПРОЩАЕТСЯ СЪ ВЕЛИКИМЪ СТАРЦЕМЪ.

АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

Великанъ поэзіи, великанъ философіи, великанъ христіанскаго излюбія—Левъ Толстой и послѣ смерти нѣтъ гигантъ мысли властвуетъ надъ умами и сердцами сѣхъ культурныхъ людей.

«ВСЕЪ МІРЪ ПРОЩАЕТСЯ СЪ ВЕЛИКИМЪ СТАРЦЕМЪ»

Аллегорическая картина неизвестного художника

«Наше время» от 18 ноября 1910 г.

не относиться) с одинаковым уважением, — замечал при этом Пасси, — к чистоте его намерений и к благородству чувств».

«Слава Толстому! — закончил оратор. — И постараемся же, после того как мы почтили его память, сохранить в себе хотя бы искорки того благородного пламени, которое сожгло его дотла».

Писательница *Северин* (псевдоним Каролины *Реми-Гебар*) произнесла затем речь, вызвавшую шумное одобрение зала.

«Я устремляюсь к тебе, Толстой, — сказала она, — потому, что ты пришел к народу, потому что, принадлежа по рождению к свободному, счастливому и почти стоящему на ступенях трона сословию, ты склонил свое чело к горестям и страданиям народным<...> Толстой поистине был отцом, отцом бедняков, отцом людей, впадших в отчаяние, и даже тех несчастных женщин, которые занимаются позорным ремеслом и которым он открыл двери к воскресению<...> Со времен Екатерины Великой, покровительницы литературы, свет к нам стал проникать с Севера, ныне же из недр русского народа дошло до нас новое сияние...»

Писательница заключила свое выступление следующими словами, обращенными к русской революционной молодежи, присутствовавшей в зале:

«Продолжайте же бороться, молодые люди, пришельцы издалека, займуйтесь у нас побольше знаний и братских чувств! Напишите оставшимся в России, что сердце наше целиком с теми, кто согбен под тяжким бременем, — да, вся мыслящая Франция с вами и с ними, под эгидой великого Толстого!»²⁰

Затем артистка «Comédie Française» Луиза Сильвен прочла гимн *П. Г. Луазона* «Во славу Толстого», из которого мы приведем здесь лишь одну небольшую цитату:

«Толпа! Прежде чем возвратиться в свои жилища, приветствуй вместе со мною старца-апостола... Жнец завершил свой день, настало время пересчитать снопы... И праведник склоняется к мирной кончине, подобно торжествующему солнцу, заходящему за горизонт...»

Затем по знаку, данному Северин, хористы стали усыпать цветами бюст Толстого, а одна из молодых русских женщин надела на него символический венок из колосьев²¹.

Глава IV

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ. — АВСТРО-ВЕНГРИЯ, АНГЛИЯ, ГЕРМАНИЯ, ГОЛЛАНДИЯ, ДАНИЯ, НОРВЕГИЯ И ШВЕЦИЯ

Редакции венских газет узнали о смерти Толстого 20 ноября от корреспондента «Русского слова». Во второй половине дня газета «Zeit» выпустила экстренный номер, посвященный кончине писателя.

«Хотя весть эта не была совершенно неожиданной, она произвела огромное впечатление. Повсюду обсуждают эту утрату», — читаем мы в сообщении из Вены¹.

На следующий день все газеты были полны материалов о Толстом. «Передовые, фельетоны, биографии — всё о нем. Спрос на его произведения огромный. С лихорадочным интересом ждут известий о том, каковы будут похороны Льва Николаевича», — сообщал корреспондент «Русского слова»².

«Толстой как бы родился для того, чтобы возбуждать умы, гениально раздражать нервы сильных мира сего, ужасно спорить и быть величайшим литературным агитатором после Вольтера, — отмечалось в газете «Fremdenblatt». — Из многих качеств Толстого — политика, социального реформатора, экономиста, моралиста, богослова, философа, мистика, утописта, пророка, поэта, русского — сильнейшим качеством оказалось

агитационное... Толстой служил перстом совести нашего времени. Сним уходит последний из великих старцев, путеводителей современного духа»³.

Из «Neue Freie Presse» (статья без подписи):

«Лев Толстой скончался. Стремление к бедности заставило его покинуть родной кров; подобно изнуренному странствиями бездомному бродяге, умирающему на обочине дороги, ушел из жизни этот человек-исполин, величайшая личность нашего времени. Если бы он сам описал свое последнее странствие, начавшееся в предрассветной мгле,— свое бегство в одиночество от жены и детей,— то описание это явилось бы одной из тех жемчужин, которыми он с такой щедростью одарял человечество. Да, Лев Толстой оказывал огромное влияние на людей, он потрясал их, подчинял своей неимоверной духовной силе даже тогда, когда этому противоречили прочно установившиеся понятия и вся система общественного воспитания. Современники не в состоянии бывают определить, что именно в творчестве писателя останется нетленным,— только будущее скажет, что в нем вневечней, чем металл. Мы можем лишь предположить, что „Власть тьмы“, это страшное обличение Толстым деспотической политики, принесшей с собой голод и бедствия и доведшей крестьян до скотского состояния,— мы можем лишь надеяться, что это драматическое произведение, явившееся своего рода Верховным судом, никогда не забудется и останется в истории одним из важнейших достижений культуры. „Властью тьмы“ Лев Толстой доказал, что он находится в полном расцвете своего гения — на той вершине, где сам дух предписывает себе законы, и оказывает и не перестанет оказывать творческое влияние на чувства и мысли человечества<...>

Граф Лев Толстой не только художник. Его наивысшая слава заключается в том, что искусство для него не было оговоренным садом, где художник блуждает среди олицетворений красоты, оторванный от народа, избавленный от соприкосновения со всеми заботами и горестями бедняков, со страданиями и борьбой общества. Он был самой сильной личностью в современной России — столь сильной, что никакая власть не смела его коснуться, не смела посягнуть на его свободу или ограничить ее. Но еще прежде чем русский деспотизм был побежден на поле битвы, Толстой преодолел его и оказался сильнее, чем жандармы и тюрьмы. В его распоряжении было лишь перо, но он сумел совершить для себя революцию гораздо раньше, чем буря очистила Россию. Что может быть прекрасней в жизни Толстого, чем эта власть света? Он мог делать и писать всё, что хотел. Книжки его время от времени подвергались преследованиям. Ему же самому позволялось делать всё. Неумолимое русское правительство склонялось перед славным венцом, осенявшим его главу. На него не распространялись русские законы. Воспоминания об этом самодержавии гения надолго останутся связанными с его произведениями. В этом отношении Толстой был единственной в своем роде личностью, и этот пример художника, который сам добился для себя свободы,— дар России всему человечеству.

Лев Толстой был насквозь русским человеком. То, что нам иногда кажется в нем странным и не совсем понятным,— это не что иное, как его чисто русская сущность. Он как бы сросся с родной почвой<...> Если б он не был столь русским, он не мог бы стать истинно народным писателем. Если б он был только эстетом, литератором, приверженцем идеи „искусство для искусства“, то никогда не сделался бы Львом Толстым. Ограниченности, присущей подобного рода писателям, в нем не было и следа<...>

Если бы Толстой обладал созидательными способностями человека, подобного Лютеру, Россия обрела бы свою Реформацию<...>

Панихид по Толстому служить не будут, но повсюду в народе, везде, куда проникла цивилизация, вознесется к небу благодарность за то, что оно одарило наше время Львом Толстым.

Только подобные люди, выходящие за пределы современности и вместе с тем впитавшие в себя все ее соки, могут срастить свою живую личность с сердцем народа<...>

Лев Толстой был русским гением, но в то же время, в часы высшего творческого подъема, он умел говорить со всеми народами мира<...> Толстой не ограничивал себя партийными рамками, он не был сторонником парламентской системы, не был он и либералом. Он был сильнейшим воплощением стихии свободы в России. Народ, его породивший, уже не может возвратиться к опустошающему политическому рабству. Он отвернулся от церкви, оставившей крестьянина во власти тьмы. Русский деспотизм, побежденный Толстым, теперь отстранился — тогда как сотни миллионов людей устремляют свои думы к покойнику, который черпал в их сердцах силу для своего творчества<...> Толстой был пролагателем новых путей — не только в отдельных своих высказываниях, но и во всем том, что в своей совокупности от него получила Россия, и в той свободе, которую он завоевал для себя и постоянно разделял с другими. Все пользовались щедротами его богатств, он оделял ими всех и вся. Современный мир стал намного беднее после того как смерть обрекла на вечный покой этого беглеца, нашедшего пристанище в затерянном станционном домике».

Из «Arbeiter Zeitung»:

«Не будем мелочно критиковать то, что говорил Толстой о свободе, революции, социализме, парламенте. Он не был политиком-ученым, он был поэтом-богоискателем, создавшим вечные ценности; он заставил нас проверить плоды цивилизации и культуры, подвести счеты нашей жизни»⁴.

Из «Wiener Fremdenblatt»:

«Как могучий дуб, глубоко пустивший корни, он впитал в себя все соки русской жизни и отразил все ее невзгоды. Он умер как прирожденный бунтовщик, гениальный борец и величайший литературный агитатор нашего времени»⁵.

Из «Österreichische Rundschau» (статья Г. Ганца):

«Древние легенды утверждают, что небо затемняется в ту минуту, когда у одного из великих людей на земле навеки смежаются очи <...> Человек, душа которого покинула земную оболочку, был величайшим представителем русского народа, великого среди всех народов. Его имя не позабудется, пока на земле живут люди<...> Апостол покайной проповеди, „обновитель жизни“, коммунист почти отодвинул на задний план художника Толстого и, во всяком случае, больше занимал общественное мнение, чем писатель, создавший крупные эпопеи. Потомство скоро восстановит первоначальный портрет и освободит его от наложенных красок. Политическо-этические причуды филантропа, как бы глубоко они ни срослись с его существованием, будут забыты, но создания его фантазии займут место рядом с возвышенными образами Гомера, Шекспира и Гете и навсегда останутся в пантеоне величайших гениев искусства»⁶.

Австрийский ученый Л. Шрёдер сказал корреспонденту:

«Умер величайший человек мира. Я не преувеличу, если назову Льва Николаевича русским Буддой. Он был скованным Прометеем, великим мучеником и вместе с тем дивным победителем, давшим миру свет. Несмотря на неудачи в практическом проведении своих идеалов, Толстой все же дал импульсы миру. Только филистеры могут называть его мечтателем. Таким же мечтателем был Христос. Толстой — великий представитель славянства, поднявший славянство на неизмеримую высоту. Он стоит вне нас и вне грани столетий»⁷.

Корреспондентка Толстого, известная писательница и деятельный борец за мир Берта фон Зутнер заявила сотруднику «Русского слова»:

«Мир стал сегодня беднее. Общество друзей мира и Толстой преследовали одну и ту же цель, хотя шли к ней различными путями»⁸.

Романист А. Шницлер сказал:

«Умер гений мировой загадки. Его учение впоследствии кристаллизуется и будет светочем для человечества»⁹.

«Глубокой и тяжелой будет скорбь всего мира о Толстом, — писала будапештская газета «Pester Lloyd». — Будут оплакивать человека, равного которому не было в наше время. Толстого называли часто Руссо нашего века. Некоторые черты в жизни обоих великих философов, некоторые точки на извилистом пути их земной жизни действительно указывают на сходство в мыслях и чувствах. Но какая непроходимая пропасть разделяет этих людей в моральном отношении! Им обоим свойственна та же огромная любовь к человечеству, в них обоих пороки и безнравственность вызывают страшное негодование. Однородные мысли приводят Руссо в его знаменитой „Discours sur les Arts et les Sciences“* и Толстого в его известном полемическом произведении „Что такое искусство?“ почти к одним и тем же заключениям. Но все эти параллели перестают соответствовать действительности, когда оба моралиста становятся перед необходимостью сделать последний вывод из своих учений. Тут фигура великого Жан-Жака совершенно теряется в тумане, личность же Толстого выступает перед нашими глазами ярко сияющая, высоко вздымающаяся над миллионами дюжинных существ<...> В Ясной Поляне будет похоронен величайший идеалист наших дней»¹⁰.

«Отклики во всех странах мира на кончину Толстого подтверждают, что из жизни ушел величайший гений современного человечества... — писал известный венгерский публицист А. Шенфлин в газете «Vasárnapi Ujság». — Единственная по-настоящему монументальная фигура, жившая среди нас, единственный мировой дух, в котором воплотились страдания, сомнения, тревоги всего человечества, единственный ум, в котором отражаются миллионы изменений мира в своем вечном постоянстве, — вот кем был для нас, для нашего поколения Толстой<...> Толстой — религиозный философ был лишь одной из тех многочисленных странностей, которые возникли на русской почве. И он исчез со смертью Толстого. Что же касается Толстого-писателя, — то он был одним из крупнейших представителей человеческого гения, и этот Толстой никогда не умрет. Именно этот Толстой будет влиять на развитие человеческой мысли».

«Мне думается, что везде, — на суше и на воде, — везде, где люди живут и борются против собственных страстей и против непобедимых стихий природы, на минуту должны умолкнуть все звуки, — писал в некрологе Толстого, появившемся в умеренно-оппозиционной будапештской газете «Egyetértés» С. Тимар. — Будет ли это тишиной скорби, траура, горя или выражением ужаса перед неумолимой смертью? Все равно — звуки должны умолкнуть, пусть хоть и ненадолго, ибо в здании одной из русских железнодорожных станций лежит мертвый старец, ум которого осветил минувшие столетия и осветит грядущие эпохи<...> Возможно, что даже фанатики Святейшего синода умолкнут и перестанут проклинать его. Ибо лежащий там покойник с посеревшим лицом — не кто иной, как Лев Толстой, мыслитель, писатель, великий гений мира, о котором представители Синода упоминали до сих пор, лишь проклиная его и отказывая ему в спасении на том свете. Впрочем, Лев Толстой обращал на эти проклятия столь же мало внимания, как если бы Синод курил перед ним ладан и возносил ему хвалы»¹¹.

Газеты сообщили в это время следующий любопытный факт: 24 ноября рабочие хлебных складов в Будапеште приостановили работу и устроили чествование памяти Толстого¹².

22 ноября в венском клубе социалистических депутатов парламента президент клуба Э. Пернерсторфер заявил:

* «Речи об искусствах и науках» (франц.).

«Ввиду смерти одного из величайших, может быть, значительнейших людей современной интеллектуальной жизни, долг наш — в первом заседании почтить память великого чистого гения».

Присутствовавшие почтили память Толстого вставанием¹³.

24 ноября венский корреспондент «Русского слова» сообщал:

«В сегодняшнем заседании председатель фракции парламентского большинства *Василько* предложил обсудить форму чествования Толстого. Он заявил, что если инициативы этого чествования не возьмет на себя парламентское большинство, то ее возьмет славянский союз.

Большинство председателей в принципе согласилось. Но член антисемитской фракции *Паттай* возразил:

— Что это вам взбрело на ум? Я не могу согласиться с вашим предложением по партийным соображениям.

Вспоминают, что несколько лет тому назад антисемит *Белоглазек* в заседании парламента обрушился с грубыми ругательствами на Толстого.

Сегодня на первом заседании рейхстага социалист *Глеккель* заявил:

— Наша сердечная потребность — почтить память поэта, сердце которого билось для бедных и бесправных, обличителя милитаризма и фари-сейства...»¹⁴

Корреспондент «Русских ведомостей» следующим образом изложил этот эпизод:

«Австрийский парламент имеет теперь невысокое удовольствие видеть на президентском месте одного из лидеров австрийского „черносотенства“, депутата христианско-социальной партии д-ра Паттая. И он, некогда, в унисон со своей партией, пренебрежительно отозвавшись о Толстом, остался верен духу черносотенства в вопросе о чествовании памяти Л. Н. Толстого, запретив поставить этот вопрос на очередь. Австрийские депутаты сочли, однако, невозможным покрыть свой парламент таким позором, и на частном межпартийном совещании, тут же быстро устроенном, было постановлено, что все ораторы в этот день будут начинать свою речь по стоявшему на очереди вопросу со слова о Толстом. Каждая партия, чтобы не отстать от других, поспешила записать на этот день своего оратора, благодаря чему это импровизированное чествование получило еще более импозантный характер.

Один вслед за другим поднимались со своих мест *Глеккель* и *Пернерсторфер* (социал-демократы), *Глебовицкий*, *Левицкий*, *Василько* (русины), *Трезич* (кroat), *Крамарж* (чех), *Гломбинский* (поляк), *Хиарн* (немец), *Малер* (еврей), чтобы в выражениях глубокого восторга перед почившим гением выразить свое чувство скорби о его утрате<...>

„Толстой не был социал-демократом, — заметил в своей речи *Глеккель*. — Он не принадлежал ни к какой партии. Но он говорил от имени всего страждущего человечества. И он остался одним из тех немногих избранников, память о которых устоит против течения веков, пока человечество сохранит в себе чувство понимания истинного благородного величия... В этом, объединяющем всех чувстве при мысли о Толстом мы и видим яркое значение той международной культурной общности, которая, несмотря на все противоречащее ей, все же остается сильнее того начала, которое разъединяет отдельные народности“.

И, развивая эту же мысль, *Пернерсторфер* вдохновенно восклицает: „И когда придет — а оно придет — то время, которое провидел и звал Толстой, когда объединяющее людей начало восторжествует над всеми противоречиями, — тогда во всех странах, не в одних только славянских, будут воздвигнуты храмы Толстому, храмы вечной его памяти“¹⁵.

1 декабря в венский муниципалитет было внесено предложение назвать одну из улиц столицы Австрии «улицей Толстого». Предложение было передано на рассмотрение комиссии. 29 января 1911 г. муниципалитет с глу-

«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

Гравюра неизвестного английского художника, 1908

«Manchester Guardian» от 17 ноября 1910 г.

Из полосы газеты, посвященной Толстому в связи с ложным известием о его смерти

бокомысленным видом отклонил это предложение «по заслушании отзыва дирекции императорской библиотеки, оспаривающего мировое значение Толстого»¹⁶.

Реакционный публицист, издатель берлинской газеты «Zukunft» М. Гарден прочел 1 декабря в Вене перед двухтысячной аудиторией лекцию о Толстом.

Говоря о литературном и этическом значении Толстого, Гарден подверг грубой критике частную жизнь великого писателя, что вызвало шумные протесты со стороны публики.

Называя все же «Войну и мир» «величайшим перлом столетия, невольно напоминающим Микеланджело», Гарден заявил по поводу морально-этического учения Толстого:

«Если бы толстовский идеал был осуществлен, то над Россией развернулась бы ужасная ночь, как во времена Иоанна Грозного и Павла. У нас нет ничего общего с сектантством Толстого, мы знаем только художника Толстого. Он сам не смог осуществить своего идеала и жить согласно своим идеям, как он этого требовал от других, более слабых, чем он. Не было ли такое начинание кощунством?»¹⁷

* * *

«Хотя известие о смерти Л. Н. Толстого получено здесь еще вчера, — писал лондонский корреспондент «Русского слова» 21/8 ноября, — однако ввиду невыхода в воскресенье дневных и вечерних изданий население Лондона узнало о печальном событии лишь сегодня<...> Везде известие

принималось как национальное английское горе, со всех сторон слышались выражения искреннего сожаления. Можно было воочию наблюдать, насколько действительно высоко стоит здесь популярность Толстого как учителя-философа. Сегодняшние газеты, уделяя массу места подробностям кончины Л. Н. Толстого, отсылают своих читателей к номерам газет, вышедшим в четверг, где, ввиду преждевременных известий, были напечатаны некрологи, оценки его деятельности, биографии и портреты писателя. Один „Times“ дает новые статьи. Герберт Райт, лично посещавший Л. Н. Толстого, в прочувствованной статье ставит его наравне с Лютером и проводит даже параллель с молодым Буддой, бросившим дворец, невесту, послушав голоса совести. Он ставит выше Будды престарелого Толстого, покинувшего родной дом и семью. Взгляд Райта разделяется здесь очень многими»¹⁸.

Из «Daily Chronicle»:

«Словно солнце зашло», — сказал сэр Вальтер Скотт, услышав о смерти Байрона. То же самое мы можем сказать по поводу кончины Толстого. Величайшей личности нашего времени уже больше нет — человека, безгранично одаренного, великого учителя и проповедника — за последние пятьдесят лет мало кто оказал на людей столь глубокое и многостороннее влияние, как он. Учение Толстого полно противоречий. Но оно освещено его необычайным благородством<...> Великий старец-патриарх, живший жизнью крестьянина в самом сердце России, был светочем надежды для всего человечества».

Из «Westminster Gazette»:

«Эта смерть отнимает у мира одного из самых замечательных людей нашего времени, который достиг наивысших вершин славы — и как писатель и как пророк».

Из «Manchester Guardian»:

«Все мы, молодые и старые, сторонники и противники его учения, за последние тридцать лет и более сумели познать в нем то, чем он действительно был, — величину, для нас недостижимую, величайшую духовную силу нашего времени. Его принципы упрощения жизни и та вера, которую он основал на них, нам, несомненно, чужды, и многим из нас он, пожалуй, казался даже хватившим через край. Установившийся в последнее время обычай запрашивать его как оракула о его мнении по всем текущим литературным и политическим событиям вызвал много изречений с его стороны, которые могли казаться странными. Но пророк не знает компромиссов, и требовать от него тех допущений и условностей, с которыми должны ежедневно мириться люди меньшие, хотя не менее искренние, более вмешанные в мирские дела, это значило бы отвергать именно те самые высшие качества, которые и составляют его величие. Вся его жизнь, после того как он покончил с бурными годами молодости, представляет в своей абсолютной цельности нечто поразительное и даже страшное, и последний неожиданный его акт — в полном соответствии со всем остальным. Толстой в пятидесяти- и семидесятилетнем возрасте и Толстой свыше восьмидесяти лет — все один и тот же человек. Много ли есть людей, великих и малых, о которых можно было бы сказать то же самое?»¹⁹

В «Daily Mail» был напечатан некролог, принадлежавший перу переводчика Толстого Э. Моода, в котором подчеркивалось, что всеобщий интерес к Толстому основывается, прежде всего, на его необыкновенной искренности, — а также анонимная статья «Толстой как учитель», в которой читаем:

«Смерть престарелого, восьмидесятидвухлетнего Толстого отняла у современного мира одну из его величайших и своеобразнейших фигур — человека, который будоражил своих современников, вероятно, гораздо более глубоко, чем любой другой мыслитель и писатель во времена Руссо. Как ро-

манист он действовал в высокой и оригинальной сфере. Читая „Севастопольские рассказы“, или „Анну Каренину“, или „Войну и мир“, мы чувствуем, что он дает нам не впечатление о жизни, а самую жизнь, истинно пережитые мгновения и воплощенные мысли. Никто не смог передать с такой правдивостью и силой психологию войны; ничье воображение не смогло угадать со столь тонкой пронизательностью последние переживания героической личности».

Из «Pall Mall Gazette» от 21 ноября:

«Если бы Толстой жил сто лет тому назад, Бетховен написал бы и посвятил ему другую „Героическую симфонию“».

Из журнала «Sphere» от 26 ноября:

«С Толстым исчез один из величайших людей современности — величайший художник и величайший наставник. Как художник он, несомненно, будет жить вечно».

Лондонский журнал «Fortnightly Review» напечатал в декабрьском номере вместо некролога стихотворение *Хьюлета* «Толстой», в котором оплакивался «погибший Титан».

* * *

«Смерть Л. Н. Толстого произвела здесь подавляющее впечатление, — отмечал 20/7 ноября берлинский корреспондент «Русского слова». — „Berliner Lokal Anzeiger“ в экстренном выпуске первый сообщил печальную весть о кончине великого писателя. Известие произвело тем большее впечатление, что в утренних изданиях сообщалось о перемене к лучшему в здоровье Льва Николаевича. Телеграммы берутся нарасхват, редакции газет осаждаются желающими узнать о правдивости этой вест. *Зудерман, Лёвенфельд, Шпильгаген, Керр, Гарден* и многие другие писатели и литераторы просили вашего корреспондента высказать русскому обществу их глубокую печаль по поводу кончины величайшего из современных писателей. Они единодушно говорят, что Толстой умер как пророк, провидец, гений, в полной гармонии с внутренним „я“, в согласии с совестью <...> Вторичные срочные выпуски газет вышли с портретами Л. Н. Толстого и сообщениям о последних минутах его жизни. Выпуски раздаются бесплатно на всех улицах и перекрестках. Многие магазины, кафе и рестораны успели, несмотря на воскресенье, выставить в окнах портреты Л. Н. в траурных рамках. Сочувствие публики поразительное. Кругом только и слышны разговоры о Толстом»²⁰.

«Понедельничные газеты полны горячих и страстных некрологов и статей, оплакивающих мировую незаменимую потерю, — сообщал тот же корреспондент на следующий день. — Оценка художественного творчества Льва Николаевича единодушна: Толстой — гений. О философском мирозерцании Л. Н. Толстого спорят, говоря, что моральная ценность последнего безграничная, высокохристианская, достойная трепетного поклонения даже тех, кто его не разделяет»²¹.

«В течение всей своей жизни Толстой бился над тем, чтобы, познав истину, привести в строгое соответствие свою жизнь и свое учение, — писала Роза Люксембург в газете «Gleichheit», — а когда подступила смерть, он, восьмидесятидвухлетний старец, совершил отчаянный побег, порвав оковы буржуазного семейного быта; он покинул свое гнездо, как старый ослепший орел, который, напрягая последние силы, устремляется в полет, навстречу ветру и туманам, чтобы упасть с разбитыми крыльями и умереть на чужом пороге».

Толстой был величайшим художником второй половины XIX столетия не только русской, но и мировой литературы <...>

Дело жизни Толстого — это достояние культуры, и сознательный рабочий класс, грядущий наследник культуры, склоняет свои знамена с благо-

дарностью и уважением над могилой великого художника и великого человека, который по-своему до конца боролся против эксплуатации и угнетения и до самой смерти не знал никаких компромиссов»²².

Редактор «*Berliner Tageblatt*» *Т. Вольф* писал в своей газете 21 ноября: «Умер последний из великих пророков — Лев Толстой достиг конечной цели своего паломничества. В станционном здании Астапово, где свалился изнуренный, измученный лихорадкой необыкновенный странник, покоится теперь его исхудалое тело с изможденным, обросшим бородою лицом, и ветер разносит скорбный плач по нем над беспредельной русской землей<...>

И то, что не в состоянии был прежде постигнуть разум умудренных жизнью и просвещенных людей, кажется теперь таким естественным, почти необходимым! Стоит только вникнуть в ход развития Толстого — и последний эпизод его жизни покажется логическим завершением всего сделанного им пути, который отличался исключительным единством и целеустремленностью и был столь же последователен, как последовательно его творчество<...>

Не только пророк, стремившийся с евангелием в руках освободить человечество, проявился в Толстом с первых же шагов его творческой деятельности, но и беспощадный критик, посмеивший коснуться самых прочных традиций. Он сорвал с милитаризма блестящие покровы, которыми правители пытаются сделать его приемлемым для народов...»

Статья Вольфа, подчеркивавшего полное единство творческого пути писателя, выгодно отличается, как мы видим, от большинства других высказываний иностранной критики того времени, резко отделявшей Толстого первого периода от Толстого последних десятилетий его жизни, а также Толстого-художника от Толстого-мыслителя.

Из «*Vossische Zeitung*»:

«Со смертью Толстого скрылась величайшая и самая гениальная личность Европы. Трудно спустя несколько часов после смерти писать о Толстом. Для этого потребуется десятилетие. Однако достаточно бросить взор на пройденную им жизнь, чтобы увидеть, что она была полна огромного значения красоты и мощи»²³.

Социал-демократическая газета «*Leipziger Volkszeitung*» отмечала, что у могилы Толстого рабочий класс стоит искренне опечаленный. «Пролетариат не может удалиться от капитализма в пустыню, он должен и хочет побороть его на благо всего человечества, но он склоняет обвитые трауром знамена перед гробом человека, сердце которого полно было любовью к угнетаемым»²⁴.

Из социал-демократической «*Vorwärts*»:

«Кто не разделял веры Толстого, тот любил его за мужество убеждений. Поэтому его личность приковывала к себе все бьющиеся сердца»²⁵.

Из передовой статьи «*Frankfurter Zeitung*», посвятившей 21 ноября Толстому весь утренний номер:

«Завершился целый период в истории человечества. Современность оказалась до конца. Последний исполнин духа ушел из жизни — последний из великих европейцев... И вот великий сын земли русской возвратился в объятия своей родной матери<...> Теперь, когда его благородные очи угасли, безграничная скорбь овладела миром, и эта скорбь оттеснила на время все остальные чувства.

Льва Толстого — великого, неповторимого Толстого, которым наш век достиг звездных высот, — уже нет в живых! Столетия, быть может, пройдут прежде, чем Земля увидит равного ему. Если бы культура была действительно важным фактором для живущего поколения, весь земной шар окутался бы траурным флером от полюса до полюса. Но только немногие знают, что собой представлял Лев Толстой, — немногие,

но это истинные представители человечества. Они посылают русскому народу, особенно остро ощущающему эту утрату, свои соболезнования, и готовят место Толстому в пантеоне бессмертия — и не Толстому-апостолу, который вскоре будет забыт, как забыт его предшественник Ж. Ж. Руссо, а художнику, имя которого называется в ряду величайших художников всех времен...»

Г. Гауптман поместил в «*Berliner Tageblatt*» 21 ноября следующую статью, озаглавленную «Толстой»:

«Толстой умер. Мир потерял своего второго Савонаролу. Не стало единственного великого христианина нашего времени. Церковь предала его анафеме. Будь это в ее власти, она сожгла бы его, как Савонаролу, и превратила бы тело его в пепел. Но их проклятье посягает на большее: оно обрекает душу на вечные муки. И вот сбываются Писания, как и должны были сбыться. И вновь является истинный Христос, истинный помазанник, камень преткновения, святой соблазн.

Многие считали Толстого безумцем. Но Иисуса, Спасителя, также считали безумцем. Он был человек. Он был брат наш. В нем горел всепоглощающий огонь любви, человечности. Синод принял этот огонь за адское пламя. А в нем горел дух, который церковники не могли погасить своими заклинаниями, ибо бог превыше всех властолюбивых священнослужителей.

Толстой не был реформатором. Он был больше, чем реформатором. Тот, кто этого не чувствовал при его жизни, почувствовал теперь, когда жизненный путь его завершен. Тот, кто не чувствует это теперь, почувствует через двадцать лет. Страшней и сильней, чем рука живого, стучится святая десница усопшего в церковные врата и, проникнув внутрь храма, чертит на стене огненные слова „Мене, текел, фарес“²⁶.

Корреспонденту «Русского слова» Гауптман сказал:

«Россия потеряла своего Лютера, а человечество — великого художника и редкую личность. Бегство Толстого из мира меня не поразило, ибо вся его философия основана на отрицании житейской суеты и повседневности. Его уход — прекраснейшее побуждение, дополнившее духовную красоту души его. По моему убеждению, Толстой предчувствовал смерть. Одержимый мистическим страхом, он решил последние минуты провести наедине с душою. Этот заключительный факт ставит его наряду с Буддой и Лютером и другими великими реформаторами. Я во многом расхожусь с Толстым, однако преклоняюсь перед титаническим обаянием его гения. Для России его смерть, несомненно, незаменимая утрата, ибо Толстые не рождаются каждое столетие. Я негоую по поводу кощунственных сплетен о рекламности ухода. Нужно низко пасть, чтобы сметь гиганту духа приписать подобное»²⁷.

Всемирно известный иенский ученый-естествоиспытатель, высоко ценимый К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, Э. Геккель дал специальному корреспонденту «Русского слова» следующее интервью:

«У вас теперь национальный траур!.. Искренне сочувствую. Смерть Толстого лишила и меня одной надежды — познакомиться с ним. Это было моею мечтою. Мне страшно хотелось поговорить по душе с человеком, проповедовавшим диаметрально противоположные мне взгляды. Мистическое понимание мира Толстым мне чуждо, однако я глубоко его чувствую. В своих „Мировых загадках“ я изложил концепцию того, над чем работаю более полу столетия. Мистицизм — элемент невозможный в натурфилософии. Он исключается из синтеза натуралистического мировоззрения. Там, где приходится сталкиваться с самой природой в ее первоначальных механических проявлениях, — мистика исчезает. И вот, в силу того, что Толстой стоял выше той материальной оболочки, которую я так тщательно изучаю, мне мучительно хотелось с ним познакомиться. Но мне

страшно не везло! Лет десять тому назад я был в Москве и совсем было собрался в Ясную Поляну, но случайно встретился с покойным Верещагиным, и моя поездка расстроилась. Мы с Верещагиным вместе исколесили Россию и даже добрались до Сингапура. От него я узнал массу интересного о Толстом и особенно усердно принялся за его изучение. Поверите, „Войну и мир“, „Анну Каренину“, „Воскресение“ и „Крейцерову сонату“ я прочитал по нескольку раз. „Смерть Ивана Ильича“ и „Холстомер“ мне окончательно открыли глубину Толстого. К стыду своему, я меньше знаю Толстого-философа, нежели Толстого-художника.

Но разве вся его философия не сказалась хотя бы в „Смерти Ивана Ильича“?

Бесспорно, со смертью Толстого человечество потеряло лучший брильянт мирового гения! Это незаменимая, тяжелая утрата для всех нас, ибо Толстой был в такой же мере русский, как и немец и француз.

Но против одного мне хотелось бы поднять голос. Некоторые почему-то, в силу ли великой скорби или других соображений, называли Толстого „сверхчеловеком“.

В этом эпитете масса лжи. Толстой был именно человек. В том обширном, всеобъемлющем смысле, как он рисовал себе человека-христианина. Современная церковь до того обезличила облик христианина, догма настолько заглушила дух, что лишь вне ее влияния может развернуться человек. Трагизм Толстого, по-моему, заключается в том, что он до последних дней не мог окончательно отделаться от *духовного* влияния его окружавших. Уж слишком сильно было противоречие между ним и семьей. Нетрудно себе представить, какие внутренние муки переживал Толстой, раз он у края могилы решил отречься от семьи, мира, друзей, всего того, что его еще связывало с современностью. Меня называют апостатом Толстого. Это верно! Но я все-таки глубоко преклоняюсь перед именем того, чье место в ряду величайших реформаторов истории»²⁸.

3. November. 1910. Nr. 524.

Social-Demokraten.

3. November. 1910. Nr. 524.

Social-Demokraten.

3. November. 1910. Nr. 524.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

3. November.

Social-Demokraten.

3. November.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

3. November. 1910. Nr. 524.

Social-Demokraten.

3. November. 1910. Nr. 524.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

Social-Demokraten.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО В ДАТСКОЙ ГАЗЕТЕ «SOCIAL-DEMOKRATEN» 23 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

Справа, в тексте сообщения — фотографии: Толстой, С. А. Толстая и В. Г. Чертков

«ЛЕВ ТОЛСТОЙ».
СТИХОТВОРЕНИЕ ДАТ-
СКОГО ПОЭТА ХЕЛЬГЕ
РОДЕНА СМЕРТЬ
ПИСАТЕЛЯ

Датский еженедельник
«Ugens Tilskuer» от
25 ноября 1910 г.

Номер посвящен Толстому

Leo Tolstoj.

Der var engang en Konge — vi ved, hvad han led.
Der for alle herre Bøgnen fortæller
om dette hvide Hoved og om Stormene, som led
og om hans Svogeder og hans Jammers Væde.

Han flygtede fra Sorgen med Taarne og Spir
den standred ud i Hatten med Frede.
Der var engang en Konge, som kaldtes Kong Lear.
Han flygtede forfuld paa den øde Bæde.

Vi bygger vort Hjerter med Taarne og Spir
men Summer vander os og nede.
Der var engang en Konge, som kaldtes Kong Lear.
og vendte sig fra Hjerter med Frede.

Han vendte sig fra Hjerter — han spottede dets Glans.
Han trampede Baar og Høst ned i Støvet
og rakte sine knægede Hænder mod en Glans.
som fæst var blomstret af og fæst afløst.

Han gik igennem Livet som Vedens Hædmand,
og Sorgen Mildhed, som et Vedens Sælg.
den sidste i hans Hjerter, den standred som en Glans,
den standred med os som en Varmesælg.

Men Livet — ringesaget som en Raag og et Raag —
det kom ham med sin Skimmerfaa imøde
og lyttede hans Hjerter med et fæstet fæstet af Raag
og togde roligt af hans Bæring øde.

De spottede hans Hjerter, og de roved af hans Hjerter,
og Sorgen dets Hjerter standred de fæst i Hjerter.
og nægted ham hans fæstet Hjerter og fæstet
og jeg en Ølding Hjerter ud paa Hjerter.

O giv mig min Kongesborg med Taarne og Spir!
Og jeg dets Hjerter fra min Hjerter!
Der var engang en Konge, som kaldtes Kong Lear.
Han døde forfuld paa den øde Bæde.

De døde som ham Omfæ, de hjerne døde som Hjerter
med Længde og med Hjerter døde de rede.
— Da flygted den i Hjerter for at fæst efter Ly.
Han vendte ud med Hjerter Frede.

Han pressede fæst om Panden den fæstede Cornetkrans
og gik sin Hjerter Hjerter for at fæst,
for at fæst om et Ly imod Hjerter og Glans
— og døde Hjerter paa den øde Bæde.

Der var engang en Konge — vi ved, hvad han led
for alle herre Bøgnen fortæller
om dette hvide Hoved og om Stormene, som led
og om hans Svogeder og hans Jammers Væde.

Forfulmet af hans Bæde, hans manglende Hjerter,
og roligt af det Hjerter, som fæstet.
De knægede Hænder flygted paa hans Hjerter.
De døde, øde Hjerter Raag er fæstet.

Men Hjerter Hjerter Hjerter den fæstede Cornetkrans.
som gjorde ham til Hjerter vifte Hjerter.
Da fæstet han dens Hjerter; nu fæstet han i dens Glans.
Da fæstet Hjerter Hjerter om hans Hjerter.

Hjerter Hjerter.

26/13 ноября берлинский корреспондент «Русского слова» сообщил в свою газету: «Сегодня в рейхстаге „большой день“. Трибуны, ложи, зал переполнены. Кабинет почти в полном составе<...>» и привел выдержку из речи социал-демократа Г. Ледебура, видного немецкого социалиста, впоследствии участника Германской революции 1918—1919 гг., выступавшего против милитаристских и антидемократических поползновений германского императора:

«Необходимо вспомнить великого русского писателя-мыслителя Толстого, защитника мира. Толстой изучал войну не на парадах и смотрах, а на поле битвы в качестве солдата. Он был величайшим противником войны и поэтому со всей силою таланта и гения духа боролся с братоубийством, видя в этой борьбе цель жизни. Я считаю особой честью упомянуть этого великого человека»²⁹.

* * *

Уход и смерть Толстого сделали его центром всеобщего внимания и в Голландии³⁰. В большинстве газет появились некрологи и критико-биографические статьи.

«Литературное наследие Льва Толстого безусловно переживет его морально-этическое учение, ревностным адептом которого он являлся на протяжении почти всей своей жизни, — заявила 21 ноября газета «De Tijd». — Чтение его книг доставляет нам громадное наслаждение, хотя выраженные в них идеи зачастую ошеломляют своей ошибочностью <...> Не удивительно, что многие видят в Толстом непобедимого титана, подобного людям эпохи Возрождения, титана, в котором многократно сочетаются творческая мощь и жизненная сила, — титана, которого древние греки почитали бы полубогом»³¹.

Вечерняя газета «Avonblad» отмечала в тот же день в отделе литературной хроники:

«Мало кто из нас владеет русским языком, но всё же мы все читали „Войну и мир“ и „Анну Каренину“, хотя бы во французском переводе. Если сравнивать Толстого с выдающимися французскими натуралистами, то вряд ли сравнение это будет в его пользу. Толстой — плохой стилист, небрежен в оборотах речи, часто спотыкается на слове <...> Но разве нельзя понять эту мнимую небрежность? Разве это само собой разумеющееся пренебрежение „чистой“ формой не является средством своеобразной выразительности? Ведь это не что иное, как напор самой жизни! <...> Как много у него различных персонажей! У них столько общих и индивидуальных черт, и все они уловлены наблюдательным глазом автора. Дробление на куски, описания, сложные переплетения фабулы в толстовских романах напоминают тропические лианы. Это своего рода кипящая лава, причудливая сеть, сплетенная из пьес, рассказов, эпизодов, философских размышлений, поступков и реакции на эти поступки. Толстому незачем искать единства. Оно присутствует во всех его произведениях. Это сама жизнь <...> Толстой — один из величайших реалистов, давший свое оригинальное видение окружающего мира...»

Из газеты «Utrechtsch Provinciaal Dagblad» от 21 ноября:

«Только что телеграф принес нам известие о кончине графа Толстого. Он умер в возрасте восьмидесяти двух лет. До последнего мгновения имя его было на устах каждого человека <...> Пламя мятежа всегда бушевало в груди Толстого. Он укорял себя в том, что его окружение, его домашний быт далеко не соответствуют его принципам, сознание своей моральной ответственности за этот разрыв непрестанно терзало его <...> Толстой никогда не щадил себя. Его побег из Ясной Поляны явился следствием той внутренней тревоги, которую он в течение всей своей жизни безуспешно старался подавить».

* * *

С глубокой скорбью отозвалась на смерть Толстого датская пресса.

«В Толстом жила непокоренная сила природы, превратившая этого удивительного художника в одну из самых замечательных личностей нашего времени — в обличителя, пророка и агитатора», — указывала «Berlingske Politiske og Avertissements Tidende» 21 ноября.

Газета «Social-Demokraten» писала о Толстом:

«Он был самым знаменитым человеком на Земле. С тех пор как великие апостолы древней церкви завоевали цивилизованный мир, не было имени, более известного, чем Лев Толстой. Всем образованным людям знаком облик русского крестьянина в блузе, подпоясанной ремнем, — великий проповедник, которого не могли сломить ни гонения царского режима, ни отлучение от государственной церкви».

Еженедельник «Ugens Tilskuere» в номере от 25 ноября посвятил Толстому весь раздел «Люди и их деяния», начав его весьма характерными для меркантильной прессы словами: «Со смертью Толстого на бирже славы пал курс акций <...> Продается величие. Кто сможет купить его?..»

Со статьей «Лев Николаевич Толстой» выступил в том же номере журнала известный переводчик произведений Толстого, Чехова, Короленко и других русских писателей *В. Герстенберг*.

«Умер великий художник современности, писатель всеобъемлющих воззрений и мыслей, воспитатель народа и философ, неустанно пытавшийся найти смысл жизни», — заявил автор.

Здесь же напечатана статья *А. И. Веста* «Толстой как мыслитель и агитатор».

«Выяснить, что значил Толстой для России, — отмечал он, — совершенно невозможно. Многие из его мыслей русская цензура не пропускала, и трудно понять, в каком объеме он действительно известен и понят простым народом, к которому он прежде всего обращался и для которого он сделал так много на практике... А если спросить образованных русских людей, то услышишь о нем весьма противоречивые мнения. Но в одном согласны все (в том числе и иностранцы), — в признании его поэтического гения — в этом его защищают одинаково горячо обе стороны...»

Видный датский поэт и драматург *Х. Роде* также откликнулся на трагическое событие стихотворением «Лев Толстой», помещенным в «*Ugens Tilskuere*».

В том же еженедельнике (№ 11 от 9 декабря) помещена статья датского писателя *Я. Кнудсена* «Лев Толстой как реформатор общества», в которой он подверг анализу соотношение толстовского учения с учением христианской религии.

Газета «*Politiken*» опубликовала вместо некролога стихотворение *Т. Крага* «Лев Толстой».

«Лев Толстой, — восклицал поэт, — это отзвук саг и сказаний. Ты жил далеко от нас, а теперь ты замолк навеки<...> Жестокая борьба неистовствует вокруг тебя<...> Но великая буря утихнет... И, словно сага времен борьбы, встанет образ борца<...> Народ России не забудет Льва Толстого, и крестьянин — покорный, страдающий крестьянин — и его жена, расскажут, как много он для них сделал. Да, народ будет жить тысячелетия, и светлый венок он сплетет вокруг имени Толстого»²².

Известный датский писатель *Г. Банг* напечатал 27 ноября в журнале «*Weltspiegel*» (иллюстрированное приложение к «*Berliner Tageblatt*») фантазию, озаглавленную «Толстой на пороге» (на немецком языке):

«Нет, не просто человек умер, ибо двадцать исполинов духа не смогли бы заполнить опустевшее место. Нет, не поэта внезапно постигла немота: пусть все поэты мира провалятся в адскую бездну — от этого мы, вероятно, не много страдаем.

Здесь только что разбилось сердце народа.

То был огромный дуб в лесу миллионов душ.

То была совесть миллионов, их понятие о справедливости, их религия, их вера: там, где все во всем сомневаются и где отчаиваются, ему верили, и верили ему одному. Верили — и были утешены.

Он был их будущим, он был их надеждой.

Миллионы сомневающихся и отчаявшихся душ указывали только на эту грудь: «Он жив — и в нем жива его родина. Пока это сердце бьется — Россия не может умереть».

Он был их верой и утешением. Благодаря ему и вместе с ним миллионы выстояли в борьбе с тиранией и с преследованиями<...>

Он был их страстью, он был их мужеством.

Он был их глаголящими устами.

Там, где все жили с заткнутыми ртами, он один мог пользоваться своим языком, и среди людей, доведенных до полной немоты, он один еще мог шептать губами.

Для этой добровольно склонившейся выи палач не мог раздобыть подходящей веревки.

Сердцем и языком, страстью и совестью, упорством и волей, верой и будущим, надеждой и родиной — всем этим был он, всем этим был он для России.

Вот кем будет этот усопший — и только он один — для миллионов русских людей грядущих времен. Вот кем будет он для них.

Для нас же — для всех нас, нерусских, он был исполином, гигантом, незабвенным Подтверждением.

Подтверждением власти духа над миллионами людей.

И он, совершенно беззащитный, был надежно защищен одной только мощью своего духа.

Вот почему эта жизнь, несомненно, может считаться величайшей победой человеческого духа на все времена.

Лев Толстой отнял власть у тирании. Своей гуманностью он лишил ее силы. Толстой имел лишь одно оружие — гуманность, и этой гуманностью, свидетельствовавшей о бесконечной ясности мысли и сострадании к людям, он побеждал в своей борьбе.

Он был живым воплощением объединенной мощи характера и гения<...>

Для России он был устами и сердцем, для всей остальной земли он был Примером. Его творения впоследствии отомрут: в будущие века явится немало гениальных художников. Но память о Толстом будет жить и сохранится навеки<...>

Нет! Нет! Лев Толстой не умер: он лишь переступил через последний порог — через порог царства бессмертия.

* * *

«Норвегия скорбит по поводу кончины великого сына русского народа, — сообщил корреспонденту «Русского слова» известный путешественник *Ф. Нансен*. — Велико здесь его влияние как писателя и апостола любви и мира и глубоко захватывающе»³³.

Норвежский политический деятель, профессор *Ф. Станг* заявил:

«Кончина Толстого вызывает в Норвегии глубокую скорбь во всех слоях населения. Творчество Тургенева дошло здесь только до образованного класса, творчество же Толстого проникло всюду и захватило всех»³⁴.

Университет столицы Норвегии послал семье Толстого телеграмму:

«Россия лишилась величайшего писателя и мыслителя, но он бессмертен в своих произведениях. Эти произведения преобразуют новые поколения у всех народов, всех племен».

Президент Нобелевского института в Норвегии *И. Г. Левланд* также отправил С. А. Толстой телеграмму (на французском языке):

«Норвежский институт имени Нобеля выражает вам свое искреннее сочувствие и разделяет горе в отношении великой утраты, которая поразила не только русский народ, но и весь цивилизованный мир» (АТ).

Из некролога, помещенного в газете «Dagbladet» от 21 ноября:

«...Скончался один из величайших и своеобразнейших людей, которых когда-либо знала история. Эта жизнь, о появлении которой столько раз сожалели русская церковь и русское правительство, вся официальная Россия, — эта жизнь не заставит больше государство и церковь трепетать от пламенных слов, каравших во имя человечества, эта жизнь, явившаяся избранным орудием всемогущества и народной воли, — угасла».

Никого не оставило спокойным известие о смерти Льва Толстого. Его личность и дела настолько проникли в жизнь большинства людей, и все настолько привыкли обращать свои взоры к Ясной Поляне и прислуши-

ваться к словам нестигаемого борца, когда нечто новое возникало в огромном славянском государстве, — что каждый ощущает теперь эту потерю как личную.

Но особенное сочувствие вызывает великий несчастный народ, для которого Толстой, в силу рождения и воспитания, был призван сделать больше всего. Что сможет заменить ему понесенный урон? Кто теперь будет отстаивать дело несчастного, угнетенного русского крестьянина? Чей негодующий голос поднимется теперь против несправедливостей и беззакония? Кто захочет излить насмешку и негодование на людей, стоящих у кормила правления? Русский крестьянин ищет себе друга. И те, кто считает себя его друзьями, но чьи слова лишены силы и авторитета, теперь надеются и ждут великой социальной революции, которая снова явится единственным средством спасения для русского народа. „Великим писателем русского народа“ назвал Тургенев в одном письме Льва Толстого. Но он был писателем не только своего народа, но и всего человечества»³⁵.

Крупнейшая норвежская газета «*Tidens Tegn*» поместила 21 ноября некролог виднейшего историка и литературного критика *К. Нэрупа*.

«Со смертью Льва Толстого, — писал Нэруп, — ушел из жизни последний и самый могучий представитель великих умов XIX столетия. Он один из когорты тех людей, которых с полным правом можно назвать представителями человечества. Никто после смерти Виктора Гюго не являлся подобной личностью, как всеми почитаемый и внушающий глубокое уважение яснополянский старец. Он сочетал в себе писателя, религиозного проповедника и социального реформатора — триединство сил и функций, которые необходимы для пророка. И им был Толстой в течение последних тридцати лет. И действительно, никто из проповедников прошлого не имел столь многочисленного прихода».

* * *

Взволнованно откликнулась на смерть Толстого и шведская пресса. Еженедельник «*Hvar 8 Dag*» поместил некролог *Ф. Веттерлунда*.

«Со смертью Толстого, — писал Веттерлунд, — ушел из жизни, возможно, величайший художник и писатель начала 1900-х годов. Его всем знакомый образ предстал перед нами в монументальных размерах на горизонте его необъятной родины. Он был пророком своего народа, и в то же время его интеллектуальное величие с присущими ему недостатками уважалось во всем мире как первостепенная духовная сила».

21 ноября газета «*Stockholms Dagbladet*» поместила многочисленные материалы о смерти Толстого на трех колонках под заглавием «Толстой скончался»:

«Итак, бегство Толстого от мира закончилось не тихой жизнью отшельника<...>, а в переполненной гостинице<!> при железнодорожной станции, где малейшее изменение в состоянии его здоровья подстергалось массой репортеров, состоявшихся за право первыми передать во все газеты мира известие о том, что теперь Толстой действительно умер. Его последняя отчаянная попытка привести в состояние гармонии свое учение и жизнь окончилась внешне этим резким диссонансом, но сам он чувствовал, что достиг *внутренней* гармонии и мира, когда решительно порвал с той жизнью в мнимой роскоши, которая мучила его как бессилие его собственного учения».

Классик шведской литературы, писательница Сельма Лагерлёф телеграфировала редактору «Русского слова»:

«Мы лишились величайшего духа. Он потрясал совесть, боролся за страдающих, распространял любовь. Я рада и счастлива, что земные деяния его совершались в мое время»³⁶.

Глава V

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ.— БЕЛЬГИЯ, ИТАЛИЯ, ИСПАНИЯ,
ПОРТУГАЛИЯ, РУМЫНИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ, ГРЕЦИЯ

Известие о смерти Толстого было получено в Брюсселе около полудня 20/7 ноября и «мгновенно распространилось по городу. Около редакций газет толпы народа. К четырем часам все газеты выпустили экстренные издания, посвященные, по выражению „*Indépendance Belge*“, памяти последнего апостола, великого поэта русской души, единственного представителя мысли, приобретшего действительно мировую известность». В муниципалитет поступило заявление об установлении в одном из лучших брюссельских парков памятника-барельефа Толстому и присвоении имени Толстого одной из улиц. В книжных магазинах и киосках были выставлены портреты Толстого в траурных рамах. Издательство Нельсон выпустило специальное издание «Анны Карениной», мгновенно раскупленное. Жадно раскупались также дешевые издания «Кзаков», «Воскресения» и портреты и медалионы Толстого¹.

P. de Marés писал 21 ноября в «*Indépendance Belge*»:

«Граф Лев Толстой был не только одним из самых великих писателей современности; он был человеком, оказавшим, безусловно, самое огромное влияние на свою эпоху; своими произведениями и всей своей жизнью он дал благородный пример постоянного стремления к самосовершенствованию. Подобные люди — чрезвычайная редкость: лишь время от времени появляются они в людской толчее, факелоносцы, пролагающие новые пути и увлекающие за собой все страждущее человечество...»

Обозреватель *Спадий* писал в «*Journal de Bruxelles*» 21 ноября:

«Когда Толстой лежал в предсмертной агонии, там, в глубине России, на маленькой захолустной станции, освещенной коптящими лампами, весь мир словно затаил дыхание, благоговейно прислушиваясь к последним ударам этого великого сердца, теперь умолкшего навсегда. Ибо в современном мире, где все так заметно мелькает, Толстой казался единственным оставшимся в живых исполином мысли, одним из тех героев в духе Карлейля, которыми столь богат был минувший век. Повторим многозначительное сравнение Бодлера: эти люди эпического склада были подобны маякам, высившимся в отдалении друг от друга на берегу моря мечты и пронизывавшим тьму светом своих огней². Когда один из них угасал, казалось, будто мгла обволакивает всю землю, и людские толпы замирали в невыразимой тревоге.

Лев Толстой был последним из этих маяков-исполинов, и легко понять, почему его смерть так волнует, так потрясает вселенную: разве для множества душ на распутье, жаждущих проникнуться какой-нибудь верой, хотя бы чисто земной, разве не был он кем-то вроде искупителя, глашатая иных истин, вождя-ясновидца, светоч которого озаряет глубокую тьму неизведанных дорог? И даже такие, как мы, люди, видевшие в нем только гениального писателя, величайшего романиста из всех когда-либо существовавших (ибо его творчество как бы озарено евангельским светом высоких идеалов и, вместе с тем, нет ничего более живого и правдивого, чем это творчество, проникнутое столь потрясающим гуманизмом) — даже мы понимаем, что смерть Льва Толстого — это утрата для всего мира.

Взгляните вокруг <...>: нет ни одного человека, чья смерть пробила бы подобную брешь в цитадели мировой человеческой мысли: ни Д'Аннунцио, ни Мистраль, ни Метерлинк, ни Киплинг, ни тем более Анатолий Франс — это бледное повторение Вольтера — не занимают и никогда не займут подобного места на мировой сцене. Смерть Толстого — это падение старого дуба, мощные ветви которого прикрывали огромный кусок неба: дерево упало, и небо кажется совершенно оголенным...

Смерть эта будет, однако, большим ударом для литературы, чем для философии. Время не сумеет подточить царственную красоту его творений: они будут жить, пока существуют сердца и души, чтобы их чувствовать и понимать. Что же касается социальных утопий автора „Войны и мира“, его гуманной мечты о всеобщем братстве, справедливости и самоотречении, то боюсь, что не пройдет и нескольких лет, как они будут преданы забвению: с уходом пастыря, паства учеников быстро разбредется во все стороны, и химерические мечтания Толстого постигнет та же участь, что и благородные чудачества какого-нибудь Сен-Симона или Фурье.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО И СТАТЬИ О НЕМ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЕ
«GAZZETTA DI VENEZIA». 21 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

Брюссельская газета «Soir», посвятившая смерти Толстого 21 ноября целую страницу, отмечала:

«С Толстым исчезает одна из крупнейших личностей России. Это траур для всего цивилизованного мира. Прежде чем стать признанным пророком, Толстой был всемирно известным писателем».

В бельгийских, как и в других европейских кинематографах, демонстрировались фильмы о Ясной Поляне и похоронах Толстого. При появлении на экране изображения Толстого вся публика благоговейно вставала³.

Литературный вечер, посвященный Толстому, был устроен в Брюсселе 14 декабря Бельгийской рабочей партией. Он прошел с огромным успехом. Доклад на этом вечере был прочтен профессором Ж. Эжаутом.

Бельгийские студенты организовали в память Толстого ряд митингов в Брюсселе, Льеже, Антверпене, Генте и Монсе, на которых выступали и профессора. В Верве после вечера, посвященного памяти Толстого, студенты Высшей текстильной школы устроили демонстрацию, вызвавшую вмешательство полиции⁴.

* * *

«Кончина гениального писателя произвела ошеломляющее впечатление, — сообщал римский корреспондент газеты «Речь», — хотя в течение целой недели вся Италия говорила о неизбежном конце. Почти вся печать эту неделю посвящала страничке характеристике Толстого как художника, моралиста и философа. Известия из Астапова читались с волнением, и в Риме специальные издания газет, выпускаемые с бюллетенями о состоянии здоровья Толстого, в полном смысле слова расхватывались толпой

в несколько минут. Лишь только раздавался крик газетчиков: „Специальное издание. Вести о Льве Толстом“, — как выскакивали из домов хозяйки, из магазинов — приказчики, из мастерских — рабочие, рвали друг у друга газеты из рук и тут же вслух прочитывали последние известия из Астапова. По существу, некрологи о смерти Льва Николаевича были написаны и напечатаны пять дней тому назад, при появлении первого (ложного) известия о смерти. Вчерашние вечерние и сегодняшние утренние газеты как бы дополняют прежние некрологи — и эти дополнения занимают одну, две страницы<...>

Но как наемный хулигатель шел у колесницы триумфатора, так и приносящие клеветники идут теперь за гробом Толстого. Это представители католической печати. „*Popolo Romano*“ в сегодняшнем номере не упомянуло даже о смерти великого писателя. А ватиканский официоз „*Osservatore Romano*“, дав биографию почившего, только и нашел сказать, что Толстой страдал „бредовой“ идеей, ибо „он хотел достигнуть счастья людей на земле, никогда не мог этого осуществить, так как не желал искать этого в римской церкви“.

Приблизительно так же, хотя и в менее грубых выражениях, отзывается о Л. Н. Толстом и клерикальный „*Corriere d'Italia*“. Чтобы уяснить причины такого отношения к великому писателю ватиканских кругов, необходимо знать, что Лев XIII считал себя оскорбленным Толстым. Изложив со слов католической „*Perseveranza*“, „отлично осведомленной в делах римской курии“, фантастическую историю этого „оскорбления“, корреспондент „Речи“ саркастически заключал: „...теперь-то официальный орган Ватикана и нашел время для сведения счетов с Л. Н. Толстым“⁵.

«Я не скажу, конечно, чтобы старая Италия, католическая, консервативная или буржуазная, Италия „уважаемых“ ежемесячников и больших газет так и не сказала ни одного разумного и доброго слова по поводу смерти Толстого, — писал А. В. Луначарский в своем обзоре „Смерть Толстого и „Молодая Европа“». — Но то немногое разумное и доброе, что было сказано ее идеологами, совершенно тонет в банальных панегириках<...>

Молодые писатели журнала „Молодая Италия“, органа социалистической только еще подымающейся над землею поросли, — тоже замахнулись на Толстого. Он-де давно уже умер, старость — это долгое умирание, и философия Толстого есть психическое старчество, результат разложения этого огромного гения <...> Зато рядом с этим молодой *де Анджелис*, автор статьи „Цвет жизни на смерть Толстого“, проникнут благоговением к Толстому-артисту. Он признает его неизмеримую высоту, по сравнению с средним человеческим ростом, он говорит, что только осужденный Толстым Шекспир приближается к нему по богатству созданного им мира, и кончает такими словами: „Этот апостол был также героем в настоящем, карлейлевском смысле слова. Так он жил и так умер. Но человечеству не нужны герои, проповедующие жизнеотрицание. Зато ему бесконечно нужны мощные и неутомимые художники; вот почему, следя за агонией этого старца, мы чувствуем, как трепещет наше сердце, как сердце сына у одра престарелого родителя“⁶.

«Человечество и искусство в трауре: умер Толстой!» — с таким заголовком вышел номер миланского „*Secolo*“ после получения трагического известия. «Не было ни одной более или менее видной газеты, которая не посвятила бы двух-трех страниц Толстому, — сообщал римский корреспондент газеты „Раннее утро“. — Биографии, портреты, критические статьи — все это вот уже неделя как не сходит с газетных столбцов».

„Мир обеднел!“, — пишет <римская газета> „*Corriere della Sera*«. — Эти слова, которые у Д'Аннунцио вырвались со смертью Вагнера, сильнее и лучше всего передают впечатление от краткого известия о смерти Льва Толстого. Это не скорбь, не болезнование, не чувство глубокой боли, а

нечто неизмеримо большее, что охватывает людей при получении этой роковой вести<...> Не человека мы хороним, мы хороним целый мир. Толстой стоял в мире, как далеко светящийся маяк над океаном; и после его падения сумерки кажутся непобедимыми и бесконечными. Он среди всех людей был Человеком, достигшим необыкновенной нравственной высоты в силу поразительного внутреннего роста. Он дал пример того победоносного нравственного развития, к какому только способен человек. Не его философия, но его вечно ищущая мысль, ее создавшая, подняла Толстого над всеми людьми, как могучий дуб поднимается над зарослью кустарника. И он умер, этот человек, сраженный роком, выполнив свое великое назначение... Известная репинская картина изображает Толстого идущим за плугом. Это ясный символ того, что он делал в мире. Не было человеческой души, которая при знакомстве с произведениями Толстого не чувствовала бы себя облагороженной, очищенной, возвышенной; не было человеческой души, в которой брошенные семена его проповеди не дали бы прекрасного плода, и только перед таким великим источником живой нравственной силы люди чувствуют себя братьями и близкими. Только при общении с такими людьми, как Толстой, даже самым глубоким пессимистам может казаться, что человечество достойно существования⁷.

21 ноября в органе социалистической партии «Avanti» появилась статья о Толстом Л. Боттаци.

«Известие, — писал он, — ожидавшееся в течение нескольких дней всем образованным человечеством с той же непередаваемой тревогой, что гнездилась во всех сердцах накануне смерти Виктора Гюго, дошло до нас сегодня». Далее Боттаци высказывал мнение, что Толстой «не оставил после себя никакой школы. Одиноким в искусстве, как и в жизни, он возвышался над современными русскими писателями словно дуб над зарослями кустарника, защищая своей вековой сенью подрастающее поколение. Его жизнью завершается славный цикл истории русской культуры».

Ф. Скарпелли в статье «Художник», напечатанной 21 ноября в генуэзской газете «Lavoro», восклицал:

«Не знаю и знать не хочу, был ли Толстой апостолом, пророком, философом<...> Я знаю лишь, что он был самым колоссальным художником в Европе после Шекспира, самым обширным интеллектом, который через столетие после рождения Гете постиг огромное множество человеческих ценностей, прежде погранных, искверканных, и воплотил их в великолепно бронзу своих творений<...>

Настанет время, когда наши отдаленные потомки <...> смогут проникнуть своим пронизательным взором в сочетание элементов, способствовавших развитию толстовского чуда, — мы же еще не в состоянии сделать это. Мы можем лишь преклонять колена перед исполинским гробом русского поэта, подобно тому, как преклоняем их умогил Равенны и Страффорда. В Равенне и Стаффорде, как известно, похоронены Данте и Шекспир.

Э. Бодrero писал в «Fanfulla della Domenica» 27 ноября:

«На днях умер последний из трех величайших старцев Севера<...>, и с ним умер последний из крупнейших писателей прошлого века<...>

Мне кажется не лишним заметить, что одной из стран, где особенно сильно сказалось влияние Толстого, была Италия<...> Я думаю, что именно ему обязаны мы расцветом нашей литературы, — но скорее вследствие сходства задач, чем в результате прямого подражания. Толстой не был обновителем или творцом национального самосознания, а великим, величайшим писателем; властелином-художником был этот человек и, пожалуй, величайшей личностью, порожденной славянской расой.

Толстой — единственный современный писатель, который может достойно выдержать сравнение с Бальзаком. Оба они воплотили в своих

созданиях весь свой народ и целый век истории с поразительным богатством фантазии и необычайным разнообразием вдохновения<...> „Человеческая комедия“ и романы Льва Толстого — это две великие эпопеи, которые заставляют вспоминать об эпопеях Ариосто и Гомера...»

Из римской газеты «Asino» от 27 ноября:

«О Толстом говорили: „Последний святой“. Да, но святой мятежный. Как святого — мы его не любили; как мятежника — мы любили его.

Он являл собой живой конфликт между великой душой и преступным обществом.

Он олицетворял революцию русского народа против царской тирании, простую и естественную силу крестьянства против развращенной и деспотической олигархии дворянства, божественное стремление к миру и братству против жестокого милитаризма и гнусной теократии...»

Значительная часть «толстого» журнала «Nuova Antologia» от 1 декабря 1910 г. была посвящена памяти Толстого. Видный итальянский писатель-реалист и литературный критик *Л. Капуана* в статье «Кончина Толстого» писал:

«Имя Толстого останется бессмертным благодаря его романам. Все остальное будет интересоваться биографов, искателей анекдотов, собирателей причудливых идей, странных мнений, но ничего не добавит к сверкающему ореолу, увенчивающему главу художника».

В том же номере журнала напечатана статья известной писательницы Грации *Делемда*, публикуемая в кн. 1-й настоящ. тома.

Профессор Тереза *Лабриола* писала в «Giornale d'Italia» 21 ноября, предварительно упомянув о «таинственной славянской душе» покойного писателя:

«...Мы приветствуем в Толстом мятежную личность, противостоящую религиозной догме и авторитету официальной церкви<...> Толстой действительно жил, а тот, кто так жил, — не умирает».

Высказывание профессора *Пьяцца*:

«Величественная простота, сила и реальность работ Толстого, конечно, недоступны ни одному из писателей, ибо если у Виктора Гюго сражаются не люди, а герои, если его Ватерлоо — сверхчеловеческое сражение, то Аустерлиц Толстого — битва людей. Это Россия, это русское общество, это человечество. У других — типы, герои, абстракции, у Толстого — люди, действительные. Великий химик жизни сумел найти ее основные элементы и оживил их на своем плавильнике».

Из некролога популярного итальянского писателя *А. Фогаццаро*:

«Эта колоссальная фигура из пламени и мрака, неколебимо возвышавшаяся пред взорами человечества, вдруг исчезла. Потрясенный, ошеломленный, утративший на миг дар слова, я почувствовал, что должно склонить чело и воздать хвалу источнику силы, откуда воссиял этот непревзойденный созидатель живых душ, непревзойденный певец их судеб и встреч в любви, в ненависти и в борьбе самолюбий, зоркий и безжалостный разоблачитель самых сокровенных их тайн. Он возник в мире Искусства, великан, которого природа одарила исключительной мощью, в чьих творениях ощущаешь не столько силу искусства, сколько силу природы. Он создавал Истину и, кажется, даже не помышлял о том, чтобы создавать красоту. Он словно презирал искусство, как нечто низменное, от мира сего, а не небесное. Он был гласом чистой Истины и горел ее пламенем<...> Как христианин и как писатель я чувствую себя перед ним совсем ничтожным, но горжусь его славой, особенно потому что пред его гением почтительно склоняются все, даже скептики и безбожники и те, для кого нет ничего святого.

Выразив, как сумел, свое религиозное восхищение Львом Толстым, я умоляю, соглашаясь поневоле на опубликование столь несовершенного изложения своих смятенных чувств и мыслей»⁸.

«ТОЛСТОЙ У ВРАТ РАЯ»

Карикатура итальянского художника Раталья

Подпись: «Для входа сюда, дорогой Лев, нужен надлежащий документ». — «Так он у меня есть: отлучение от церкви»

Вырезка из неустановленного итальянского журнала

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

При открытии сессии коммунального совета Рима депутат Э. Натан предложил отправить в Россию братское соболезнование по поводу смерти Толстого и таким образом отдать покойному последнюю дань признательности. Слова Натана были покрыты громкими рукоплесканиями⁹.

В Специи Палата труда выпустила манифест, в котором прославлялся «грандиозный художник и могучий мыслитель» — Толстой. Палата призвала весь пролетариат «присоединиться к горю, которое смерть Толстого причинила русской литературе и социальной демократии»¹⁰.

29 ноября итальянская Палата депутатов открылась торжественной речью депутата Р. Мурри, посвященной Толстому (отметим, что

в 1909 г. этот лидер христианской демократической партии был отлучен папой римским от Церкви). Заявив, что Палата и, в частности, ее крайняя левая, к которой принадлежат люди, посвятившие жизнь защите угнетенных, считает своим долгом почтить память великого писателя, Мурри закончил речь выражением симпатии от имени Италии борющемуся за свои права русскому народу. После речи другого депутата, *Котуно*, министр народного просвещения *Л. Кредаро* произнес восторженную речь в память Толстого, восхваляя его как художника, мыслителя, педагога и апостола. Министр сказал, что такие люди, как Толстой, «принадлежат не одной своей родине, а всему человечеству и оставляют после себя глубокий след».

Парламент почтил память Толстого вставанием. В заключение оратор предложил послать приветствие великому русскому народу. Предложение это было покрыто аплодисментами ¹¹.

* * *

«Испанская интеллигенция не отозвалась на национальную скорбь России и на печаль всего культурного мира, — сообщал из Мадрида 17/4 декабря корреспондент газеты «Одесские новости». — Единственное, что может быть отмечено, — это вечер в память Толстого, устроенный местным „Атенеумом“ в Вальядолиде. Испанская пресса, конечно, печатала облетевшие весь мир известия об „уходе“, о болезни и о кончине Толстого и помещала его портреты на первых страницах. Но ничего, кроме хроникерских заметок, ни одной заметки о значении его для Испании или для всего человечества<...> В мадридских книжных магазинах я не нашел ни одного портрета Толстого<...>

Очередь за критикой. Какова испанская литература о Толстом? Прежде всего — книга графини Эмили *Пардо-Басан* о русской литературе, представляющая испанское издание мнений и познаний прославленного М. де Вогиоз. Затем — статья лучшего испанского криминалиста, профессора саламанкского университета *П. Дорадо* в его „Этюдах уголовного права“, 1901<...> И, наконец, отдельные отзывы, особенно предисловие к испанскому изданию „Воскресения“ покойного, единственного за все время существования испанской литературы подлинного литературного критика *Л. Аласа* (псевдоним *Clarín*).

Журналы в Мадриде, т. е. Испании без Барселоны, представлены еженедельниками типа нашей „Нивы“ и хуже. В лучшем из них, „Nuevo Mundo“, появились две статьи о Толстом, из которых одна — терпимая биография Толстого, испорченная неожиданным заключением, что „бог Толстого — бог семитов, ибо он отвергает авторитеты христианства и не признает церкви!..“ Другая статья принадлежит перу лучшего, т. е. талантливейшего и просвещенного из современных журналистов, Рамиро де *Маэсту* и называется — как бы вы думали? — „Tolstoy y la Condesa“*¹².

Это сообщение корреспондента «Одесских новостей» содержит в себе существенные неточности. Вероятно, ему не было известно, что премьер-министр Испании *Х. Каналехас-и-Мендес*, объявивший себя во время беседы с журналистами «горячим поклонником великого писателя»¹³, приказал полиции следить за тем, чтобы собрания по поводу смерти Толстого «не носили политического характера». Это было, по словам корреспондента «Всеобщей газеты», как бы сигналом к тому, чтобы испанский народ особенно горячо отнесся к русскому национальному горю: в Бильбао, Барселоне, Гижоне, Валенсии и Перпиньяне состоялись «гражданские панихиды» по Толстому. «В Тормозе даже по этому поводу про-

* «Толстой и графиня» (исп.).

изошло столкновение с жандармами, которые, однако, вскоре были уведены префектом полиции»¹⁴. Некрологи Толстого, действительно мало-выразительные и банальные, мы нашли в мадридских газетах «А. В. С.», «Correspondencia Militar», «Impartial», «Mañana», «Pais», в гренадской «Defensor» и в барселонской «Liberal». Сообщениям же об уходе и болезни Толстого в испанской прессе уделялось такое же большое место, как и в других европейских периодических изданиях.

* * *

Чествование памяти Толстого, по газетным сообщениям, приобрело грандиозный характер в Португалии. Местная печать уделила Толстому исключительное внимание.

Корреспондент «Всеобщей газеты» сообщал из Лиссабона:

«Многотысячная толпа народа заполнила площадь Дон-Педро, и едва только первый оратор пытался начать свое „слово“, как ему предложили умолкнуть, так как появилось все временное правительство *in corpore**, и первое слово было предоставлено президенту республики Теофилу Брага, что придало самому чествованию официальный характер. Теофил Брага назвал Толстого великим гением современного человечества и предложил всем снять шляпы. Затем было много горячих речей, осветивших разностороннюю деятельность великого старца. Для многих совершенно неожиданно грандиозный митинг закончился предложением одного учителя прокричать русское „ура“ в честь России, давшей миру Толстого.

Перед открытием заседания Совета временного правительства Португалии Брага выступил с речью, в которой говорил о том, „как велика потеря прогрессивного мира“»¹⁵.

«Среди учащейся молодежи, — отмечал корреспондент, — возбудило огромный интерес объявление о выходе книжки о Л. Н. Толстом специально для народных школ»¹⁶.

* * *

Многочисленные некрологи появились и в румынской прессе¹⁷.

«В стране с самой гнусной правительственной системой быть Толстым — значило быть революционером<...>, — заявил Дик в статье, напечатанной в социалистической газете „România Muncitoare“. — Человек, влияние которого господствовало более полустолетия и еще долго будет господствовать, не может оставить нас равнодушными, не может не быть симпатичным нам».

А. Влахуца отмечал в журнале «Universul»:

«С каким удовольствием сослало бы правительство в Сибирь этого неутомимого возмутителя „общественного порядка“, если б это не вызвало еще большего потрясения чудовищного „общественного порядка“ в России! Но Толстой был славой мира, и вся поразительная инквизиторская организация IV <1> Отделения, вся лживость и жестокость его ничего не могли сделать с Толстым. Он оказался сильнее, чем Победоносцев!!»

В газете «Viitorul» Г. Джурджа писал:

«Исчез граф и умолк романист, а на их месте стоит теперь величественный, как высокий дуб, человек, босиком, в мужицкой рубаше — яснополянский патриарх. Почему же в наше время, когда существует так много крупных писателей, Толстой наиболее известен, наиболее знаменит? Почему русский, произведения которого можно читать только в переводах, возвышается над всеми остальными, словно Геркулес, принявший на свои плечи небосвод? И снова и снова звучит один и тот же ответ: Толстой проник в глубины человеческой души, он был подлинным гуманистом...»

* в полном составе (лат.).

«Толстой был самой блестящей личностью в России и одной из величайших интеллектуальных вершин человечества <...>, — читаем мы в журнале „Luceafărul“ от 1 декабря. — Он останется одним из воплощений художника-борца, который не ограничивался увековечением прекрасного, а стремился улучшить жизнь»¹⁸.

Знаменитый румынский критик *К. Доброджану-Геря* писал В. Г. Короленко 11 ноября 1910 г.:

«Смерть гиганта Толстого и вся трагическая обстановка, при которой она совершилась, — это настоящий символ всей теперешней русской жизни. Умер и Толстой! Не верится. Такое огромное зарево света — и исчезло!»¹⁹

* * *

Не осталась равнодушной к печальному известию и швейцарская печать. 21 ноября редактор «Journal de Genève» профессор *Ж. В<аньер>* писал: «Толстой умер. Угас великий светоч, самый великий светоч нашего времени. И даже те, кто без усталости опровергал его утопии и сражался против его идей, испытывают теперь мучительную скорбь <...> Из всех наших современников только он один достоин подлинной славы. Толстой навсегда останется одной из самых благородных личностей в истории человечества».

11 декабря в «Gazette de Lausanne» был напечатан некролог, принадлежащий перу профессора-литературоведа *М. Мийу*:

«Внезапное волнение, охватившее цивилизованный мир, скорбное сочувствие, с которым все взоры были обращены к смертному одру в Астапове, стихийные и грандиозные почести, которые недавно были оказаны памяти Толстого, освещают в нем не только литературную славу, но и одно из самых благородных воплощений человеческой совести, одну из символических фигур Человечества <...>

Часть его мастерства, все, что связано с языком, теряется для нас, как мне кажется, в посредственных большей частью, переводах. Но великие его достоинства выходят победителями из этого тяжкого испытания. Гигантские фрески, целый мир, населенный людьми разных состояний, живущих на наших глазах настоящей, реальной жизнью. Это отнюдь не слепые толпы, не сплошной людской поток, как у Золя. Насколько Золя любит приводить в действие массы безликих существ, настолько Толстой стремится индивидуализировать своих персонажей. Все, вплоть до самого скромного чиновника, имеют у него собственную физиономию, свой отчетливо выраженный характер».

Возражая критикам, утверждавшим вслед за П. Бурже, будто искусство Толстого ограничивается тщательным протоколированием подробностей, что он является исключительно художником внешнего вида вещей, что он схватывает и с абсолютной точностью передает только то, что может быть увидено, пошупано, услышано и почувствовано, автор пишет: «На это можно справедливо ответить с г. Этторе Джанни²⁰, что мы знаем героев Толстого не только так, как если бы сталкивались с ними на улице или встречали в чьей-то гостиной. Мы знаем их так, словно сами думали их мыслями, волновались их чувствами, словно сами воплощались в них. Критиков мог сбить с толку его постоянный прием авторской беспристрастности — прием, присущий писателям его поколения, один из самых, впрочем, замечательных художественных приемов. Г-н Этторе Джанни сравнивает Толстого с ныряльщиком, который извлекает из бездонных глубин и выносит на свет божий ранее скрытое от людских глаз сокровище: секрет живой индивидуализации персонажей. Именно это и придает творениям Толстого их потрясающую силу. Им почти не страшно серьезнейшее из испытаний — повторное чтение и раздумье. На близком расстоянии они могут показаться нестройными, беспорядочными, шумливыми; но отступите чуть-чуть — и вы увидите, как все фигуры становятся

на свои места, во всей своей объемности и характерности; вы различите основные направления, то мастерство композиции, в котором г. Поль Бурже отказывает Толстому и которое ему не мешало бы у Толстого позаимствовать; отступите еще немного — и перед вами раскроется широкая перспектива; вы проникнете не только в тайну отдельных индивидуумов — а в самую тайну судьбы, которая увлекает людей за собой навстречу радости и горю, чтобы потом тем же мерным, непрестанным движением погрузить в бездонную тьму».

Оспаривая сравнение Толстого с Савонаролой, сделанное Г. Гауптманом (см. выше), Мийу пишет: «Если так уж нужно сравнивать его с кем-либо, то только не сравнивайте его с Савонаролой. Ибо он многое осуждал, но не проклинал; он не призывал на голову грешника громы небесные, серный огонь и потоп<...> Он сам был наиболее оригинальным, наиболее ярким и сильным из своих созданий. И поэтому он остается в недвижном спокойствии смерти тем, чем был в одиноческой своей жизни — существом чрезвычайно далеким от нас, от нашей жизненной колеи; но он стоит во весь рост, величаво возвышаясь над всеми,— чужой, незабвенный, великий».

В анонимной статье «Траур и апофеоз», напечатанной 23 ноября в газете «Genevois», мы читаем:

«Толстой умер. Преждевременная весть на этот раз подтвердилась, и исчезновение великого человека поразило мир глубокой скорбью<...> Особенно поразителен в этой жизни, заполненной столькими трудами, приключениями и драмами, страстный альтруизм, который главенствовал в ней. Во всем творчестве Толстого всегда находишь одно и то же веяние великодушия. Этот человек любил человечество до полного самопожертвования; он бросил вызов всем законам для утверждения своей беспримерной любви к преследуемым и жертвам».

7 декабря 1910 г. в актовом зале Женевского университета состоялось торжественное заседание памяти Толстого, привлечшее к себе всеобщее внимание в Швейцарии²¹. Председатель «Группы друзей русской литературы и мысли» Л. Вебер-Баулер открыл собрание, обратившись к присутствующим со следующими словами:

«Смерть Толстого сосредоточила мысль всего цивилизованного мира на этой крупнейшей фигуре современности. Цель сегодняшнего вечера — почтить память человека добра и мира, каким являлся Толстой».

Вслед за тем выступил с докладом «Толстой-писатель» профессор Б. Буве.

«В одном из древнейших мифов,— сказал он,— рассказывается, что когда прогремел вещий голос, оповестивший, что „великий Пан умер“, — всех и вся охватил ужас, и воцарилось полное молчание. Скорбь была всеобщей. Точно так же при известии о кончине Толстого 20 ноября тревожное и глубокое ощущение горя охватило душу всего цивилизованного мира».

Ничья смерть — ни смерть могучего самодержца, ни великого политического деятеля, ни великого художника не смогла бы объединить в столь общем горе людей, самых различных по своей национальной принадлежности и по культурному уровню. Для одних Толстой — представитель избранной расы гениальных художников, сумевших слить в своих совершенных творениях реальность и мечту, действие и мысль, искусство и страсть. Другие восхищаются могучим старцем, который один смог в обществе, взбудораженном, дезорганизованном денежными интересами, поколебать авторитет его науки, его учреждений, его прочно установившихся культов, который осудил всю либеральную цивилизацию XIX века, чтобы воздвигнуть здание совершенной демократии, поистине свободной и счастливой. Другие — поражены зрелищем продолжительной, здоровой, ясно-видящей, строго логичной жизни, ясной мысли, которую не в состоянии остановить никакое препятствие и которая доходит до крайней точки при-

нятого ею направления и стремлений, действуя с непобедимой последовательностью, соответствующей ее основам<...>

И эта смерть, которая должна была явиться героическим освящением его учения, этот конец жизни, скрытый от глаз мира, спрятанный, утаенный от блеска и шума общественной жизни, сосредоточенный в самом себе, молчаливый и глубоко гуманный; эта смерть старого льва, который ищет, чтобы испустить последний вздох, мрака и одиночества самой дикой пещеры, в самой глухой пустыне,— она спутала, надо в этом признаться, наше понимание семейного долга, но в то же время внушила робость, ослабив бесцеремонное любопытство, она отогнала налетевших воронов, она заставила умолкнуть дифирамбы, она сомкнула уста спорящим, она привела нас всех к размышлениям и молчанию...»²²

* * *

Корреспондент «Биржевых ведомостей» сообщал из Афин 27 декабря: «Когда умер Толстой, здешняя пресса, как и во всем остальном мире, откликнулась рядом статей и заметок — с тою, однако, разницей, что в то время как другим нациям удалось высказаться более или менее содержательно, греки не нашли ни одного оригинального слова. Причина простая: у них переведены только „Воскресение“ да „В чем моя вера?“»²³.

Глава VI

ОТКЛИКИ НА СМЕРЬ. — БОЛГАРИЯ, СЕРБИЯ, ХОРВАТИЯ, ЧЕРНОГОРИЯ, ЧЕХИЯ, СЛОВАКИЯ

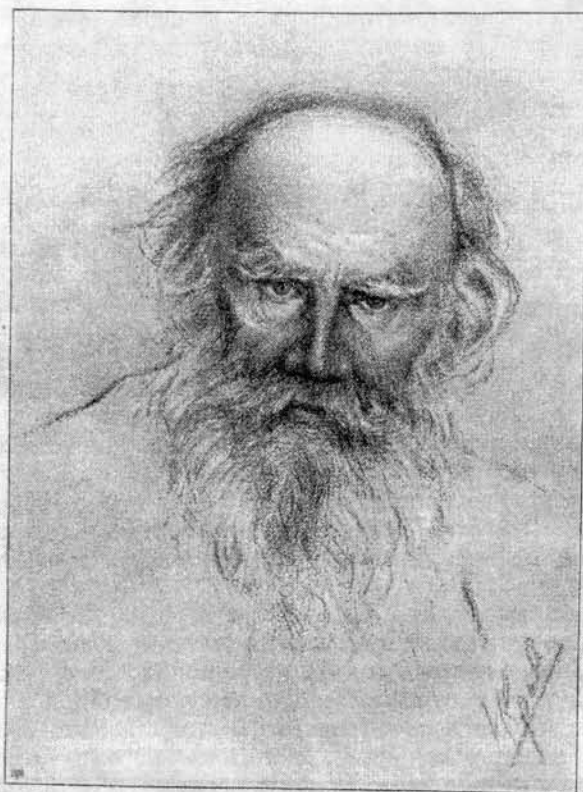
Всеобщую скорбь вызвало известие о смерти Толстого в славянских странах. Большинство периодических изданий поместило обширные некрологи о покойном. Многие газеты были обрамлены траурными рамками.

* * *

Болгарский корреспондент «Русского слова» сообщал из Софии:

«Смерть Л. Н. Толстого вызвала здесь взрыв искреннего и глубокого чувства. Практический, трезвый, столь, казалось бы, несклонный к экзальтации болгарский ум на этот раз как бы изменил себе. Не только передовая молодежь, но и установившиеся, положительные люди старших поколений почувствовали громадность потери, были тронуты, смущены, даже как будто испуганы таинственным значением совершившегося. Та скептическая улыбка снисходительного сожаления, которою была встречена здесь в первый момент весть об уходе Л. Н. Толстого из Ясной Поляны, очень скоро уступила место чувству тревоги, а когда наступил роковой конец, это чувство тревожного ожидания, в свою очередь, уступило место ясному и глубокому сознанию неизмеримости потери и страстному желанию выразить это сознание в какой-нибудь осязательной форме. Прежде всего это почувствовалось в печати, которая позабыла на мгновение о мелочах окружающей жизни и сосредоточила свое внимание на величавом образе ушедшего из мира. Несколько позже, но зато гораздо глубже и горячее, отозвалось на смерть Толстого и общество. Официальная Болгария осталась в стороне. Потому ли, что не хотела ставить в неловкое положение свой Синод или по каким-нибудь другим причинам, но она не пошла дальше сдержанной манифестации в Народном собрании, которое, по предложению председателя, почтило память Л. Н. Толстого вставанием. Предполагавшиеся чтения в учебных заведениях о жизни и деятельности великого старца не состоялись. Но тем горячее реагировала на смерть Толстого публика. Первое же публичное собрание, устроенное

VIEŃAS

LAV NIKOLAJEVIČ TOLSTOJ

„VIEŃAS“ — 1910
ГОДИНА I. — 9803 12

ТОЛСТОЙ

Рисунок Н. И. Кравченко (?), помещенный в хорватском журнале «VieŃas» в связи со смертью писателя. Декабрь 1910 г.
Обложка

в память Л. Н. Толстого в самой большой университетской аудитории, привлекло всю передовую столичную интеллигенцию. Места брались с бою, и зал был переполнен задолго до начала, — не только зал, но и коридоры перед ними и даже лестница. Масса публики принуждена была вернуться за неимением места, а пробравшиеся в зал счастливы в течение трех часов с благоговейным вниманием слушали речи ораторов, среди которых были двое русских, *Богучарский*, и *Викторов*, имевшие громадный успех *.

Такой же успех имело и второе большое публичное собрание в Славянской Беседе. Устроенное по инициативе консервативных элементов славянского благотворительного общества, оно привлекло к себе и соответствующую публику, более официального и светского характера: высокопоставленных чиновников, партийных вожakov, депутатов, пышно разодетых дам и т. п. И эта, казалось бы, неподходящая публика переполнила зал и с таким же благоговейным вниманием слушала ораторов, говоривших ей о художественной и проповеднической жизни великого славянского гения.

И если бы были устроены еще и еще такие массовые публичные собрания, я не сомневаюсь, что все они были бы так же многолюдны и так же успешны. Потому что публика еще не чувствует себя удовлетворенною. Она продолжает искать глазами людей, которые говорили бы ей о Толстом, и с жадностью хватается за всякий попадающийся ей под руку случай. Узнает ли она, что собираются чествовать память Толстого в клубе радикально-демократической партии, в народном доме, у социалистов, — она бросается толпою в указанное место, совершенно не считаясь, вопреки своему обыкновению, с соображениями общественного или партийного декораума. Ей хочется слушать о Толстом на людях, демонстративно, выражать свое позднее признание его величия. В ее интересе к Толстому умершему чувствуется, несомненно, что-то вроде раскаяния в недостаточном интересе ее к Толстому живому... И то же самое, хотя, конечно, в меньшем масштабе, происходит в провинции...»²

Тот же корреспондент сообщал в первые дни после смерти писателя:

22/9 ноября: «Известие о смерти Толстого, хотя всеми и ожидавшееся, произвело везде крайне тягостное и потрясающее впечатление. Многие повторяют фразу: „Ушла совесть России“».

23/10 ноября: «Все газеты полны Л. Н. Толстым. Его имя у всех на устах. Все, без различия взглядов, партии оплакивают смерть величайшего славянского гения, великого и в своих ошибках, неподражаемого художника, глубокий ум, благородное сердце, могучего проповедника любви и правды, сумевшего даже своей мечте дать воплощение в жизни. Газеты указывают на мягкое отношение к Толстому своего духовенства и недоумевают пред непреклонностью русской церкви и диким озлоблением правых в России».

По предложению лидера земледельческой партии *Д. Драгиева*, произнесшего краткое хвалебное слово, посвященное памяти великого славянского гения, перед которым благоговейно преклоняется все человечество, Народное собрание почтило вставанием память Толстого».

* Об этом торжественном заседании, организованном кружком передовых болгарских писателей, группировавшихся вокруг журнала «Мисъл», *И. Калинец (Калина)* сообщал через некоторое время из Софии: «Ораторами выступали самые популярные и выдающиеся здесь представители молодой болгарской литературы: Пенчо *Славейков*, по общему признанию, первый болгарский поэт нашего времени, высокоодаренный и широкообразованный сын своего самоучки-отца, Петко *Славейкова*, тоже первого болгарского поэта своего времени; *П. Ю. Тодоров* <...> и известный болгарский литературный критик, профессор Софийского университета *К. Крыстев*. Со стороны сербов говорил известный поэт *Дучич* <...> Собрание продолжалось более трех часов, но напряженное, почти благоговейное внимание, с которым публика слушала ораторов, не ослабело до конца»¹.

«...Студенты<...> хотели устроить и свою собственную, чисто студенческую манифестацию в честь Л. Н. Толстого, — сообщал из Софии в уже цитировавшейся выше статье *И. Калина*. — С этой целью ими было принято решение в одно из воскресений организовать траурное шествие по городу, с соответствующими речами в заранее назначенных пунктах. Все было приготовлено для этой манифестации. Даже специально для нее был заказан и написан — очень удачно, между прочим, — портрет Льва Николаевича. Но в последний момент манифестацию пришлось отложить по не зависящим от организаторов причинам<...>

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ И НЕКРОЛОГ ТОЛСТОГО В СЕРБСКОЙ ГАЗЕТЕ «САМОУПРАВА», 10/23 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

Упомяну, наконец, и об общественных манифестациях в память Л. Н. Толстого, к которым в течение целой недели давали повод представления здешнего кинематографического театра. На экране воспроизводили во время утренних, как и во время вечерних представлений картины погребения Л. Н. Толстого. Театр во время этих представлений был неизменно переполнен самою разнообразною публикой, от учеников и мастеровых до представителей и представительниц высшего софийского света, и эта публика не только со страстным интересом смотрела картины, но и подчеркивала этот интерес различными, подчас даже оригинальными выражениями своего чувства. Так, она не только аплодировала, когда оркестр начинал играть „Вы жертвою пали в борьбе роковой“, не только вставала во время исполнения марша, но сплошь и рядом начинала подпевать оркестру<...>

Надо отметить ряд публичных и партийных собраний, которые устраивались в различных провинциальных городах в память Л. Н. Толстого и которые носили в некоторых случаях очень трогательный характер. Таково, например, было посвященное памяти Л. Н. заседание клуба радикально-демократической партии в придунайском городе Видине<...> Лидер радикальной партии *Н. Цанов*<...>, взволнованный, потрясенный вестью о смерти<...>, сделал свое сообщение так возбужденно и горячо, что ни сам он, ни его слушатели не могли воздержаться от слез. И политическое собрание в честь великого человека превратилось само собой в трогательные поминки великого учителя и друга...»

Ректор Софийского университета профессор *Б. Цонев* отправил С. А. Толстой следующую телеграмму:

«Софийский университет высказывает глубокое соболезнование по случаю кончины гениального писателя, великого славянина, истинного человека Льва Николаевича Толстого» (АТ).

* * *

Огромное впечатление произвела смерть Толстого в южнославянских землях.

Орган сербской социал-демократической партии «Радничке новине» отмечал в передовой статье 24/11 ноября:

«Есть личности, которых буржуазная печать превозносит до небес, но о которых мы, по их незначительности, не считаем нужным упоминать. Лев Николаевич к ним не принадлежит. И мы, социалисты, имеем причину говорить об этом благородном человеке и мыслителе, быть может, с еще большей теплотой и искренностью и жалеть о нем больше, чем кто-либо другой.

Правда, мировоззрение Льва Толстого не совпадало с нашим; часто он стоял очень далеко от нас, иногда даже на противоположном берегу. Он был проповедником любви ко всем людям и считал эту любовь не только целью, но и средством осуществления общественного идеала; мы же призываем угнетаемый класс к сопротивлению, к борьбе<...> Короче говоря: Лев Толстой — апостол, мы же — борцы. Его мировоззрение, его мышление и мироощущение — религиозные, у нас же — социалистическое мировоззрение, наше мышление и мироощущение основываются на научном фундаменте.

В этом отношении Толстой далек от нас, социалистов, далек, как небо от земли. Но все же между нами есть важная точка соприкосновения. Толстой, так же как и мы, видел страдания современного человечества, нищету, вызванную современным общественным строем, и решением социальных вопросов он занимался столь же страстно, как и мы — социалисты; причем не из тщеславия, снобизма или желания следовать моде, как большинство современных буржуазных художников и философов. Толстой не мог понять причин бедности, несчастий и отчаяния поработенных классов, народа. Но он глубоко почувствовал их горе, его непритворно человеколюбивая, истинно гуманная душа переживала вместе с народом все его страдания. И действительно, только человек, который искренне и глубоко страдал от бедствий современного общества, от несчастной, бессмысленной жизни огромного большинства своих сограждан, в состоянии был создать такое изображение современного общества, какое мы находим в художественных произведениях Толстого. Возьмите, например, его „Власть тьмы“. В отношении сценическом, в отношении художественном, это произведение не особенно отличается от других драматических сочинений. Но все же вы вряд ли когда-либо выходили из театра глубже и сильнее взволнованные и потрясенные, чем после этой трогательной картины бед и нищеты русского мужика. Толстой здесь, как нам кажется, ставит перед собой цель не критиковать, а проповедовать, направлять людей к чистой любви к богу, видя в ней единственное спасение.

Однако здесь он бессознательно вынес потрясающее обвинение русскому царизму, который экономически и политически подчиняет и обрекает на умственную нищету сотни миллионов русских крестьян, — вынес такое обвинение, какого и самый ярый противник царизма не был бы в состоянии произнести. Или возьмем его роман „Воскресение“. В этой книге Толстой пытался дать публике современное Евангелие. В действительности же, нет более сильного обвинения против буржуазного общества, чем эта книга, в которой с таким непревзойденным мастерством изображена история падения и страданий одной проститутки, жертвы современ-

† Lav Tolstoj.

20. studenoga o. g. nam'o je „veliki pisatelj ruske knjižice“, velikan naroda ruskoga, grof Lav Nikola-jevič Tolstoj. Njegova smrt, ako i nije već dola neobikvana, potresla je ipak nesaznato golemom Rusijom, nego i cijelom mnoštvenim svijetom. Jer taj čovjek bio je više nego slavan pisac. Gledajući golemi narod svoj, njegovu dušu i život njegov, hito ga je primio, hito mu pomoći, da bi poživio višim životom, pa mu je postao učiteljom i odgojačem. Tu je plemenita nakana istražila veliki napor, veliku borbu, i jedan ljudski vijek ne može joj doći. Tako se životno nastojanje njegovo prverglo upravo u tragediji, koja je konac svoj našla danom, kad je taj velikan izdahnuo plemenitu dušu.

Evo glavne crte njegova života.

Rodio se na imanju „Jasnaja poljana“, posjedu roditeljskom, 28. kolovoza po starom, 9. rujna 1828. po novom kalendaru. Otac mu Nikolaj bio je za Napoleo-nove vojne u Rusiji potpukovnik, mati bila je rođena kneginja Volkonska.

Roditelji izgubili u ranoj mladosti, a imao je tri brata i sestru. Prve nauke primio je kod kuće, onda ode u Kazanj na sveučilište, da uči orijentalne jezike. Ali tu se nije isticao nikakim sposobnostima, a treba reći, da je kasnije doduše neizmjereno mnogo učio, ali da je ipak uvijek bio radiji živome poslu, nego apstraktnoj znanosti.

Poslije tri godine vrati se u Jasnaja poljanu, i tu probavi opet tri godine učiti filozofiju, ali i radići praktično, jer je trebalo popraviti loše ekonomsko stanje toga inače velikoga imanja, što ga je zapalo kao nasljeđe. Sad je počeo učiti gospodarstvo, pa se i zanimao udesom seljaštva, s kojim je rto došao u užu dodir. To je seljaštvo bilo zapušteno, neuko, i on je hito iskreno da mu pomogne djelom i svjetlom.

Tu je doživio i prvo razočaranje. Nakant'o se da među urotnicima i dobre seljake razdijeli dio posjeda, do kojega je došao bez zasluge svoje. Ali seljaci nijesu razumjeli toga velikodušja, šta više opirali se „novota-jinama“, jer tako nijesu radili ni njihovi stari. Ožlojeđen krene skoro u Petrograd, da uči pravne nauke. Ali se zamalo povraši i podade tako veseli života, da se uzalo u dug. Srećom dođe kući stariji brat, tada vojnički časnik, a služio je u Kavkazu. Taj ga istrgne iz lako-mine okoline i mngovori, neka pade u Kavkaz kao vojnika. Lav ode u Kavkaz, ali ne stupi odmah u voj-ništvo, nego stade skromno živjeti u ućem mjestancu, da li se što prije riješio dugova. Tu je boravio među radnicima i zabavljao se lovom lutajući po gorama i šumama.

Zamalo stupi u vojsku kao topnički časnik. Taj korak bio je od velikoga zanimaja po daljin njegov razvoj i život. Jer na Kavkazu osjeti u sebi prvi puta poziv za spisateljsko zvanje i tu zaista napisu prva svoja književna djela, u kojima je vjerno ocrtao ovo prvo razdoblje svega života. Tu su „Kavkaski zavoj-bljenik“, „Kozaci“ i druge stvari, što se odlikuju silnom poezijom i poznavanjem ljudske duše — onim svojstvom, kojim može ruski pisci (realisti) zavama odvojše od drugih literata evropskih.

Na Kavkazu je boravio od 1851. do 1853. pa se s posve drugim nazorima vrati čini na svoje imanje. No tu ne ostade dugo, jer kad je planuo rat sa Turškom (Krimski rat), a evropske sa velevezila zavojevale na Rusiju, Tolstoj bude poslan u Sevastopolj, gdje se imalo odučiti o sudbini toga rata. Tu je bio dodijeljen četvrti tvrđavi, kja je najviše bila izvešana nasrtajima neprijateljske vojske. Tu se Tolstoj odlikovao svojom hrabrošću, u u časovima odmora svojim je pjesmama

НЕКРОЛОГ ТОЛСТОГО В ХОРВАТСКОМ ЖУРНАЛЕ «POVRATIM». 15 ДЕКАБРИ 1910 г.

Страница первая

ного общества. „Воскресение“ Толстого дополняет и иллюстрирует как нельзя лучше труд Бебеля „Женщина и социализм“. Прочтите обе эти книги, если хотите познакомиться с женским вопросом. А что сказать о „Крейцеровой сонате“? Нет более страшной критики буржуазного брака, чем эта книга. Вы помните то место в „Коммунистическом манифесте“, где наши учителя Маркс и Энгельс несколькими яркими штрихами рисуют ложь и аморальность буржуазной семьи, буржуазной любви. Толстой только разработал эту тему в своем прекрасном произведении, и, если бы он был знаком с этим сочинением Маркса и Энгельса, мы убеждены, он взял бы в качестве эпиграфа к „Крейцеровой сонате“ не два-три изречения из Евангелия, а несколько строк из „Коммунистического манифеста“, относящихся к этому вопросу<...>

Произведения Толстого — гениальные свидетельства гнилости нынешнего политического и общественного строя. Они лучшее оправдание великой социальной революции, которую совершит пролетариат, — рево-

люции, которой Толстой всегда боялся. Однако и тогда, когда человечество сделает, по выражению Энгельса, скачок из царства необходимости в царство свободы, или, по выражению Маркса, перейдет из доисторического периода в исторический, — и тогда произведения Толстого будут иметь значение не только гениального исторического документа. Кроме безжалостной критики современного общества, которая умрет вместе с этим обществом, в творениях Толстого есть художественные, моральные и философские элементы немеркнувшей, неувядающей ценности, совершенством которых смогут наслаждаться и высокоразвитые поколения будущего общества! Толстой принадлежит не только настоящему: он мыслил и для будущих времен, и, говоря о его смерти, мы можем смело употребить традиционное выражение о *переселении в вечность*, ибо мы видим, как великая тень этого гениального человека протянулась вдоль всей орбиты движения человечества и теряется вместе с ней в необозримой вечности».

Газета «Самоуправа», орган сербской партии радикалов, заявила в передовой статье 23/10 ноября:

«К высочайшей семье ушедших из жизни гигантов человечества: Зороастра, Сократа, Декарта, Паскаля и других присоединился утром 7 ноября один из самых великих людей современности<...> Словно электрический ток, пронеслось через весь культурный мир скорбное известие о смерти писателя, величие которого по сравнению с другими писателями пропорционально величине народа, среди которого он родился<...> Будучи славянином и сыном сильнейшего славянского племени, Толстой по обширности духа своего далеко выходит за пределы национальности, государства и религии, и неизмеримой глубиной любви своей охватывает все человечество...»

Из передовой статьи журнала «Бранково коло» от 18 ноября/4 декабря:

«О произведениях Толстого можно с полным правом сказать, что они представляют собой огромную реку поэзии, из которой будут черпать все будущие поколения».

Из газеты «Crvena Hrvatska» от 13/26 ноября:

«Мы, славяне, зовемся ли мы сербами, хорватами или еще как-нибудь, особенно гордимся тем, что этот величайший ум — наш брат по крови, славянин, русский<...> Толстой-писатель будет жить столько сколько проживет человечество, но вряд ли это можно сказать о его проповеди<...> Слава его — это слава России и всего славянства, убедительно подтвердившего, что оно не является „низшей расой“, ибо сверкание этого славянского гения освещает весь мир».

Из газеты «Hrvatski Pokret»:

«Толстой — пророк нового времени; его голос был так могуч, что заставлял дрожать даже тиранов на престоле — Романовых. Он был большей силой в Европе, чем цари Александр и Николай, чем кайзер Вильгельм. Он был живой совестью русского народа и всего славянского мира; это был величайший и честнейший славянский философ, самый яркий светоч славянства...»

Сообщая о глубокой скорби русского общества, газета «Hrvatska Sloboda» с горечью отмечала:

«Одна только русская церковь не смягчила своего гнева и не разрешает служить панихиды по Толстому — „отступнику и неверующему“<...> Как счастлива была бы Россия, если бы у нее было побольше таких „отступников“ вместо высших чиновников и членов Святейшего синода!»

В. Дорбич писал о Толстом в хорватском журнале «Ručki List»:

«Толстой был русским с ног до головы, но его благородное сердце одинаково билось для всех, особенно для угнетенных людей и народов<...> Весь культурный мир скорбит над свежей могилой этого знаменитого человека, который покоится под столетними дубами Ясной Поляны

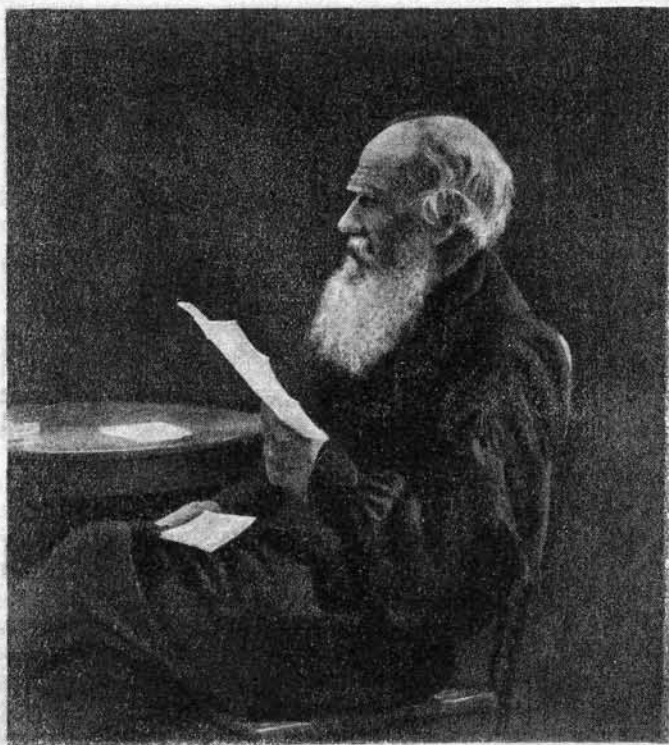
ZLATÁ PRAHA

K. VELEMÍNSKÝ: V JASNÉ POLJANĚ

Velcí lidé, vůdci duchové všeho světa nám odcházejí. Po smrti Bjornsonové Tolstoj zůstává sám, bez soupeře, je svědomím současného lidstva, věčným zpovědníkem. Stejně jest milován jako umělec, myslitel i jako člověk. A možná, že je všude více pravdom, než ve své vlasti. Není již duchovním vůdcem ruské mládeže. Noťpak, dnes v Rusku samozřejmě přikřikují a přehlíží. Vím, jeho jest, že i v revoluční horečce růstával vřem sám sobě a neprestával proti jakémukoliv

násilí stavět svou filosofii lásky. Byl odsuzován div ne jako reakčníář, on, v němž ruská vláda viděla duševního otce revoluce.

Formulu ukládají se v Rusku rozbourané viny, dostavuje se zase chladná rozvaha. Poznává se, že největší syn svého národa chvil jeně blaho a že svým způsobem, viděl daleko vpřed. Tolstého oemže ani sobě přikřikují revolucionář vyškrtnutí z dějin posledních desetiletí v Rusku.

LEO TOLSTOJ

Foto: V. G. Čertkova

ТОЛСТОЙ

Портрет, помещенный в чешском журнале «Zlatá Praha» (1910, № 49).

Одна из последних фотографий писателя. Снимок В. Г. Черткова

Библиотека Музея-усадьбы «Ясная Поляна»

<...> К единодушному хору всех племен Востока и Запада присоединяет свой голос и честный хорватский народ, восклицая: „Слава великому Толстому!“.

Из газеты «Глас црногорца» от 13/26 ноября:

«Со смертью Толстого Россия теряет одного из величайших своих сыновей, а человечество — возвышенного мыслителя и великого поэта».

Из хорватского журнала для юношества «Pobratim» от 15 декабря 1910 г.:

«...Этот человек был больше чем знаменитым писателем. Изучив свой народ, его душу, его жизнь, он хотел поднять его, помочь ему и стал его учителем и воспитателем. Эта благородная цель потребовала огромного напряжения, великой борьбы, для которой сил одного человека не могло хватить. Так его внутреннее стремление превратилось в трагедию, закончившуюся в тот день, когда этот исполин испустил свой благородный дух...»

«1910 год был черным годом для русского народа, а вместе с ним и для всего культурного человечества», — отмечала газета «Бачки напредак» 1 января 1911 г.³

Сообщение из Белграда от 25 ноября:

«В последние три дня Скупщина не работала. Как только сегодня председатель *Николич* открыл заседание и упомянул о кончине Толстого, все депутаты, как один человек, встали со своих мест и прервали речь председателя словами: „Слава Толстому“.

Председатель произнес прочувствованную речь; депутаты выслушали ее стоя.

Скупщина поручила президиуму выразить по телеграфу Государственной думе свое соболезнование и участие сербской Скупщины в горе, постигшем русский народ и весь славянский мир»⁴

* * *

В Праге, при получении известия о смерти Толстого, в знак национального траура на городской ратуше был поднят черный флаг⁵. Вся чешская печать поспешила откликнуться на печальное сообщение. В некрологах, помещенных на страницах социал-демократических изданий «Právo Lidu», «Rovnost», «Hlas Lidu», «Nová Doba», «Svoboda» и «Zář», особенно отмечалась антиклерикальная и антимилитаристская позиция Толстого, его сочувствие угнетенным массам и осуждение буржуазного строя. Толстой-художник в этих статьях, в сущности, почти обходился молчанием.

Клерикальная пресса, встретившая известие об уходе Толстого резким осуждением «атеиста» и «проповедника коммунизма», продолжала свои недостойные нападки на Толстого и в некрологических статьях. Консервативные же газеты, давая высокую оценку художественному творчеству писателя, полностью отвергали значение его публицистической деятельности, особенно осуждая ее обличительный характер и критику современной буржуазной действительности.

Младочешский буржуазный орган «Národní Listy» в некрологе, напечатанном 21 ноября, охарактеризовал Толстого как «евангелиста», который благодаря своей вере в простого человека и человечество вообще превратился в «идеального нравственного анархиста».

Газета «Čas» напечатала ряд статей о Толстом, особенно подчеркивая его теорию непротivления злу насилеи. В той же газете 23 и 25 ноября выступил с воспоминаниями о Толстом критик и философ *Ф. Крейчи*, автор книги о Толстом, назвавший покойного писателя «апостолом гуманизма», величайшим выразителем славянской души⁶.

И. Фольпрейт, в статье «Трагедия великого человека», напечатанной в журнале «Novina», писал:

«Мы поражены, мы глубоко взволнованы трагедией этого старца, в судьбе его мы видим воплощение трагизма великих реформаторов».

«С Толстым ушел гений, наложивший печать на свое время — великий поэт, великий мыслитель, великий пропагандист, великий живой пример, — заявила редакция в том же номере журнала. — На него должен равняться каждый, кто не хочет быть в наши дни только тунеядцем.

Думаем, что грядущая эпоха назовет Толстого одним из величайших критиков жизни, когда-либо существовавших на земле. Критик в нем с самого начала боролся с писателем, чтобы, наконец, почти полностью его победить».

Журнал «Zlatá Praha» в связи со смертью Толстого выпустил в свет специальный номер. В нем напечатана передовая статья *В. Червинки* «Толстой как славянский политик», а также отрывок из воспоминаний *К. Велеминского* «В Ясной Поляне» и посвященное Толстому стихотворение *А. Эуга* «Мужик».

В. Червинка отмечал в своей статье:

«Значение Толстого, этого великого поэта и мыслителя земли русской, ощущается слишком глубоко, чтобы переживаемый нами момент — когда он испустил свой последний вздох, не мог быть назван историческим <...> С его смертью завершается эпоха наивысшего расцвета и широчайшей, поистине мировой популярности русского реалистического романа. В истории цивилизации мало примеров, чтобы имя одного человека встречало такое огромное и всеобщее признание во всем мире — какое встретил Лев Толстой. Произведения его, наряду с Библией, больше всего распространены по всему земному шару, во всех слоях общества, переведены на бесчисленное множество языков — и среди них такие языки, на которые до сих пор мало или совсем не переводились европейские литературы»⁷.

Рабочий класс Чехии и Словакии выразил свою скорбь на ряде траурных собраний — в Праге, Брно, Кладно и других городах⁸.

26/13 ноября торжественное чествование памяти Толстого состоялось в пражской ратуше. Профессор философии и депутат австрийского рейхстага *Ф. Дртина* «произнес задушевную речь, сказав, между прочим, что сегодняшний день — торжество мира всех народов.

„Мы, чехи, — сказал оратор, — народ Гуса и Коменского, чествуем сегодня величайшего апостола мира, славянского мыслителя и проповедника истинного христианства“».

28 ноября в Праге состоялся многолюдный митинг, устроенный социал-демократами в память Толстого. На нем выступили *И. Коуш*, *Ф. В. Крейчи*, *Ф. Соукун* и др. В те же дни было принято решение об открытии в Праге русской библиотеки имени Толстого⁹.

На имя С. А. Толстой была направлена следующая телеграмма:

«Магистрат города Праги — столицы чешского народа — склоняется в глубокой скорби над гробом великого человека, прославленного мыслителя, бессмертного апостола Льва Николаевича Толстого. Как сыны самого западного славянского племени, мы гордимся тем, что величайший мыслитель XX века был славянин, на которого весь мир взирал с беспредельным восхищением и уважением, а имя его всегда будет упоминаться с благодарностью в истории европейского просвещения».

На следующий день Софье Андреевне была послана из Праги еще одна телеграмма:

«Чешский университет в Праге приносит вам в связи со смертью вашего великого супруга свои глубокие соболезнования. Ректор Я н о ш и к».

Вслед за тем, 26 ноября, С. А. Толстая получила телеграмму от Академии наук:

«Чешская Академия наук, литературы и искусства в Праге, с прискорбием воспринявшая весть о смерти вашего мужа Льва Николаевича,

великого мыслителя и писателя братского русского народа, позволяет себе выразить всей вашей семье горячее соболезнование. Президент Р а н д а» (АГ).

* * *

О кончине Толстого словацкая общественность узнала из телеграмм, отправленных Д. П. Маковицким к себе на родину. Первая из них была адресована газете «Narodný Noviny», где и была напечатана. Вторая, посланная родным Д. П. Маковицким, была вывешена ими в витрине писчебумажного магазина в Ружемброке, у которой в течение всего дня толпились жители города.

Словацкие газеты откликнулись на смерть писателя рядом некрологов, в которых явственно проявились тенденции, отмеченные нами выше, в обзоре чешской прессы¹⁰.

Глава VII

ОТКЛИКИ НА СМЕРЬ.— США, КУБА, МЕКСИКА, АВСТРАЛИЯ, ИНДИЯ, ПЕРСИЯ, АРАБСКИЕ СТРАНЫ, ТУРЦИЯ, КИТАЙ, ЯПОНИЯ

Вся североамериканская пресса взволнованно откликнулась на сообщение о смерти Толстого.

Выходившая на русском языке лос-анжелосская газета «Великий океан» отмечала в передовой статье 11 декабря 1910 г.:

«Меньше одним стало из тех, которыми гордится мир. И весь мир оплакивает его кончину. Нет того уголка на свете, где бы известие о его смерти не потрясло общество. И у нас в Америке известие о его смерти произвело сильное впечатление. Все газеты на всех языках оплакивают его смерть. Во всех городах устраиваются траурные митинги в его память. Большинство американских газет оплакивает его как «великого писателя».

Нью-йоркская газета «World» по получении известия о смерти Толстого поместила 21 ноября анонимную статью, озаглавленную «Толстой — великий мятежник».

«Толстой был великим мятежником двадцатого столетия, — заявлял автор статьи, — мятежником в литературе, мятежником в политике, мятежником в религии, морали, экономике; он поднял руку на все людские установления и условности, оскорблявшие его разум и совесть. Он был всемирным Лютером, в любую минуту готовым прибить к двери свои тезисы и заявить: „На том стою. Не могу иначе. Да поможет мне бог!“

Написать „Анну Каренину“ и „Войну и мир“ — это значило вступить в число бессмертных; но еще более высокое бессмертие, чем то, которое может дать литература, заслужено человеком, осмелившимся бросить вызов русскому самодержавию, Святейшему синоду, всем условностям, обычаям и законам своей касты; человеком, который, переступив через все преграды, светские и духовные, обратился с проповедью ко всему миру.

Конечно, то была проповедь странная и не всегда понятная<...> Но великих мятежников не следует понимать буквально, и нет никакой нужды слепо следовать за ними. Их задача — пробудить человечество от летаргического сна и низвергнуть идолов, которым поклоняется род людской. Они редко находят правду сами, но благодаря им другие люди обнаруживают ее, познают и доказывают. Прах Джона Брауна покоится в гробу, а душа его шествует по свету, сбивая оковы с миллионов рабов».

И хотя литературные теории Толстого так же, как его религиозные, экономические и социологические теории, могут быть легко опровергнуты, — заключал автор статьи, — «он является все же одной из самых внушительных фигур современности, и его поколение должно сказать о нем, как Наполеон сказал о Гете: „Это настоящий человек“».

В тот же день нью-йоркская газета «Brooklyn Daily Eagle» посвятила Толстому огромный некролог, в котором охарактеризовала покойного как «первейшего и гениальнейшего философа» второй половины XIX столетия, «великого писателя» и «великого романиста».

Большие статьи о Толстом появились в этот день и в других нью-йоркских периодических изданиях.

Газета «Globe and Commercial Advertiser» начала некролог о Толстом следующим высказыванием *М. Арнольда* об «Анне Карениной»: «Это не произведение искусства — это кусок жизни».

«Изречение Арнольда, — замечал автор статьи, — представляет собой квинтэссенцию мирового общественного мнения о Толстом как мастере литературы. Толстой не был художником в обычном смысле этого слова. Он не измышлял хитроумных фабул. Он не направлял действие своих романов таким образом, чтобы каждый эпизод и каждое высказывание вели с самого начала к заранее предусмотренной писателем развязке, словно в трагедии Софокла. Вместо этого он широко распахнул перед своими читателями огромное окно, давая им возможность наблюдать подлинную жизнь со всеми ее мелочами, случайностями, непоследовательностями и нитями, столь же безнадежно запутанными, как его стиль и все его изложение.

„Война и мир“ и „Воскресение“ — две книги, в которых с предельной яркостью выразился темперамент Толстого. Они подавляют вас многообразием своих достоинств. Сюжет не играет в них ни малейшей роли. Мы широко раскрываем рот от изумления при виде стремительно движущейся, кипящей толпы, состоящей из бесчисленного множества отдельных людей. И все эти созданные Толстым личности живы — по-настоящему живы; их самостоятельность возмущает вас, их чувственность вам противна, страдания их заставляют сжиматься ваше сердце. Но вам не уйти от них. Они пристают к вам, подобно навязчивым попрошайкам на улице. Руки их касаются вашего рукава, лица их обращены к вам. Это страшно, но поистине чудодейственно...»

Из «Evening Post»:

«С графом Толстым завершается эра великих современных русских писателей<...> Можно смело утверждать, что почетное место Толстого в литературе его родины, а в особенности за рубежом России, всегда будет связано с его двумя крупными романами — „Войной и миром“ и „Анной Карениной“. Оба эти романа принадлежат к величайшим произведениям мировой литературы...»

Из «Evening Telegram»:

«Толстой — одна из живописнейших личностей нашего времени. Он выпячивается над всеми как романист, историк, социальный реформатор и мистик».

Из «New York Daily Tribune»:

«Как нравственный и социальный учитель и реформатор, Толстой потерял свое влияние уже много лет назад, однако во всем мире останется особенно памятной первая фаза творческого пути Толстого, когда он был простодушным и чистым художником, автором „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, со товарищем по литературному поприщу Тургенева, Гоголя и Достоевского. Эта часть его творчества будет продолжать жить и оказывать влияние через долгое время после того, как туманности, путаница, непоследовательности и противоречия его миросозерцания будут сданы в архив забытых философских учений».

Из «New York Times»:

«Нравственное влияние лучших книг Толстого (отнюдь не тех книг, которые он считал самыми лучшими в последние годы своей жизни) было очень велико. Их литературные достоинства великолепны. Нам кажется,

что влияние Толстого на литературу было гораздо сильнее за пределами России, чем на его родине...».

В том же духе высказалась накануне и нью-йоркская газета «Sun»: «Толстой, как это ни странно, имел гораздо большее влияние за рубежами России, чем в самой России».

Знаменитый писатель У. Д. Хоуэлс (об отношении которого к Толстому см. в кн. 1-й настоящ. тома) сделал следующее заявление, появившееся в «New York Herald» 21 ноября:

«Я думаю, что Толстой был поистине великим человеком и поистине добрым человеком, быть может, величайшим и добрейшим человеком своего времени. Граф Толстой был реалистом и в искусстве и в жизни. Точно определить, какое влияние оказывал он на современное человечество, — нелегко, но полагаю, что влияние это было огромно...»

Сын известного экономиста Генри Джорджа, Г. Джордж-младший, лично знакомый с Толстым (см. о нем в кн. 1-й настоящ. тома), сказал: «Я считаю, что граф Толстой является одной из величайших духовных сил в мире, и сила эта еще больше возросла после его смерти».

Автор анонимного некролога, помещенного в «Chicago Daily News», писал о Толстом:

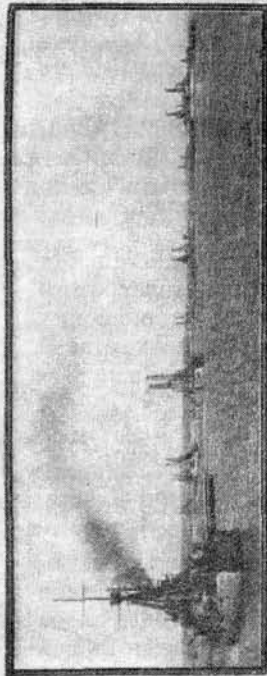
«Это человек, одаренный громадным творческим гением; его проповедь, обращенная к человечеству, взволновала мыслящих людей во всем мире, но он не сумел бы сделать и малой толики того, что сделал, если бы не был абсолютно искренен<...>

Человечество будет чтить память этого искреннего учителя и великого человека. Его философия любви и труда, простой и мирной жизни, несмотря на крайности, которые он ей придал, содержит в себе проникновенный урок для рода человеческого, и этот урок нельзя ни отменить, ни забыть».

В другой чикагской газете — «Chicago Record Herald» — появилась статья под названием «Одинокая, неповторимая, героическая личность», анонимный автор которой писал:

«Недостатки и заблуждения Толстого были известны. Он мог быть до крайности нелогичен в своих непримиримых призывах к логике, непоследователен в своем настойчивом требовании строгой последовательности, мог быть парадоксальным и предаваться фантазиям. Он требовал от себя, от других, от всей современной цивилизации невозможного. Он с презрением отрицал науку и философию, почитая их пустейшей болтовней. Он с легкостью обвинял и осуждал исторически сложившиеся установления, нации, общества. Художник редкого дарования, он пришел, в конце концов, к отрицанию высочайших произведений искусства, включая свои собственные, и выдвинул для художников такие правила, которые, если бы им последовали, привели бы искусство к гибели. Он сознательно игнорировал законы эволюции, природы и общественной жизни. Он проповедовал такое политико-социальное учение, которое человечество при всем желании не могло бы осуществить. Он обличал собственность, кооперацию, разделение труда, семью, государство. Он невольно пришел к мрачному, фаталистическому пессимизму, сделавшему его равнодушным даже к вымиранию человеческого рода, — и считал если не добродетелью, то долгом поведение, которое бы к этому привело.

Но, несмотря на эти и многие другие странные черты, Толстой был великим человеком — одним из величайших людей нашего времени. Он был велик и в нравственном, и в интеллектуальном, и в художественном отношении. Он обладал гением и той способностью к неустанному труду, который делает гений творчески плодотворным. Там, где другие были бы просто смешны, он был божественно велик. Он возбуждал горячее

Part of the American Fleet in Weymouth Harbour.
The English flag ship, *Dreadnought*, lies in the foreground.

renomination, have given Mr. Roosevelt the worst black eye he has received since he entered politics. New Jersey, and Governor Harmon was re-elected by the Democrats at the election of a Democrat as the next President. The Democrats converted the Republican majority in the House of Representatives into a Democratic majority of fifty, and have gained such a hold upon the State legislatures that the Republican majority in the Senate will be reduced to ten, of whom at least half a dozen are insurgents. High prices, rightly or wrongly attributed to the tariff, and a growing feeling of impatience with the great trusts and corporations, which have made the Senate their pocket borough and the Cabinet their tool, are the causes which contributed most largely to this remarkable overturn. Mr. Roosevelt is a clever man, but at this election he was too clever by half. He tried to straddle the insurgents of the West and the more or less Conservative Republicans of New York, and, as a result, he came what may colloquially be described as a howling cropper. He could not have fared worse if he had stuck to his Osowawatomie programme in New York. But, to use his own classic phrase, "he was beaten to a frazzle" in his own State, even his own district could capture Bay voting against him. Mr. Woodrow Wilson, Principal of

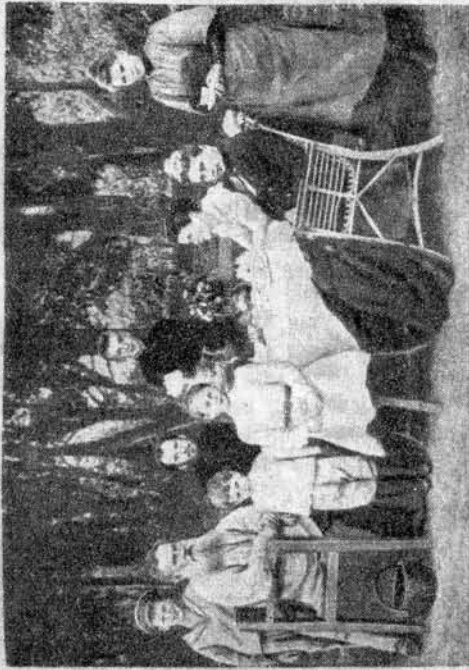

Tolstoy's Funeral.
The Rocky Sorrow: "You can't come in here."
The Russian People: "No, we can't. He's too great a man for you."

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО В АВСТРАЛИЙСКОМ ЖУРНАЛЕ «REVIEW OF REVIEWS» (ФЕВРАЛЬ 1911 г.)

Слева фотография — Толстой в кругу семьи. Справа карикатура — сатирический отклик на запрещение Синода служить панихиды по Толстому в русских церквях

Подпись: «Похороны Толстого». Связейший синод: «Вам нельзя сюда входить». Русский народ: «Да, нельзя. — Он слишком велик для вас».

Tolstoy, the Countess, her three Daughters and the Youngest Son at Home.

side of leading a life of compromise, left his ancestral home "given to my great-grandfather for committing murder," he told me, and was dead forth, accompanied by a physician, to lead the simple life in solitude. The incredible result followed with startling rapidity. "It is all very well," said his wife to me twenty-five years ago, "for him to talk about living the life of a peasant. He would not long survive. But for me he would have been dead years ago. Whenever he does a day's ploughing he is ill for a week. If I did not interfere, his attempts to lead what he considers the only true life would have long ago brought him to his grave." Last month he escaped from the beneficent providence of his household to pass the rest of his days according to his ideal. The consequence, which his fool wife had foreseen speedily followed. Unable to privation, he caught cold, and, after a few days' illness, during which the whole human race stood, as it were, outside the way-side railway station at Asarovo, he died at the age of eighty-two. His wife was not admitted to his bed-

The Divorce Commission has not yet concluded its labours, but last month it took some very remark-

REVIEW OF REVIEWS FOR AUSTRALASIA. MELBOURNE, v. 38, February, 1911. p. 536-7.

was that which was brought forward by Miss

восхищение даже в тех, кто резко расходился с ним во взглядах. Как моралист, провидец, апостол праведной жизни и самоуничтожения, он напоминал пророков древности. Его убежденность, его вера в основные учения религии — так, как он их толковал, его прославление человека простого, скромного и свободного и беспощадное, убийственное разоблачение тщеславных „сверхчеловеков“, почитающих себя вершителями людских идей во время войны и мира, — все это придает поразительным, грандиозным книгам Толстого волшебную силу и действует почти гипнотически. Его стиль часто небрежен и неровен, но он жив, силен, неотразим<...>

Исчезновение такого человека, как Толстой, для литературы и морали — то же, чем было бы исчезновение горы для физического мира. Оно оставляет ужасающую пустоту».

Посылая С. А. Толстой вырезки из «Chicago Daily News» и «Chicago Herald» со статьями, цитированными выше, чикагский архитектор Дж. Бомон писал 22 ноября 1910 г.:

«Чувства, выраженные в них, — это чувства всего американского народа. Мы, жители Америки, высоко почитали вашего покойного супруга и глубоко сочувствуем вашей огромной утрате» (АТ).

* * *

«Куба готовится чествовать память замечательного писателя и философа!» — писала 21 ноября гаванская газета «Lucha», почти ежедневно помещавшая в это время на своих страницах материалы о Толстом. — «Все человечество в трауре. Умер один из тех людей, которые, словно маяки, освещают сознание целой эпохи, указывают новые пути и открывают новые горизонты взору, жаждущему света и истины».

«Присоединяемся ко всеобщему выражению скорби в связи с уходом из жизни Толстого, который, безусловно, является одной из крупнейших фигур нашего времени», — заявил гаванский журнал «Bohemia» в номере от 26 ноября и подробно охарактеризовал творческий и жизненный путь умершего писателя.

Критике философского учения Толстого посвятила статью гаванская газета «Diario de la Marina» в вечернем выпуске от 21 ноября¹.

* * *

Заметное место уделила уходу и смерти Толстого и мексиканская печать. В каждом номере ежедневных газет публиковались телеграммы из Петербурга и из Астапова, нерепечатывались отклики из европейских и североамериканских изданий и некрологи. Из оригинальных статей можно отметить некролог Х. Худериаса и Э. Самакоуса в «Revista de Revistas» от 27 ноября.

* * *

Австралийская газета «Argus» посвятила памяти Толстого 26 ноября передовую статью, в которой читаем:

«Лев Толстой был одним из величайших людей современности. Мы можем не соглашаться ни с одним из мнений, которые он с такой силой и неослабевающим энтузиазмом провозглашал в последние годы своей жизни, но должны признать, что за все время существования нашей планеты редко появлялись люди, более значительные, чем он. Даже глупость толстовцев не может затмить в наших глазах того обстоятельства, что их учитель поистине являлся одним из величайших пророков. Пусть учение его было ложно, он был тем не менее великолепным учителем; он заставил мыслить тысячи людей, сотни тысяч пробудил от апатичной

удовлетворенности существующим положением вещей. Можно с уверенностью предсказать, что лет через сто его слова и деяния будут изучаться столь же терпеливо и тщательно, как мы изучаем ныне слова и деяния Гете; вокруг его имени вырастет целая литература, столь же обширная, как литература, выросшая вокруг имени Наполеона. В настоящее же время, однако, нам угрожает опасность упустить из виду самую важную сторону его величия — силу художественной выразительности. Он был настолько значительней, чем просто писатель, что мы можем позабыть о следующем важном обстоятельстве: влиянием на сотоварищей по перу он, прежде всего, был обязан своему великолепному литературному дарованию. Он был романистом, прежде чем стал пророком, он был художником, прежде чем стал проповедником; самое главное в нем — его талант рассказчика. Он отрицал свое собственное искусство, но не сумел лишить себя своей художественной силы; его последний роман „Воскресение“ и по замыслу и по исполнению — произведение не менее изумительное, чем все, что было им написано до „обращения“ <...> Толстой — величайший из реалистов. Есть и другие пути для изображения правды, кроме реализма, но Толстой не мог допустить другого пути <...> Многие тысячи читателей Толстого — и не только его последователи, но даже те, кто самым резким образом не соглашается с наиболее дорогими ему сторонами его учения, — согласятся, что к нему применимы слова Ксенофонта, сказанные о Сократе: „По правде говоря, когда я думаю о мудрости и величии души этого человека, то чувствую, что мне так же трудно его забыть, как отказаться от восхвалений, когда я его вспоминаю“»².

* * *

Сильнейшее впечатление произвела смерть Толстого в Индии, где его морально-этическое и религиозное учение имело огромное влияние и многочисленных последователей.

Газета «Indian Opinion» отмечала 26 ноября:

«О покойном графе Льве Толстом мы можем писать только с благоговением. Он был для нас больше, чем один из величайших людей своего времени. Мы прилагали усилия к тому, чтобы следовать его учению, насколько это возможно и насколько мы его понимали. Конец его земной жизни лишь подвел черту под той гуманной деятельностью, которую он начал так неподражаемо осуществлять. Толстой не умер: он живет во всем мире. Мы твердо верим, что с течением времени его учение будет все больше и больше проникать в души людей. Набожный христианин, он сумел понять истинную сущность не только христианского вероучения, но и всех великих религий мира, и показал, как ни один другой вероучитель — по крайней мере в Европе, — что современная цивилизация, основывающаяся на грубой силе, представляет собой отрицание в человеке божественного начала, что для того чтобы человек осознал свою человеческую сущность, он должен, прежде всего, отказаться от грубой силы в пользу любви. Возможно, что письмо его к г. Ганди, которое мы воспроизводим на первой странице, было одним из последних, если не самым последним из того, что начертано его рукой. В нем он словно предчувствует свой конец, и то обстоятельство, что яснополянский мудрец рассматривал трансваальскую битву как событие мирового значения, должно явиться для индийских сторонников непротивления большой поддержкой и доставить им горестное удовлетворение»³.

Из индийского журнала «Modern Review» (декабрь):

«В лице графа Толстого покинула человечество одна из величайших личностей. Мы более не увидим его в телесной оболочке, но с течением времени его влияние, несомненно, еще усилится и его будут читать еще

больше. Его романы трогают даже тех, кто не привык предаваться серьезным размышлениям. Однако все, кто заинтересован в прогрессе человечества, не могут не задуматься над тем, что им написано о мире и войне, о непротивлении и о философском анархизме.

* * *

Центральный комитет и парламентская фракция персидской демократической партии и редакция газеты «Iran Now» послала семье Толстого следующую телеграмму на французском языке:

«Живейшие соболезнования в связи с утратой великого философа, защитника угнетенного человечества. Неужели недостаточно было для нас неслыханных переживаний и ужасов, которыми мы обязаны англо-русской дипломатии? — теперь наша скорбь еще усилилась в связи со смертью того, кто облегчал жизнь угнетенных и вселял в них надежду, что придут прекрасные дни свободы и братства» (АТ).

Любопытно описание толстовского вечера в персидском городке Энзели, появившееся 1 декабря 1910 г. в «Русских ведомостях» (за подписью А.). См. его перепечатку в книге Б. Мейлаха «Уход и смерть Толстого».

* * *

«Вся арабская печать без различия политических взглядов и религиозных убеждений, христианская и мусульманская, масонская и клерикальная, умеренная и радикальная, все журналы и газеты, не исключая и мелких листков, — все без исключения горячо оплакивают „великого московитского мудреца“, „единого из немногих“, „единственного во всем мире философа и проповедника“, — писал корреспондент «Русских ведомостей» из Бейрута. — „Альмукатта“, „Альхдара“, (юный орган арабской парламентской группы, издаваемый в Константинополе), „Альи храм“, „Аззухур“, „Лисануль-халь“, „Альмугаззеб“ (орган сирийских масонов, издающийся в Захли), „Альбарк“ и другие многочисленные издания посвящают покойному писателю, „впервые сокрушившему узы, связывающие религию с политикой в России“, обширные статьи с изложением его биографии, его религиозных и политических взглядов. Некоторые органы поместили его портрет, где он изображен с обнаженной головой, в белой блузе и русских сапогах, на скамейке под деревьями.

„Альбарк“, поместивший этот портрет на первой странице, патетически восклицает: „Какое величие в этих сединах, какой ум в этих огненных глазах! Вот философ, пред которым можно только преклониться (<...> Есть царство, на престоле которого сидит мудрость. Короной ей служит вдохновение, законом — божественное откровение. Это царство философии с высоким развевающимся знаменем, под которым собираются вожди мысли и избранники человечества, огненным мечом рассеивающие мрак, дабы над миром занялась заря правды... Но почему это знамя, вчера еще столь гордое и высокое, сегодня так низко приникло к земле, словно подстреленная птица, как будто в этой земле оно ищет потерянное сокровище или дорогого возлюбленного? В земле, в гробу лежит Толстой. Вот скорбная весть, принесенная нам сегодня, взволновавшая весь мир, все человечество... Да, все человечество, все народы потрясены этим известием, ибо умер царь человеческой мысли“.

Алепская газета «Ашшаб» в передовой статье пишет:

„Умер философ Толстой. Толстой был великим, величайшим и благороднейшим из людей... Где славные поэты и знаменитые писатели? Пусть соберут они всю силу своего творчества и ума, чтобы в стихах и прозе

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ
ТОЛСТОГО В КИТАЙСКОЙ
ГАЗЕТЕ «ШЕНЬЧЖОУ ЖИБАО».
20 ДЕКАБРЯ 1910 г.

東 方 報 譯 二 十 二 期			
詞 漢	一 二 七 〇 〇	一 二 〇 〇 〇	二 七 七
文 部	八 七 〇 〇	八 〇 〇 〇	一 四 五
農 商 部	一 四 〇 〇 〇	七 三 〇 〇 〇	二 二 七
通 信	七 七 六 〇 〇	五 六 〇 〇 〇	二 二 三
合 計	五 四 二 一 〇 〇	一 四 〇 八 〇 〇	一 一 六 六 一

二十日 俄羅斯大文豪託爾司泰卒
本於亞斯波波夫之號。本日俄報下開列之。讀者全讀其悼之。其悼。神州日報記事。語之同詳。
今錄之如左。
託爾司泰(吾國通譯亦作屠格涅夫)伯爵之國。已傳聞於世界。其悼。神州日報記事。語之同詳。
其生平。以誌哀悼也。
託氏之在今世。殆如莊生所謂之真人。彼蓋以道為本。以天為門。與吾古之至人。頗多契合。從此可知大德之在天。雖謂之。宛如清風明月。足見之以成。其德。此氏之在北。亦必有所見於此也。
託氏生於一千八百二十八九月九日。係俄國八月二十八日。方二歲。即徙居於叔母之千十六號。入
加薩大學。二十一歲。畢業。後得受考。得學士位。一千八百五十一。年。退隱。其為儒術之計。然於晚年。被
擢為士官。入第二十號。侯。方以身為貴族。俄之新。其德。其德。其德。
九十五 庚戌

оплакивать смерть Толстого. Но пусть не говорят они, что он был человеком, подобным всем людям; он был единым из единых, единственным среди современников, живых и умерших»

Из триполиской газеты «Альбэжаль»:

«Знал ли XIX век, что он родит могучую силу, от которой содрогнется весь западный мир и поколеблются короны? Знал ли XX век, что идеи его предшественника созреют в нем в революцию, разрушившую наследство прошлых веков и создавшую новых людей, новое человечество? Знали ли благородные русские фамилии, что среди дворцов явится меч возмездия, подрезывающий корни, напившиеся кровью гнилого прошлого?.. Знали ли русские, что их великий философ хочет, чтобы человек был человеком, а не животным... Толстой — это великий мудрец XX века, это апостол мира и всечеловеческого братства»⁴.

Из некролога, помещенного в египетской газете «Journal du Caïre»:

«...Угасла великая мысль, и русский народ теряет в Толстом одного из людей, больше всего содействовавших его переходу на путь прогресса».

* * *

«Телеграфные депеши принесли нам одну из тех печальных и прискорбных новостей, которые глубоко ранят сердце литературной элиты всего человечества <...>, — писал в константинопольской газете «Jeune Turc» А. А. 18—19 ноября. — Нас покидает современный Сократ <...> Толстой, как все великие гении, принадлежит не только России, славой которой он является, но и всему человечеству <...>

Для нас, людей Востока, идеи и мысли Толстого не представляют той свежести и новизны, какую они имеют для Запада, где вследствие своего контраста они нашли столько поклонников; наши суфии, наши мистики приобщили нас к этим идеям уже давно <...> Но, тем не менее, этот русский Молани могущественно велик, и в день, когда его благородная и отважная, подлинно русская душа восторгается над слепыми и вредоносными силами, которые ее дают, Восток вознесет хвалу этой душе — как одному из прекраснейших, благороднейших выражений человеческих стремлений».

«Если в массе турецкой читающей публики Толстой известен больше понаслышке, с чужих слов, — среди интеллигенции, где знание французского языка широко распространено, каждое новое произведение Толстого вызывало живую комментировку, — писал корреспондент «Русских ведомостей» из Константинополя. — Понятно, какая горечь охватила образованных турок при вести о кончине Толстого <...> Позабыв на минуту волнующие общество политические споры и дразги, газеты и журналы посвятили памяти Толстого ряд сочувственных статей <...> В статьях о Толстом, навеянных его смертью, прежде всего подчеркивалось значение его как моралиста. Турок привлекала к себе идея Толстого о нравственном очищении и усовершенствовании человека, и, рассуждая об этом, газета „Танин“ высказывала мысль о необходимости перевода на турецкий язык „Анны Карениной“, потому что такие произведения Толстого, как „Анна Каренина“ или „Власть тьмы“, способны оказать благотворное влияние на взгляды общества.

Еженедельный иллюстрированный журнал „Сервети Фюнюн“ большую часть своего № 1017 от 18 декабря отвел Толстому, поместив в траурной рамке портрет писателя и несколько снимков из его жизни. Результат чтения — подчас беспорядочного — французских книг, эти статьи, вообще говоря, заключают в себе очень мало оригинального, но они характерны как пробудившийся в Турции интерес к „долготерпеливому печальному русскому народу, который страстно рвется к свободе и справедливости“. И не без грусти констатирует один из авторов статей, Хамдулла *Субхи*, тот факт, что со смертью Толстого ушло со сцены резкое противоречие русской действительности, коловшее глаза официальным сферам, и что теперь там, в России, царит безраздельно покорное бесправие»⁵.

В Константинополе, после получения известия о смерти Толстого, состоялось «соединенное заседание всех ученых обществ», посвященное его памяти⁶.

* * *

«Сообщение о смерти Толстого было отмечено всей китайской печатью с чувством глубокой и искренней скорби, — читаем мы в одном из сообщений. — В общем, все газетные статьи, поместив биографию и портреты Толстого и говоря о значении совершившегося факта, в самых лучших выражениях отзываются об обаятельной личности покойного, не находя достойных имен в истории, с кем бы можно было сравнить его славное имя. Газеты награждают покойного писателя эпитетами „Великий философ“, „Маститый герой литературы“, „Религиозный реформатор, более глубокий, чем Мартин Лютер“.

Разбирая книгу „В чем моя вера“, газета „Мин Ли-пао“, издающаяся в Шанхае, такими словами, обращаясь к читателям, заканчивает свой отзыв о ней:

„Есть ли в нашей современной литературе книга, более ценная, чем эта? Есть ли среди современных китайских писателей равный Тол-

стому, который имел бы такое же могучее и бесстрашное сердце, как последний?»

Китайские газеты воспроизвели адреса, посланные Толстому в день его восьмидесятилетия из разных стран, в том числе и австралийский, где, между прочим, читаем: „Вы выше королей, имя ваше будет живо в грядущих веках, когда имена первых будут уже совершенно забыты“, а также адрес, присланный из Шанхая, из международного сэттльмента, под которым подписались не только китайцы, но и представители многих наций»⁷.

Газета «Шеньчжоу жибао» напечатала в номере от 20 декабря подробную биографию Толстого, назвав покойного гуманистом и «истинным человеком» в толковании древнего мудреца Чжуан-цзы. Газета отмечала, что суждения Толстого во многом совпадают с суждениями древних китайских философов.

* * *

Известие о смерти Толстого было принято с глубокой скорбью и в Японии. Почти все газеты поместили некрологи покойного писателя, его портреты, сообщения русского, нью-йоркского, берлинского и других телеграфных агентств с подробностями о его смерти и похоронах. Университеты, ученые общества и литературные кружки посвятили Толстому рефераты и некрологи. «Статьи газет сочувственно разделили утрату, понесенную Россией. В Токийском университете студенты пожелали на свои средства выписать из России бюст Льва Николаевича для помещения его в парке Университета. Многими общественными деятелями отправлены в Россию сочувственные телеграммы»⁸.

Газета «Осака асахи симбун» от 22 ноября напечатала, наряду с многочисленными материалами о покойном писателе, некрологическую заметку «Последние сведения о Толстом», в которой читаем:

«Толстой, борец за мир, трижды за короткое время взволновал весь свет — сначала своим уходом, затем болезнью, затем смертью<...> Его часто упрекали в непоследовательности, но время всегда доказывало внутреннюю логику его поступков»⁹.

Хироси Сэмэй поместил во второй ноябрьской книжке журнала «Рося бунгаку» статью «Толстой и современная литература», в которой дал исключительно высокую оценку реалистическому методу покойного писателя, его глубокому и верному изображению природы.

Журнал «Васэда бунгаку» поместил в декабрьском номере заметку, посвященную Толстому.

«Наше состояние при получении ужасного известия о смерти Толстого, — отмечала редакция, — можно было сравнить с водоворотом, в котором смешались чувства испуга, скорби и неверия в случившееся. В этом состоянии смятения мы приступили к составлению плана специального траурного номера нашего журнала. Вдруг поступила телеграмма с опровержением известия о смерти Толстого. Оставаясь в том же состоянии смятения, мы прекратили подготовку траурного номера, и в тот день, когда завершили верстку нашего обычного выпуска, мы вновь получили подтверждение о том, что в шесть часов утра 20 ноября Толстого не стало. От этого мы совсем утратили чувство реальности. „Толстой жив“ — „Толстого не стало“. Подобно дыму, клубились над нами два исключаящих друг друга заголовка. „Это просто наваждение!“ — только и оставалось воскликнуть нам. И мы решили оставаться в состоянии наваждения пока луч фактов не осветит этот туман. И если, к несчастью, наступит время, когда мы должны будем отмечать годовщину ухода от нас величайшего в мире человека, мы, хоть и с опозданием, выпустим посвященный Толстому номер. „Это просто наваждение!“ — хочется повторить нам».

Газета «Осака майнити симбун» в номере от 25 декабря поместила некролог Толстого, присланный писателем *Кикиути Хироси* из Парижа.

«Однообразная европейская культурная жизнь,— писал Кикиути,— была нарушена грохотом от падения огромного столпа. Грохот этот, прокатившийся по всей Европе, проник в глубины людских сердец. Смерть великого Толстого! Человека, рядом с которым нельзя было поставить никого из представителей культуры в современной Европе, человека, по праву считавшегося гордостью России, понесшей утрату, которая стала огромной утратой и для всего мира. Не стало величайшего из великанов. В дни, когда суровая природа Севера покрыла землю снегом и когда свирепствовали бураны, он покинул жену, дом, родные места и встретил смерть на маленькой станции подобно бесприютному путнику<...> Европейцы видят в этом нечто мистическое, непонятное, но для японцев это близко и понятно<...> Толстой среди ночи внезапно встал и ушел из дому,— не говорит ли это о том, что в этот миг перед ним блеснул луч, озаривший ему какой-то новый путь; не говорит ли это о том, что ему недостаточно было тех духовных вершин, которых он достиг? Не говорит ли это также и о том, что он увидел цель своих исканий и что именно это заставило его отправиться в новое странствие. Весьма печально, что этот великий человек, подобно отбившейся от стада овце, закончил свой скорбный жизненный путь, так и не найдя того, что он искал, так и не увидя того, что хотел увидеть».

Называя «бессмертными творениями» «Войну и мир» и «Анну Каренину», автор статьи определяет эти романы как огромный вклад в сокровищницу мирового гуманизма. Особенно отмечает он совершенный реализм Толстого, а также его острую наблюдательность. По словам Кикиути, Толстой настолько многогранен, что его творчество «должно быть сравнено с творчеством Мольера и Шекспира, Гюго и Золя».

Большую статью известного критика *Нобори Сёму* «С грустью о Толстом» напечатал 1 декабря японский общественно-политический и художественный журнал «Тюо корон»:

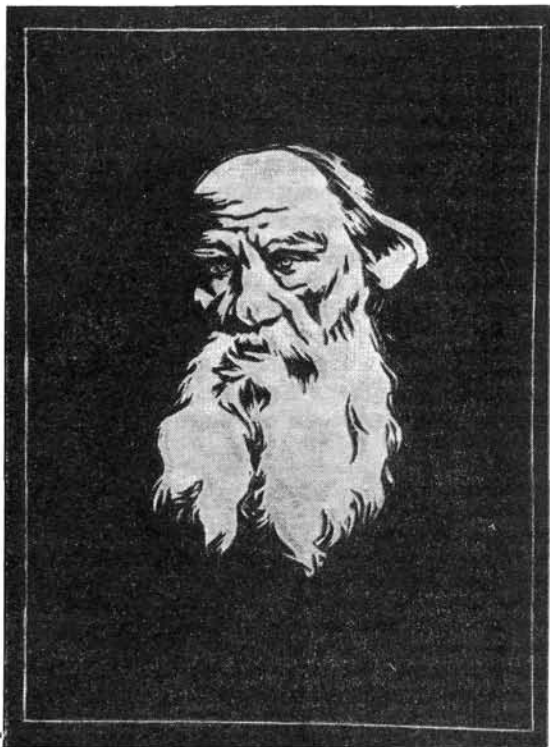
«Вся жизнь Толстого была жизнью на кресте — жизнью непрерывных тревог, сомнений и страданий<...> Его мозг не мог удовлетвориться какой-либо одной верой. Ни светлые стороны жизни, ни ее мрачные стороны не могли убить в нем пылкого и яростного стремления проникнуть до конца в сущность вещей<...> Постоянными спутниками его души было неверие, неудовлетворенность, тревога, и благодаря им он постоянно оттачивал свое мастерство».

Писатель *Накадзава Ринсэн* в журнале «Васада бунгаку» (январь 1911 г.) отмечал, что горячо любит Толстого как художника, но отнюдь не является почитателем его нравственно-религиозных взглядов. Внимательно изучая жизнь Толстого, нельзя не убедиться в том, что между юным офицером, ведущим разгульную жизнь в Севастополе, и старцем в крестьянской одежде, питающимся вегетарианскими блюдами в Ясной Поляне, нет резкого различия — это один и тот же человек. Жизнь Толстого не может быть разделена на два резко противоположных друг другу этапа. Она либо абсолютно неизменна, либо представляет собой цепь непрерывных изменений. Толстой вопреки всем жизненным условиям продолжал идти по своему естественному пути, в раз навсегда избранном направлении. Единственным крупным недостатком Толстого Накадзава считает иллогизм его рассуждений. Это отчасти врожденный недостаток, отчасти же он вызван общественным строем России, лишившим возможности подвергать все происходящее холодному анализу, а также несомненным влиянием идей Руссо, который находил, что разум ведет человечество к деградации.

ТОЛСТОЙ

Портрет, помещенный в сербском журнале «Венац» (1910, № 40 от 5 декабря) в связи со смертью Толстого

Обложка. Рисунок художника Карела Ежи

В литературном журнале «Сиракаба», № 1 от 1 января 1911 г., появилась статья «О Толстом» Янаги Мунэёси:

«Личность Толстого, — писал он, — стоит выше государства. Сейчас, когда под предлогом „прекрасных жертв“ у нас попирается личность, — жизнь этого человека, его произведения являются примером того, каким авторитетом может пользоваться индивидуальность<...>

Состояние культуры в Японии находится в противоречивом положении<...> Когда социалистов бросают в тюрьмы, а издание и продажа их книг запрещаются, изголодавшееся общество горячо приветствует распространение идей графа Толстого. И что же, сейчас, после смерти Толстого, силы, преследовавшие свободную мысль, принялись оплакивать и воспевать его<...> Это происходит потому, что они понимают, насколько это неизбежно, необходимо. Текущую реку остановить нельзя<...> Япония, переживающая сейчас противоречивое время, это Япония будущего».

Толстой, по словам Янаги Мунэёси, представляет собой такое сложное явление, которое не может быть полностью охвачено каким-либо одним определением. — «Вторая половина прошлого столетия была разбужена его львиным рычанием».

«Время не хоронит Толстого, как человека прошлого<...>, — заключал автор статьи, — и нет таких людей на свете, которые не ждали бы его второго рождения»¹⁰.

* * *

Мы привели многочисленные отклики иностранных деятелей культуры и органов печати на уход и смерть Толстого, дающие в своей совокупности довольно точное представление об основных особенностях мирового

общественного мнения в глубоко трагические дни 1910 г. Со страниц разноязычных газет и журналов начала века с неожиданной силой прозвучали взволнованные и волнующие голоса современников Толстого. Стремясь извлечь из бесчисленных некрологических статей наиболее значительные, яркие и характерные высказывания как знаменитых писателей, так и безвестных сотрудников периодической печати, мы не сочли возможным полностью игнорировать и другого рода отклики — озлобленные выпады реакционных публицистов, воинствующих клерикалов, продажных и невежественных журналистов, — без них картина международного общественного мнения была бы недостаточно верна и объективна.

Посмертный апофеоз Толстого, не имевший себе равного в истории мировой литературы, — неотразимое свидетельство огромного значения великого русского писателя в жизни всего культурного человечества. Значение это было вполне осознано современниками Толстого и сохранилось во всем своем немеркнущем блеске для последующих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Action», 19.XI 1910.

² «Tribuna», 17.XI 1910.

Глава I

УХОД ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ.— БОЛЕЗНЬ

¹ Т. Вольф в «Berliner Tageblatt», 21. XI 1910.

² «Illustration», 19.XI 1910.

В отдельных органах иностранной печати появилось предположение о том, что исчезновение Толстого объясняется его тайным арестом русской политической полицией (см. «Presse» (Монреаль), 12.XI 1910).

³ «Биржевые ведомости», утр. вып., 15/2 ноября 1910 г. Интервью с Л. Л. Толстым см. также в «Journal», 14.XI 1910.

⁴ По-видимому, речь идет о «Русском слове», на страницах которого появились в эти дни статьи о Толстом Ж. Ришпена и В. Маргерита. Ряд высказываний французских писателей, напечатанных в этой газете, приводятся нами в настоящем обзоре.

⁵ «Биржевые ведомости», веч. вып., 15/2 ноября 1910 г.

⁶ Цитируется по «Биржевым ведомостям», утр. вып., 14/1 ноября. — Отсутствие в советских и многих зарубежных книгохранилищах ряда иностранных изданий вынуждает нас здесь и в дальнейшем использовать выдержки, приводившиеся в русских газетах того времени, хотя перевод их, вероятно, далеко не всегда точен.

⁷ «Times», 15.XI 1910.

14/1 ноября 1910 г. ноября корреспондент «Утра России» посетил в Лондоне Кропоткина, который сказал ему:

«Я глубоко люблю и уважаю Толстого. Последние известия меня сильно потрясли, но не удивили: уже тридцать лет назад, со времени знакомства Толстого с народниками-революционерами, он понял, что есть люди, живущие согласно своим убеждениям, которые ведут простую жизнь среди народа, работая для него. Уже с этих пор началась для Толстого та тяжелая жизнь, которая привела его, наконец, к решительному шагу. Противоречие между внутренними убеждениями и жизнью, основанною на пользовании чужим трудом, — это драма всех лучших русских людей нашего времени».

Кропоткин сообщил корреспонденту, что работает над большой статьей о Толстом. Статья эта вскоре появилась на страницах «Утра России» (21 ноября/4 декабря 1910 г.). Кропоткин писал в ней:

«В бытность мою в Америке в 1901 г., едва там разнеслась весть о намерении русского правительства арестовать Льва Николаевича Толстого, миллионы людей уже готовились выступить с громаднейшим протестом, если бы только арест состоялся. И тогда же меня поразило, насколько в популярности великого писателя было личной любви к человеку».

Волнение, охватившее на днях миллионы людей во всем цивилизованном мире при получении известия об удалении великого старца из своей семьи, а потом его болезни и смерти, воочию показало, насколько широко разлита эта любовь.

Нет никакого сомнения, что главная причина популярности Толстого — в его религиозном и нравственном учении и в его попытке устроить свою жизнь в согласии со своим учением. Но несомненно и то, что полюбили его во всех странах образованного мира в особенности за его *искание правды*, за страдания, пережитые им в этом искании,

за искренность, с которой он рассказывал свои сомнения и слабости и свою внутреннюю борьбу<...>

Насколько глубоко влияние Толстого, мы могли убедиться на днях. Но оно, несомненно, еще далеко не достигло полной силы. Как росло влияние Руссо после его смерти, так будет расти и влияние Толстого<...> Силою своего убеждения и любви к народу и могуществом своего художественного гения он распешил лучшие струны человеческой совести; а последним своим поступком — удалением от чуждой ему семьи, с мыслью посвятить остаток сил великому делу пробуждения общественной совести, — он безбоязненно, правдиво, как истый боец, завершил свою жизнь».

⁸ «Речь», 20/7 ноября 1910 г.

⁹ «Русское слово», 15/2 ноября 1910 г.

Отметим высказывание немецкого писателя *П. Гейзе*, сделанное итальянским корреспондентам. Гейзе назвал Толстого «комедиантом», а его уход — «рекламным поступком», вызванным «старческим слабоумием или тщеславием».

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, 16/3 ноября 1910 г.

¹⁷ Там же, 15/2 ноября 1910 г.

¹⁸ Там же, 16/3 ноября 1910 г.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, 15/2 ноября 1910 г.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. — См. в книге Б. Мейлаха ряд других высказываний представителей католической церкви («Уход и смерть Толстого», М. — Л., 1960, стр. 43—44 и 51—53).

²⁷ См., например, «Neuer Wiener Tageblatt», 14.XI; «Action Française» и «Stampra» 16.XI; «Excelsior» 17.XI; «Droits de l'Homme» 27.XI и многие другие.

²⁸ Цит. по «Русским ведомостям» от 22/9 ноября 1910 г.

²⁹ Цит. по «Русскому слову» от 17/4 ноября 1910 г.

³⁰ Перевод с венгерского Ж. Зёльдхейн.

³¹ Цит. по «Русскому слову» от 21/8 ноября 1910 г.

³² Цит. по «Русскому слову» от 21/8 ноября 1910 г.

Глава II

ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ.— НЕКРОЛОГИ.— МАНИФЕСТАЦИИ.— ОПРОВЕРЖЕНИЯ

¹ Эта и следующая выдержка переведены со шведского М. Д. Моричево й.

² Цит. по «России» от 5/18 ноября 1910 г.

В статье *О. Юзанна* «Сумерки апостола», появившейся 17 ноября в тулузской «Dérêche», мы находим следующие строки, несколько глумливые по тону, но верно отражающие тот неистощимый интерес к Толстому, который проявляла в течение двух десятилетий мировая общественность:

«Кредит, которым пользуется восхитительный автор „Войны и мира“ у мирового общественного мнения, поистине безграничен, раз ему постоянно удается привлекать к себе внимание, нисколько не утомляя его<...> Ни один из мастеров, искусно организуящих общественное мнение, ни один из мастеров назойливой периодической рекламы не привлекал к себе так часто внимание человечества, как Лев Толстой в последние двадцать лет своей жизни. Этот человек, тоскующий по небытию, по высшему покою, этот факир, презирающий, на католический манер, почести, связанные с его репутацией, отказавшийся от нобелевской премии, от барабанных ударов стоголосой славы, не переставал занимать нас своей особой с невероятным упорством с 1890 г. Я не хочу сказать, будто он лично в какой бы то ни было степени организовывал это, но как не подивиться странности того, что он каждые два месяца оказывался в агонии, что последние известия сообщали нам о его предсмертном коматозном состоянии чуть ли не каждый месяц и что он всегда благополучно отделялся — в двадцатый, пятидесятый, сотый раз — от мозговых кризов, от падений с лошади, от воспалений легких, от кровоизлияний, от злокачественных лихорадок, от всякого рода несчастных случаев, которые периодически осаждали этого восьмидесятилетнего человека со времени его шестидесятилетия. Коллекция депеш, в которых сообщалось о неминуемой смерти

Толстого, начиная с 1890 по 1910 г. составила бы невероятнейший по объему документ. Некрологи этого апостола под пресловутым заглавием „Старик держится“ размножились в невероятном количестве на типографских талерах. Можно с уверенностью сказать, что Толстой пережил больше тысячи авторов своих некрологов.

³ «Journal Officiel», 18.XI 1910.

⁴ «Раннее утро», 27/14 ноября 1910 г.— Как отмечала 21 ноября газета «Figaro», преждевременно выраженное Палатой депутатов соболезнование сделало невозможной для нее какую-либо манифестацию после получения подлинного известия о смерти Толстого.

⁵ См. в кн. 1-й настоящ. тома речь Жореса о Толстом, произнесенную в Тулузе в 1911 г.

⁶ См. обширное, но не внушающее доверия интервью, якобы данное Горьким в связи с уходом Толстого журналисту Э. Сerrаро в газ. «Mattino» 19—20.XI 1910.

⁷ Вероятно, Франс имел в виду известную клавесинистку Ванду Ландовску и ее мужа. 27 марта 1908 г. Ландовска писала С. А. Толстой: «Мой муж передал вчера Анатолю Франсу слова симпатии, которые мэтр высказал о нем в Ясной Поляне. Франс был ими глубоко тронут, ибо он благоговеет перед Толстым. Он хотел сам вам написать. Завтра или послезавтра должна быть напечатана здесь его статья „В честь Толстого“, которую позволю себе вам послать» (АТ, перевод с французского).

⁸ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

⁹ Н. Н. Гусев приводит следующие слова Толстого в связи с «Кренкбилем»: «Вот кого из литераторов я хотел бы видеть: Франса» (Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928, стр. 174). Об отношении Франса к Толстому см. в кн. 1-й настоящ. тома.

¹⁰ Ряд других отзывов иностранной печати см. в упомянутой выше книге Б. М е й л а х а.

Глава III

ОТКЛИКИ НА СМЕРЬ. — ФРАНЦИЯ

¹ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

² «Русские ведомости», 22/9 ноября 1910 г.

³ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

⁴ Там же.—Об отношении О. Мирбо к Толстому см. на стр. 76—77 настоящ. книги.

⁵ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г. — А. Батайль поместил 17 ноября в газете «Excelsior» статью «Конец Толстого», в которой писал, между прочим:

«Толстой — великий первобытный человек. Его следует любить и боготворить, даже не разделяя его взглядов и стремлений, его следует любить за ту исполненную идеализма и чистосердечия философию, которая заставляла его все чаще и чаще проникать в душевные глубины. Он, как и умирающий Фауст, мечтал о таком мироздании, которое будет превращено в фаланстер справедливости и простоты <...> Этот доисторический человек, этот патриарх умирает как наш современник (и какой современник!) близ маленькой станции, преградившей ему дорогу, — той именно станции, на которой Маслова в последний раз увидела, как навсегда исчезает Нехлюдов; той станции, мимо которой проезжают ссыльные, направляемые в Сибирь<...> Когда этот патриарх испустит свой последний вздох<...>, раскольничьи храмы наших сердец пусть забудут в набат — и это явится самой прекрасной заупокойной службой!»

⁶ «Русское слово», 21/8. XI 1910.

⁷ Там же. Ср. воспоминания «День у Толстого в Ясной Поляне». — И. И. М е ч н и к о в. Собр. соч., т. XIII. М., 1954, стр. 215—224.

⁸ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

Аронсон вспоминал о своем посещении Ясной Поляны:

«Толстой принял меня сразу же и осведомился о том, что мне угодно. Я объяснил ему, что мне поручено вылепить с него бюст в связи с его юбилеем. Я специально приехал из Москвы и просил его согласиться позировать мне один раз.

— Всё, что угодно, только не это! — кричал Толстой.

Я не настаивал; я сказал лишь мэтру, что очень огорчен, и собирался уже удалиться, когда он сказал мне:

— А не прогуляться ли нам по лесу?

Я согласился. Во время этой прогулки автор „Воскресения“ вдруг сказал мне:

— Я работаю с девяти до трех часов в своем кабинете. Если хотите, приходите и сделайте эскизы, при условии, что не будете мне мешать.

Я принёс глину и сделал что мог.

Спустя некоторое время Толстой поднял голову и стал рассматривать мою работу. Затем он покинул свое кресло и сказал мне:

— Вы поняли — мыслитель в духе Шопенгауэра... Хорошо, я соглашаюсь позировать четверть часа.

Я закончил бюст. Вот он».

(Вырезка из неустановленного французского журнала, где воспроизведен и снимок с бюста Толстого.—АТ). См. его воспроизведение на стр. 127 кн. 1-й настощ. тома.

⁹ Корреспонденту «Excelsior» Трубецкой сообщил следующие слова Толстого, сказанные во время этой прогулки: «С тех пор, как у нас украли несколько лошадей, графиня навязала мне и этого сторожа-«черкеса»... Сторож... Лакей... кареты... Нет, нет, в такой обстановке мне умирать нельзя. Ни за что, ни за что... Когда я почувствую... я незаметно уйду...».

24 января ст. ст. 1911 г. в «Петербургской газете» появилось сообщение о том, что в связи с возникшим проектом постановки в Париже памятника Толстому Трубецкой предложил принести в дар Франции статую своей работы.

¹⁰ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

¹¹ «Patrie», 24.XI 1910. Ср. «Русское слово», 24/11 ноября 1910 г.

¹² О П. Бурже и о цитируемой выше статье см. на стр. 59 кн. 1-й настощ. тома.

В статье «Эжен Мельхиор де Вогюэ», помещенной в «Revue des Deux Mondes» от 15 января 1912 г., Бурже писал, вспоминая о второй половине 1870-х годов:

«Помню, Вогюэ говорил мне о той роли, которую, как он предвидел, будет играть русская литература в послевоенной Франции, и приводил мне имена Толстого и Достоевского. Я знал уже о том и другом от Тургенева, с которым иногда виделся у Тана. Благородная беспристрастность старого романиста, отдающего высшую и полную справедливость более молодым соперникам, осталась одним из самых прекрасных впечатлений моей юности. Однако Тургенев, которого интересовала главным образом эстетическая сторона, раскрывал нам только их своеобразие как рассказчиков. Он благоговейно относился к искусству романиста и видел в нем все будущее современной литературы; подробности фактуры страстно интересовали его. Трудно передать, как восхищался он у Толстого чудодейственной способностью воссоздания жизни, у Достоевского — способностью создавать вокруг своих персонажей психологическую атмосферу» (р. 252).

¹³ Некрологи о Толстом появились почти во всех французских провинциальных газетах. Следует указать, что и в них повторялось немало нелепостей о Толстом и о причинах его ухода. Отметим наиболее значительные из выявленных нами статей:

Некролог из «Progrès de Lyon», 21.XI 1910, в котором читаем:

«... завершилась колоссальная жизнь, исполненная несравненной красоты и ума. Жизнь, деятельная до последнего вздоха и без конца проявлявшаяся в воспитательных творениях и действиях, проникнутых высочайшей нравственностью<...> Ум, воля, зоркость — все сохранилось в Толстом с полной силой, все пережило его возраст, и жизнь его, казалось, не кончится никогда; казалось, она достигла того бессмертия, которое он завещал своему творчеству<...> Смерть застигла его в момент полного апофеоза».

Ж. Эскаргёль отмечал в газете «Indépendant des Pyrénées Orientales» (Перпиньян): «Толстой умер. Но какое это имеет значение! Он будет жить для нас вечно в „Анне Карениной“, в „Крейцеровой сонате“, в „Воскресении“, во стольких других его божественных произведениях и особенно в том шедевре, который нельзя перечислять без восхищения, ибо он не уступает самым замечательным шедеврам всех времен — в „Войне и мире“».

Из статьи Г. Жеффруа «Тринадцатый апостол» в тулузской газете «Dérêche» от 1 декабря:

«Разве Толстой не проявил себя лучшим христианином, чем сам папа римский в своем Ватикане, когда он скрылся из своей яснополянской усадьбы, чтобы провести остаток дней в скитаниях и умереть на маленькой железнодорожной станции, затерявшейся среди почти безлюдных просторов России? Это для человечества не социальный, а нравственный пример, который может научить презрению ко многим вещам, продолжая вызывать у людей благоговение<...> Какие мнения, какие чувства могут устоять перед тем волнением, которое охватило мир при известии о добровольной смерти, с твердостью и кротостью принятой этим великим старцем, отдавшим жизнь ради того, чтобы подтвердить истинность своего учения».

Веракс писал в «Petit Nîçois» 22 ноября:

«... Медленный погребальный звон, раздававшийся в течение нескольких дней из Москвы, и затем внезапно прозвучавшая новость: „Толстой умирает, Толстой умер“ — вызвали мучительное содрогание во всем мире. Все мыслящие люди склоняются на этой могиле, и можно с уверенностью сказать, что Россия потеряла своего Вольтера. Как и нашему великому человеку, Толстому выпала славная участь — своими произведениями посеять семена, из которых на его родине возрастет эра обновления и свободы<...> И именно Толстому будет принадлежать бессмертная слава как человеку, заложившему первый камень социального здания возрожденной России. В этой скрытой, но непрекращающейся революции Толстой был гением — предтечей новых времен, как Вольтер был предтечей 1789 года. Он явился в нужный момент, чтобы взрастить в своем могучем уме идеал, который увлекает его родину на пути освобождения и прогресса».

Из марсельской газеты «Soleil du Midi» от 22 ноября:

«Известие о смерти Толстого, свалившегося после первых же шагов, которые он попытался сделать по ту сторону общественной жизни, держа в руке посох паломника, вызывает в памяти слова Камилла Демулена, узнавшего о кончине Мирабо: „Какую колоссальную добычу только что захватила себе смерть!“»

Из газеты «Journal d'Alsace-Lorraine» (Страсбург) от 22 ноября:

«Со смертью Толстого исчезает не только библейская фигура, не только великий ум — но и целый этап человеческого сознания».

¹⁴ См. стр. 384—385 настоящ. книги.

¹⁵ Отметим, что в яснополянской библиотеке сохранилась книга Сеайля «Les Affirmations de la Conscience Moderne» («Утверждения современной совести»). Paris, 1903, со следующей дарственной надписью на титульном листе: «A Léon Tolstoï hommage de respect, d'admiration et de vive gratitude pour les joies qu'il lui doit. Gabriel Séa il l e» («Льву Толстому, в знак почтения, восхищения и живейшей благодарности — за радости, которыми он ему обязан. Габриэль Се а й л ь»). Одна из последних глав этой книги называется «Философия Толстого».

¹⁶ Статья эта была написана в связи с 80-летним юбилеем Толстого (см. о ней на стр. 131 кн. 1-й настоящ. тома. — Отметим, что автор публикуемого обзора готовит к печати публикацию «Четыре юбилея Толстого», значительное место в которой занимают материалы из русской и иностранной прессы, относящиеся к 80-летию Толстого.

¹⁷ Эта заметка Метерлинка перепечатана редакцией из приложения к парижскому журналу «Plume» 1901 г. Приложение это вышло в связи с отлучением Толстого от церкви («Hommage à Tolstoï»).

¹⁸ «Русское слово», 4 декабря/21 ноября 1910 г.

¹⁹ Там же, 8 декабря/25 ноября 1910 г.

²⁰ После получения известия о смерти Толстого *Северин* писала в «Inhansigeant». 24.XI 1910:

«Он был сверхчеловеком, но не на манер Ницше, — душа Толстого еще больше, чем его гений, ослепляет наши глаза, привыкшие к сумеркам полуварварской жизни, в которых мы бредем, — ослепляет подобно сверканию солнца<...> Уход Толстого — подвиг, и он увенчал его творческий путь, ввел живым в область бессмертия. На своем смертном одре Толстой не мог не чувствовать, что он окружен восхищением, одобрением, благоговением, — словно фимиамом, веющим над алтарем».

²¹ «Droits de l'Homme», 12.III, 1911.

Глава IV

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ. — АВСТРО-ВЕНГРИЯ, АНГЛИЯ, ГЕРМАНИЯ, Голландия, Дания, Норвегия, Швеция

¹ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

² Там же, 22/9 ноября 1910 г.

³ Цит. по «Русским ведомостям» от 23/10 ноября 1910 г.

⁴ Цит. по «Русскому слову» от 22/9 ноября 1910 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по «Русским ведомостям» от 22/9 ноября 1910 г.

¹¹ Эта и предыдущая выдержки переведены с венгерского Ж. З ё л ь д х е й н.

¹² «Русское слово», 26/13 ноября 1910 г.

¹³ Там же, 24/11 ноября 1910 г.

¹⁴ Там же, 25/12 ноября 1910 г.

¹⁵ «Русские ведомости», 20 ноября/3 декабря 1910 г. Ср.: «Всеобщая газета», 25/12 ноября 1910 г.

¹⁶ «Петербургская газета», 12 февраля/30 января 1911 г.

¹⁷ «Русское слово», 20 ноября/3 декабря 1910 г. См. текст лекции Гардена в «Neuer Wiener Tageblatt», 2.XII 1910.

¹⁸ «Русское слово», 22/9 ноября 1910 г. Отметим также некролог *Гомперца* в «Neue Presse» 21.XI 1910.

¹⁹ Цит. по «Русским ведомостям» от 22/9 ноября 1910 г.

²⁰ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

²¹ Там же, 22/9 ноября 1910 г.

²² Цит. по кн.: Роза Л ю к с е м б у р г. О литературе. М., 1961, стр. 110—118.

²³ Цит. по «Русскому слову» от 22/9 ноября 1910 г.

²⁴ Цит. по «Русским ведомостям» от 24/11 ноября 1910 г.

²⁵ Там же. — См. также некрологи *Г. Паули* в «Magdeburgische Zeitung» 21.XI 1910, *А. Керра* и *Ю. Гарта* в «Tag», *Л. Шрёдера* в «Zeit», *Г. Кинцля* в «Nazional Zeitung» и *В. Н.* в «Hamburger Nachrichten» 22.XI 1910.

²⁶ Перевод статьи Гауптмана выполнен Н. Д. Э ф р о с.

- ²⁷ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.
²⁸ Там же, 4 декабря/21 ноября 1910 г.
²⁹ Там же, 27/14 ноября 1910 г.
³⁰ См. Dr Rudolf J a n s. Tolstoi in Nederland. Bussum, 1952.
³¹ Перевод этой и двух следующих выдержек с голландского языка выполнен И. В. В о л е в и ч.
³² Перевод выдержек из датских газет выполнен М. Д. М о р и ч е в о й.
³³ «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.
³⁴ Там же, 22/9 ноября 1910 г.
³⁵ Перевод этой и следующих выдержек с норвежского и шведского языков выполнен М. Д. М о р и ч е в о й.
³⁶ «Русское слово», 22/9 ноября 1910 г.

Глава V

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ.— БЕЛЬГИЯ, ИТАЛИЯ, ИСПАНИЯ, ПОРТУГАЛИЯ,
 РУМЫНИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ, ГРЕЦИЯ

- ¹ «Русское слово», 8/21, 9/22, 10/23 ноября 1910 г.
² См. стихотворение Ш. Б о д л е р а «Les Phares» («Маяки») в книге «Les Fleurs du Mal» («Цветы зла»).
³ «Русское слово», 3 декабря/20 ноября 1910 г.
⁴ Там же.
⁵ «Речь», 26/13 ноября 1910 г.
⁶ А. В. Л у н а ч а р с к и й. Литературные силуэты. М., 1923, стр. 94—96. Впервые опубликовано в «Новой жизни», 1911, № 2, стр. 214—237. В своей статье Луначарский цитирует также некролог, принадлежащий перу писателя Дж. Папини, впоследствии одного из основоположников итальянского фашизма.
⁷ «Русские ведомости», 22/9 ноября 1910 г.
⁸ «Corriere della Sera», 21.XI 1910.— Перевод с итальянского М. И. Пер-
 пер.
⁹ «Русское слово», 24/11 ноября 1910 г.
¹⁰ «Речь», 30/17 ноября 1910 г.
¹¹ «Русское слово», 30/17 ноября 1910 г. и «Nouvelles», 30.XI 1910.
¹² «Одесские новости», 27/14 декабря 1910 г.
¹³ «Русское слово», 23/10 ноября 1910 г.
¹⁴ «Всеобщая газета», 23/10 ноября 1910 г.
¹⁵ «Всеобщая газета», 23/10 ноября 1910 г.
¹⁶ «Русское слово», 23/10 ноября 1910 г.
¹⁷ См. несколько других откликов на смерть Толстого в обзоре Т. Н и к о л е с к у «Толстой в Румынии» — на стр. 508—510 настоящ. книги.
¹⁸ Выдержки из румынской прессы переведены Ю. А. К о ж е в н и к о в ы м.
¹⁹ «Иностранная литература», 1958, № 3, стр. 264.
²⁰ Этторе Джанни (1875—1956) — итальянский журналист и писатель, автор предисловия к итальянскому изданию «Не могу молчать».
²¹ См. «Journal de Genève», 9.XII 1910.
²² «A la mémoire de Léon Tolstoï.— Séance solennelle organisée par un groupe d'admirateurs de Tolstoï et tenue dans l'aula de Genève le 7 décembre 1910». Genève, 1911. («В память Льва Толстого.— Торжественное заседание, организованное группой поклонников Толстого и состоявшееся в актовом зале Женевского университета 7 декабря 1910 г.»).
²³ «Биржевые ведомости», 6/19 января 1911 г.

Глава VI

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ.— БОЛГАРИЯ, СЕРБИЯ, ХОРВАТИЯ, ЧЕРНОГОРИЯ,
 ЧЕХИЯ, СЛОВАКИЯ

- ¹ «Современник», 1911, № 1, стр. 315.
² «Русское слово», 14/1 декабря 1910 г.—См. в первой книге настоящ. тома некролог Толстого из газеты «Препорец», принадлежащий перу А. Стоянова.
³ Все выдержки из сербских и хорватских газет переведены И. Д. О ч а к о м.
⁴ «Русское слово», 26/13 ноября 1910 г.
⁵ «Русское слово» и «Русские ведомости», 23/10 ноября 1910 г.
⁶ Приводимые сведения извлечены нами из статьи: Karel Н е г м а н н. K ohlasu Tolstého umrti v českém tisku.— «Ceskoslovenska Russistika», 1960, № 4, str. 241—246.
⁷ Перевод выдержек из чешских изданий выполнен Ш. Ш. Б о г а т ы р е в ы м.
⁸ «Právo Lidu», 29.XI 1910.
⁹ «Русское слово», 29/16 ноября 1910 г.
¹⁰ Отклики польской прессы на уход и смерть Толстого мы здесь не приводим, так как на эту тему пишет монографическую работу польский исследователь Б. Б я л о к о з о в и ч.

Глава VII

ОТКЛИКИ НА СМЕРЬ.— США, КУБА, МЕКСИКА, АВСТРАЛИЯ, ИНДИЯ, ПЕРСИЯ,
АРАБСКИЕ СТРАНЫ, ТУРЦИЯ, КИТАЙ, ЯПОНИЯ

¹ Перевод выдержек из кубинских газет выполнен Н. И. Горбунковой.

² Австралийская газета «Sydney Morning Herald», сообщив 21 ноября о смерти Толстого, напечатала его биографию. Биографию Толстого поместил также сиднейский журнал «Bulletin» 1 декабря. 26 ноября мельбурнская газета «Australasian» опубликовала многочисленные сообщения из России об обстоятельствах смерти Толстого, а также большую биографическую статью, в которой охарактеризовала писателя как человека, одаренного творческим даром больше других его современников.

³ Цит. по кн. Dr Kalidas N a g. Tolstoj and Gandhi. Calcutta, 1950, p. 123—124. Другие отклики индийской печати см. в книге Б. Мейлаха, цит. изд., стр. 333.

⁴ «Русские ведомости», 25/12 декабря 1910 г.

⁵ Там же, 23/10 ноября 1910 г.

⁶ «Всеобщая газета», 23/10 ноября 1910 г.

⁷ «Крымский вестник», 9/22 февраля 1911 г.

⁸ «Русское слово» 2 декабря/19 ноября 1910 г.

⁹ Журналист Такаиси Цумэдзуме писал в газете «Осака майнити симбун» 23.XI 1910 (в статье «Скорбь о Толстом»):

«Я посетил Толстого в Ясной Поляне через год после окончания русско-японской войны, приехав туда по поручению своей газеты<...> Меня привели на веранду, где сидел седобородый граф в крестьянской одежде. Разговор шел о живописи, о преимуществах сельской жизни, земельной ренте, бесполезности железных дорог, затем снова перешел на живопись. Говорили по-английски. Толстой изъяснялся на этом языке недостаточно бегло, заметив, что в Англии он побывал „еще до Моисея“. Глаза Толстого были непохожи на глаза других людей, взор его казался ястребиным, он как бы пронзал собеседника. Говорил он поглаживая бороду, и во всем чувствовалась острота его внимания и сила наблюдательности. Вечером меня пригласили поужинать со всеми<...> Разговор велся по-русски и был мне непонятен. Вначале шла речь о русско-японской войне. В центре беседы все время был граф, который как бы поучал всех сидевших за столом. Мне предложили переночевать в павильоне, а когда я собирался продолжить наш разговор, оказалось, что граф уже ушел на прогулку. Позавтракав в одиночестве и дождавшись, наконец, графа, я услышал от него: „Я должен сейчас сесть за работу. Прежде всего работа, работа“<...> Я не собирался вступать в серьезные споры с Толстым и дискутировать с ним — я хотел только представить себе и своим читателям живой облик Толстого и убедился в том, что этот почти восьмидесятилетний старец обладает еще сильной волей, продолжает учиться и не бросает пера, которым были написаны великие произведения».

¹⁰ Выдержки из японских изданий переведены Л. А. Стрижаком.